

ASSASSIN'S CREED®

ПОСЛЕДНИЕ ПОТОМКИ

ГРОБНИЦА ХАНА

МЭТЬЮ ДЖ. КИРБИ

ASSASSIN'S CREED

ПОСЛЕДНИЕ
ПОТОМКИ

ГРОБНИЦА
ХАНА

МЭТЬЮ ДЖ. КИРБИ

Перевод выполнен специально для группы

Assassin's Creed Initiates

vk.com/initiates

Перевод и редакция:

Ильяс Ахмедов

Александр Лис

Анастасия Соколова

Все права на книгу принадлежат автору и издательству, а переводчики не ставят целью иметь с этого выгоду. Перевод представлен исключительно в ознакомительных целях.

ГЛАВА 1 КИТАЙ, 1259 ГОД

Наталья затаила дыхание в ожидании взрыва.

С высоких стен, над ней, артиллеристы Сун¹ обрушили на них очередной шквал железных бомб из их фей йюн пи–ли пао², стальных громогласных орудий. Красные огненные хвосты пролетели над головой и с шумом пронесли вниз к орде Великого хана³. Она зажала уши и бросилась в укрытие, за земляной вал, возведённый инженерами ещё во

¹ Империя Сун – государство в Китае, существовавшее с 960 по 1279 года. Её основание положило конец раздробленности Китая, которое продолжалось со времени падения династии Тан в 907 году. Их эпоха ознаменовала первое использование банкнот и небывалый рост китайского судоходства. Постоянная военная угроза с севера привела к росту оборонного комплекса и технологическому развитию.

Бела продолжительную войну с монголами, некоторые города оказывали ожесточенное сопротивление. Но к 1280 году была полностью захвачена династией Юань.

² «Парящие в небесах, пронзаемые громом». Огромные и гладкие, как шар, чугунные пушки, внутри которых, помимо зарядов, содержится полфунта (около 227 граммов) «волшебного» пороха. Когда они прилетают к врагу, то при звуке, напоминающем гром, вызывают вспышки света, заставляя противника теряться. Если 10 таких пушек одновременно поражают цель, то всё место оказывается в огне. (Джозеф Нидхэм «Наука и цивилизация в Китае», том 5, часть 7).

³ Мунке–хан (1208 – 11 августа 1259) – четвертый великий хан Монгольской империи с 1251 по 1259 гг. Внук Чингисхана и сын Толуя. Известен своим участием в Европейской кампании, когда монгольское войско дошло до Адриатики. Затем с успехом взял власть и уделил внимание завоеванию Азии.

Умер 11 августа 1259 года во время осады китайского рыбацкого города Хэнчжоу (на месте современного Чунцина) при загадочных обстоятельствах. Это вынудило брата Хулагу оставить кампанию в Сирии в Египте, что привело к очередной борьбе за власть и началу распада Монгольской империи.

времена династии Цзинь⁴. И хоть земля содрогалась с каждым ударом, бросая Наталье в лицо грязь и песок, а гром битвы был достаточно долгим для того, чтобы её барабанные перепонки лопнули, оборона держалась. До сих пор.

Воздух, горячий и влажный, который душил руками жаркого лета, стал тих. Густой дым чёрного пороха обжёг глаза и нос Натальи.

Нет. *Ego* глаза и нос.

Глаза и нос предка Натальи, Байана, бурятского война из далёких северных степей. Но переживание воспоминания мужчины было наименее дезориентирующим аспектом в этой симуляции. Монгольская культура Байана была совершенно чужда ей, их война за завоевание Азии и Европы была глубоко отвратительна ей. И эти нашествия принесли ДНК монгольских предков в её русско–казахское семейное древо. История монгольских завоевательных войн в каком–то роде была и историей происхождения Натальи.

Рядом с Байаном трясся от страха молодой воин, не отводящий глаз от вала, боясь, что тот рухнет на них. Все в войске хана видели, насколько разрушительно оружие Сун, разрывающее лошадей и людей на куски силой огня и железа.

Наталья ощутила Байана, выходящего на сцену её сознания, и она отступила в тень, позволив ему играть свою роль.

– Спокойно, – сказал Байан молодому воину. – Это только для вида. Они хотят убедиться, что мы помним наше сегодняшнее поражение при вратах Син Донга.

Молодой воин сжал губы и кивнул:

– Довольно впечатляюще.

По его манере речи и тому, как он держал себя, Байан понял, что он был *тангут*⁵, призванным на войну, и имел мало битв за плечами. Он не был монголом, степным народом. Он не участвовал в тренировках и в Большой Охоте. Это напомнило Байану его самый первый раз: внушающая трепет, восьмимильная линия воинов, пешими и конными,двигающаяся вперёд в едином строю, дисциплинированная и нерушимая. Как левый и правый фланг медленно двинулись вперёд, и как они образовали гигантский круг шириной в много миль. А затем методически сужали его, пока

⁴ Династия Цзинь (1115 – 1234) – одна из последних китайских династий, существовавших перед монгольским походом. Известна участием в постройке Великой Китайской стены для защиты от монголов, начатой в 1123 году и законченной в 1198.

⁵ Тангуты – народ тибето–берманской группы, обитающий в Северном Китае. В 1227 году были побеждены войсками Чингисхана.

мечущиеся в ужасе животные, находящиеся в центре, не замолчали навсегда, в угоду Великому хану.

Учения занимали месяцы, готовя Байана и степные племена к войне.

Этот молодой воин должен найти в себе мужество или погибнуть, от рук врагов или орды, за свою трусость. Байан должен был обратить внимание командира его арбана⁶ на этого тангута.

– Как тебя зовут? – спросил Байан.

– Чен Лун.

Байан также спросил имя его командира, после чего сказал:

– Будь стойким, Чен Лун. Подобно тому, как хан Угэдэй⁷ покорил империю Цзинь, хан Мунке покорит Сун. Мы *не оставим камня на камне* от этого города и убьём всех его жителей, каждого мужчину, женщину и ребёнка.

Воин склонил голову:

– Да, овгон–гуай.

Байан оставил его и прошёл дальше, инспектируя своих людей, довольный их стойкостью и решительностью даже перед лицом артиллерии Сун, жарой и болезнями в этой местности. На западе, за линией обороны хана, на вершине высокой и кажущейся чёрной в темноте горы светились огни Рыбацкого города⁸. Даже Аламут, крепость ассасинов в Персии, не сопротивлялась осаде так же успешно, как этот оплот. Его местоположение, окружение широкими реками и тремя крутыми склонами, давали этому месту природную защиту от вторжения, которая была дополнена военными инженерами Сун.

Но другая тень уже вздымалась перед горой: насыпь на Седельном холме, которую хан приказал увеличить. Байан предполагал, что это сооружение в конечном счёте облегчит ведение осады или наблюдения за городом. Но некоторые думали, что это глупое проявление гордыни Великого хана, но была ли это гордость, если она высказана плетью Бога, Императора мира?

В назначенный час Байан отступил на восток, к казармам на Львином холме, присоединившись к остальным девяти командирам его мингхана в ставке их генерала. Большой круглый шатёр, отделанный войлоком,

⁶ Арбан – подразделение в 10 человек в монгольской армии. 10 арбанов – 1 джагун, 10 джагунов – 1 минган, 10 минганов – 1 тумен, или тьма.

⁷ Угэдэй (1186 – 11 декабря 1241) – третий сын Чингисхана, преемник отца в качестве Великого хана Монгольской империи. Отец избрал его в качестве преемника ещё задолго до смерти, а затем курултаем (съездом всех монгольских князей) он был утверждён в 1229 году. Продолжил экспансию отца на Северный Китай и в Среднюю Азию. Из внутренних реформ известен организацией почтовой службы, усовершенствованием налоговой системы и окончанием строительства столицы империи – Каракорума.

⁸ Рыбацкий город Хэнчжоу – город, оказавший ожесточенное сопротивление, и именно под которым умер хан Мунке. Это сопротивление вкупе со смертью хана заставило монголов отступить из Сирии и Восточной Азии и предотвратило расширение империи в Африку.

встретил его волной жара. Несколько других командиров кашляли, несколько выглядели болезненными и слабыми, хотя они делали всё возможное, чтобы скрыть свою немощь. Байан думал о том, сколько войск они потеряют от чумы, прежде чем это всё закончится.

– Мы получили новые приказы, – сказал генерал Кёке. – Ван Дечен возглавит наступление на врата Ху Го. Сегодня ночью.

– Ван Дечен? – спросил один из командиров.

– Да, – ответил Кёке.

Ван Дечен был самым доверенным генералом Великого хана, его главнокомандующим. Здесь, у Рыбацкого города, Ван Дечен командовал четырьмя туменами – десять тысяч сильнейших воинов каждая, как на речных землях, так и на равнинах. Если атака будет находиться под его непосредственным командованием, то это означает критическую важность происходящего.

Кёке продолжил:

– С нашим поражением у врат Син Донга, Сун не ожидают нового наступления так скоро, и не под покровом темноты. Ван Дечену нужны сильнейшие. Каждый из вас знает, насколько здоров и боеспособен ваш джагун.

– Мой готов, – Байан вытер пот со лба, сбегавший с него, когда он снял шлем. – Все мои люди готовы к бою.

Кёке посмотрел на других:

– Остальные из вас?

Несколько других командиров предложили свои подразделения полностью. Те, чьи войны были подкошены болезнью, предложили только несколько арбанов, по десять человек каждый. Кёке принял их всех.

– Соберите своих воинов и будьте на южном бастионе через полчаса. Там вы получите дальнейшие приказы.

Командиры разошлись, и Байан поспешил к казармам.

Пока он шёл, Наталья ощутила новую волну страха и чувство полного опустошения. Это будет пятая битва с тех пор, как она вошла в симуляцию, и ей нужно было отдохнуть от крови и смертей.

– Я не могу, – сказала она, вторгаясь вперёд, вместо сознания Байана. – Виктория, я больше не могу.

Прошла минута. Битва приближалась.

– Виктория?

– *Ты в порядке, Наталья?* – в её разуме раздался женский голос, окрашенный лёгким французским акцентом.

– Нет, не в порядке. Я думаю, мне нужен перерыв.

– Ну, твои показатели стабильны, хотя пульс и давление слегка повышены.

«Хм, да неужели?» – хотелось сказать Наталье. А чего ещё ожидать от её кровяного давления, когда она стоит прямо перед средневековым полем боя?

– Мне нужен перерыв, доктор Бюбо, – повторила Наталья более твёрдо.

– Ты уверена? Ты знаешь, как тяжело для тебя это будет.

Байан только что достиг казарм, и Наталья почувствовала его нарастающее возбуждение от предстоящей битвы.

– Я уверена.

Секунда тишины. Наталья представила, как кто-то с той стороны раздраженно выдохнул.

– Конечно. Приготовься.

Наталья напряглась в ожидании того, что будет, так же, как и Байан, в ожидании артиллерийского огня, только Наталью ожидал взрыв немного другого вида.

– Завершение симуляции через три, два, один...

Мир вокруг неё: монгольский лагерь, звёзды, влажное тепло на её коже, запах дыма и крови – всё это взорвалось в её мозгу, заставив пережить несколько мучительных моментов. Когда боль утихла, она оказалась среди пепла того, что было, обнаружив себя стоящей в бесформенной пустоте Коридора Памяти, плацдарма к полноценной симуляции и переходного места, чистилища, дающего возможность легче приспособиться и привыкнуть к состоянию симуляции. Если это было «легче», то Наталья не могла представить себе, каков «обычный» вариант.

– Ещё пару секунд. Декомпрессия.

Наталья на самом деле не была готова к декомпрессии, пока полностью не вышла из симуляции, но всё равно она стала очищать свой разум от воспоминаний Байана, сосредоточившись на своих собственных. Она вспоминала своих родителей и дедушку с бабушкой, свою жизнь перед тем, как Монро обнаружил её и втянул во всё это. Виктория учила её сосредотачиваться на конкретных воспоминаниях, как, например, звон колоколов Русской Православной Церкви, в которую ходили её дедушка с бабушкой, или запах *щей*, кипящих на плите, пока стоящие на столе острые *манты* выпускали пар. Эти детали помогали ей напомнить себе, кто она, снова найти себя после того, как она потерялась в чужой жизни.

После нескольких секунд она глубоко вздохнула, готовясь к худшей части:

– Я готова выйти.

– Очень хорошо. Теменная экстракция через три, два, один...

Разум Натальи, живот, кожа – всё это словно вывернули наизнанку, обнажив голые нервы. Она больше не кричала, но по-прежнему не могла удержаться от стонов, пока неприятные ощущения не прошли, и лишь затем Виктория сняла шлем Анимуса. Наталья стояла в центре вытянутого в высоту металлического кольца, привязанная к нему страховочными тросами вокруг её туловища. Металлические застёжки крепили её ноги к маленьким подвижным платформам под ней. Её ноги и руки стягивали ремни чего-то, напоминающего экзоскелет: полностью сочлененный скелет, реагирующий на её малейшее движение. В отличие от варианта Монро, этот тип Анимуса предоставлял Наталье полный спектр движений в симуляции, без их дублирования в реальном мире⁹. Виктория помогала ей отстегнуться от всего этого.

– Не забывай дышать, – сказала она, поддерживая её при выходе из кольца.

Наталья шагнула, её ноги немного дрожали. В зависимости от того, сколько и какой тип движений был с симуляции, этот новый Анимус мог оставить её физически опустошенной. Волны накатывающей тошноты заглушали боль, во рту появился нарастающий привкус желчи.

– Мне нужно ведро, – сказала она, закрыв глаза. Если держать их открытыми, станет только хуже.

– Здесь, – произнесла Виктория.

Наталья повернулась на голос и открыла правый глаз ровно настолько, чтобы увидеть ведро через ресницы. А затем её тошнило до тех пор, пока её желудок не был полностью опустошен, а она стала задыхаться.

– Всё? – спросила Виктория очень мягким голосом, придерживая её за волосы.

Наталья споткнулась по пути к койке в углу комнаты, тяжело дыша и так же тяжело себя чувствуя.

– Всё.

Она услышала захлопнувшуюся крышку ведра, которое унёс один из техников Абстерго. Наталья почувствовала себя немного стыдно по отношению к тому, кто это был, но только на секунду. В конце концов, именно Наталья прошла через этот ад. Она зажмурила глаза и попыталась посмотреть через щёлку.

– Сколько я там пробыла?

– Три часа и одиннадцать минут, – ответила Виктория, сев рядом с ней.

– Мне показалось больше, – сказала Наталья. Хотя так всегда и бывало.

– Ты не хочешь поспать?

⁹ Этот Анимус появлялся в Локусе, и выглядит вот так:

<http://www.readcomics.tv/images/manga/assassins-creed-locus/2/8.jpg>

Наталья ещё чуть–чуть открыла глаза и повернулась к ней. Короткие волосы Виктории чуть отросли в течение нескольких недель после того, как Наталья и остальные попали в Аэри, но её большие зубы и улыбка остались прежними.

– Думаю, да, – сказала Наталья.

– Очень хорошо. Тогда обсудим всё позже.

Виктория вздохнула, потянулась, поднявшись со своего вращающегося кресла, и прошла через комнату. Подойдя к стеклянному шкафу, она достала из него бледно–голубое флисовое одеяло, которое протянула Наталье.

– Отдыхай. Мы присмотрим за остальным.

Наталья кивнула или подумала, что кивнула. Она не могла сказать точнее, так как сон взял над ней верх, и её глаза закрылись против воли.

Когда Наталья проснулась, она была одна, но была очень уверена, что кто–то и где–то присматривает за ней. Она села в мягком свете комнаты. Голова болела.

Она могла ожидать этого: головная боль будет длиться как минимум день, хотя в самом начале она длилась гораздо дольше. У остальных было то же самое. Виктория успокоила их, сказав, что их Анимусы калибруются и кодируются под индивидуальные нейрометрики, и в конечном счёте головные боли должны будут прекратиться.

Должны, но пока не прекращались.

Наталья потёрла затылок, под макушкой, где Теменной Супрессор бомбардировал её мозг электромагнитными импульсами, откалиброванными специально для неё. Те волны не беспокоили совсем, пока она была в симуляции. Именно это и было проблемой: остальные могли находиться в Анимусе гораздо больше времени, чем Наталья. Шон, скорее всего, жил бы там, если бы мог, но затем он переживёт то, что Наталья никогда не сможет.

Один из техников упомянул, что есть ещё одна, более продвинутая версия Анимуса с более полным погружением¹⁰, но Абстерго никогда не использует её на детях. Наталья была рада этому. Сканеры компьютерной томографии и функциональной магнитно–резонансной томографии, вместе с Теменным Супрессором, были более чем продвинутыми для неё.

¹⁰ Анимус–роборука, который появлялся в фильме. И его модифицированная версия в романе Кристи Голден «Ересь».

Дверь в комнату открылась с шипящим *вжух*, и Виктория зашла в неё, одетая в свой белый лабораторный халат, держа в руках свой неизменный планшет. Свет включился полностью, и Наталья зажмурилась.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Виктория.

– Лучше, – сказала Наталья.

– Правда? – произнесла Виктория, нахмурившись. – Это должно пройти со временем.

Должно.

– Ты чувствуешь себя готовой к обсуждению?

Наталья окинула взглядом комнату с белыми панелями и стеклом, и кривыми линиями, и компьютерными мониторами, контурами кольца Анимуса, будто поднятого со дна моря, отполированного волнами, накатывающими на него тысячи лет. Наталья встала на ноги:

– Да, я готова.

– Отлично, – Виктория указала на дверь. – Идём?

Они покинули комнату Анимуса и вышли в широкий коридор с дверями, выстроившимися с правой стороны, и стеклянной стеной, выходящей на сосновый лес, окружающий комплекс Аэри. Деревья здесь были тем, чем Наталья наслаждалась. Всё, что ей было нужно – это выйти наружу и сделать вдох полной грудью, чтобы почувствовать себя немного лучше.

Виктория повела их вниз по коридору, в сторону конференц-зала. После того, как они покинули комнату с Анимусом, здание открылось перед ней во всей красе, освещаемое вечерним золотым светом через стеклянный потолок, многочисленные стеклянные стены и окна. Место обладало почти призматическим эффектом в некоторых областях, и так было в каждом из пяти зданий Аэри, построенных таким же образом.

Когда они достигли конференц-зала, Исайя поднялся с кресла, приветствуя её, сверкая своими зелёными глазами и приковывая внимание к своим блондинистым волосам, зачёсанным назад:

– Рад видеть тебя, Наталья. Я понимаю, что твои симуляции продолжают каждый раз быть довольно напряженными.

– Есть только один способ обнаружить это, – сказала Наталья.

– Ты держишься?

– Пока что.

– Пожалуйста, – Исайя указал ей на один из стульев за конференц-столом, который выглядел так, будто был выточен из огромного куска обсидиана. – Давай поговорим.

Наталья заняла стул напротив Исая, и Виктория заняла место рядом с ней.

– Монгольские ханы часто были довольно беспощадны, – сев обратно, сказал Исая. – Особенно в ходе их вторжения в Северный Китай.

Наталья не хотела останавливаться на этом подробно, но монголы следовали схеме психологической войны и террора. Сначала они предлагали пощадить город, если правители будут подчиняться Великому хану и платить ему дань. И если правители соглашались, находясь в курсе слухов о монгольской непобедимости, город, как правило, был избавлен от любого кровопролития. Но если правители отказывались, резня и разрушения, следовавшие за этим, выворачивают наизнанку желудок Натальи.

– Я понимаю, почему это так тебя терзает, – продолжил Исая.

– Мы все понимаем, – добавила Виктория.

Исая положил на стол руки, с его длинными и узкими пальцами.

– Я бы хотел, чтобы был другой путь узнать то, что нам нужно.

Так же, как и Наталья.

– Ты бы хотела позвонить родителям? – спросил Исая.

Наталья постоянно подумывала об этом, несмотря на то, что звонила им раз в два или три дня и каждую неделю встречалась с ними. Но она никогда не говорила им ни о чём. Она не хотела беспокоить их или заставлять их нервничать.

– Думаю, я в порядке.

Виктория положила руку на предплечье Натальи.

– Тогда мы можем задать несколько вопросов о симуляции?

– Конечно.

Лучше разобраться со всем побыстрее.

– Как на тебя действует Теменной Супрессор? – спросил Исая. – Доктор Бюбо говорит, что у тебя всё ещё есть болевые ощущения.

Наталья кивнула.

– Это ожидаемо, – сказал Исая. – Электромагнитные волны подавляют теменные доли твоего мозга, отдел, отвечающий за твою ориентацию во времени и пространстве. Это позволяет более глубоко проникнуть и более быстро принять симуляцию, но это может немного сбивать тебя с толку.

Он говорил то же самое объяснение каждый раз, почти слово в слово, словно у них не было этого разговора раньше.

– Головные боли не такие сильные, как раньше, – сказала Наталья, надеясь сменить тему.

– Приятно слышать, – Исайя повернул голову на какой–то дюйм влево.
– Ты видела какой–нибудь знак присутствия Частицы?
– Нет.
– Уверена?
Наталье не нравилось, что он постоянно спрашивает её по два раза.
– Думаю, я смогу распознать кинжал с мощью, способной уничтожить мир.
– Может, да. А может, и нет.

Она знала, что он был в нетерпении, но и она тоже. Частица Эдема была единственной причиной, по которой она была здесь. Это и была причина, по которой они все были в Аэри, а Оуэн и Хавьер были там, где они были. Реликвия не была найдена. Но Наталья по–прежнему не была уверена, кто, по её мнению, должен её получить первым.

– Мы знаем, что Байан вошёл с ней в контакт в какой–то момент своей жизни, – сказала Виктория. – Это только вопрос времени.

– Что, если он войдёт в контакт с ней, будучи стариком? – спросила Наталья. – Я всё ещё должна пройти долгий путь.

– Если бы у нас было ядро Анимуса Монро, с его исследованиями, мы могли бы более сузить район поиска, – казалось, глаза Исайи блеснули, а мышцы и челюсти напряглись. – Но, к сожалению, мы по–прежнему не знаем, где он, и пока что мы будем проживать один день из жизни Байана за раз.

– Одну битву за раз, – уточнила Наталья. Исайя и Виктория не упоминали Господствующее Событие в последнее время.

Они знали, что Монро нашёл что–то уникальное в их ДНК.

Они просто не знали точно, что это.

– Какая текущая ситуация в симуляции? – спросил Исайя.

Наталья рассказала ему о осаде горы и о том, что монгольская орда переживала очень редкое для себя чувство поражения.

– И все болеют, – закончила она. – Холера или малярия, что–то вроде того.

Виктория включила планшет и что–то нажала на нём:

– Некоторые источники утверждают, что хан Мунке погиб от инфекционного заболевания во время осады.

– У него её пока нет, – сказала Наталья.

Исайя начал барабанить пальцами по обсидиановому столу, его ногти при ударах издавали щелчки.

– Ты сможешь вернуться туда ночью?

Наталья помедлила, прежде чем ответить, потирая пальцами виски.

– Нет, на сегодня всё.

Исайя кинул недовольный взгляд на Викторию, и она смотрела на него несколько секунд, прежде чем покачать головой, словно Наталья не видела их обоих перед собой. Но это было не важно. Они не смогут заставить её силой, и не было никакого способа вернуть её туда сразу.

Исайя стукнул по столу костяшками пальцев. Один раз.

– Хорошо.

Он встал во весь рост.

– Я надеюсь, что ты хорошо отдохнёшь ночью. А завтра...

– А завтра я отправлюсь на войну, – закончила за него Наталья.

ГЛАВА 2

Оуэн не боялся. Но думал, что стоит.

Он сидел на койке рядом с Хавьером, прислонившись спиной к голой известковой стене из гипсокартона, в гараже, который Гриффин использовал как убежище. Ассасин сидел спиной к ним, лицом к монитору компьютера, общаясь со своим начальством.

– Вы уверены, что убежище скомпрометировано? – спросил Гриффин. Его низкий голос напоминал басовитый рокот дизельного двигателя, смуглая кожа бритой головы отражала свет единственной лампочки, висящей посреди комнаты. – Я принял меры предосторожности.

– Более чем, – произнёс мужчина в мониторе. Оуэн видел его лицо однажды, изможденное, с густыми, сидящими волосами и бородой. Гэвин Бэнкс, глава Братства ассасинов. – Ротенберг сказал, что ударный отряд тамплиеров может быть прямо сейчас на пути к вам.

Хавьер взглянул на Оуэна, его глаза сузились, он напрягся. Он казался более обеспокоенным, чем Оуэн.

– И вы доверяете информатору? – спросил Гриффин.

– Доверяю. Очистите территорию и убирайтесь немедленно.

Гриффин кивнул:

– Я уже разведаль новое место для...

– Нет, – прервал его Гэвин. – Проследуйте к месту встречи Альфа–12. Ребекка Крейн встретит вас там и даст дальнейшие указания.

– Ребекка? – Гриффин помедлил. – Тогда хорошо, ладно.

– Желаю удачи. Конец связи.

Затем экран погас.

Оуэн едва перевёл дыхание, как Гриффин встал:

– Каждый из вас экипируется и берёт, что может, в рюкзаки.

Поспешим.

Оуэн и Хавьер переглянулись и, вместе вскочив с койки, метнулись к коробкам и ящикам, сложенным на металлических стеллажах, стоящих вдоль стен гаража. Они уже делали это, когда Гриффин повёл их к горе МакГрегора для поиска первой Частицы Эдема. Они натянули свои толстовки с капюшонами и кожаные куртки, а затем принялись вооружаться. Метательные ножи, дротики и маленькие гранаты самых разных видов, от отравляющего газа до электромагнитного импульса, который мог обрушить на землю висящий в воздухе вертолёт.

Оуэн смотрел, как Гриффин пакует своё собственное снаряжение, включающее в себя наруч асасина, к которому он не позволял Оуэну даже прикасаться. Когда они закончили со сборами, Гриффин подошёл к компьютеру и ввёл команду.

– Будьте готовы и помните своё обучение, – сказал он.

Оуэн не думал, что когда–нибудь забудет изнурительные тренировки, включавшие основы рукопашного боя и фрирана, через которые Гриффин провёл их за последние несколько недель.

Ассасин кивнул на экран:

– У нас три минуты.

– До чего? – спросил Хавьер.

Гриффин не ответил. Он ввёл ещё одну команду, нажал «Enter» и направился в сторону роллерной двери. Металл с грохотом и лязгом пошёл вверх, когда он потянул его за ручку.

Солнце снаружи село, но полная тьма ещё не наступила – то самое время дня, когда всё становится собственной серой тенью, но ты всё ещё можешь разглядеть некоторые детали.

Гриффин повёл их к следующей двери, где хранил машину, но, прежде чем он открыл замок, в самом дальнем конце ряда гаражей показались огни фар. Машина завернула за угол и стала приближаться. Быстро.

– Это...? – начал Оуэн.

– Оставляем машину, – воскликнул Гриффин и побежал в противоположном направлении. – Ходу!

Оуэн с Хавьером понеслись за ним, и они пробежали с полсотни метров. Затем Гриффин забрался на крышу гаража, Оуэн сделал то же самое, всё ещё немного удивляясь, насколько естественными стали его новые способности после времени, проведенного в воспоминаниях его предка-ассасина. Он услышал, как Хавьер залез следом, и втроём они беззвучно побежали по длинной крыше.

– Что случится через три минуты? – спросил Хавьер.

– Двадцать три секунды, – поправил Гриффин.

Оуэн оглянулся через плечо. Он видел свет от машины, достигшей их гаража. Затем он обнаружил, что здесь были и другие огни, приближающиеся к этому месту с разных сторон, включая огни в небе.

– Вертолёт приближается, – сказал он.

– Слышу, – ответил Гриффин. – Пригнитесь...

Оглушительный взрыв позади них окатил теплом шею Оуэна и поднял давление в ушах. Вспышка света озарила крышу, по которой они бежали, так же, как и соседние, где Оуэн заметил с дюжину фигур на корточках, медленно движущихся к ним. Они были одеты в чёрную форму и шлемы, которые давали им возможность искать и следить за сложными целями.

– Тамплиеры, – прошептал Оуэн, и втроём они упали на грудь.

– Похоже, Ротенберг был прав, – сказал Гриффин. – И они пришли подготовленными.

– Ты взорвал своё собственное убежище? – спросил Хавьер. Толстый столб дыма поднимался в небо. Оуэн чувствовал запах горящего пластика.

– Стандартная процедура, – ответил Гриффин. – Это не оставит им ничего, что помогло бы выйти на Братство.

– Они всё ещё могут выйти на нас, – сказал Оуэн.

– Нет, не смогут. Следуйте за мной, – сказал Гриффин и скользнул к краю крыши.

Оуэн и Хавьер сделали то же самое, и, когда они втроём достигли дальнего угла крыши, они спрыгнули на тротуар в переулке на другой стороне от того, где поднялись. Тёмный проход казался пустым.

Гриффин оттянул рукав и отрегулировал наруч:

– Вооружайтесь.

Оуэн успокаивал дыхание, пока доставал из рюкзака несколько метательных ножей и гранат. Хавьер достал свой пистолет-арбалет. Ассасин развернул свою руку ладонью вниз и с резким движением активировал выдвинувшееся на двадцать сантиметров лезвие электрического, немного потрескивающего скрытого клинка. Через секунду Гриффин уже втянул его обратно, но Оуэн всё ещё мог чувствовать лёгкий запах озона.

— Мы должны убедиться, что они за нами не последуют, а после этого будем двигаться к точке встречи. — Гриффин посмотрел влево и вправо. — Будьте начеку. Это уже не учения.

Он перешёл на легкий бег, двигаясь в сторону от места взрыва. Оуэн сфокусировал своё внимание, делая так же, как и его предок, охватывая чувствами землю под ногами и воздух вокруг него, вслушиваясь в эхо, отражающееся с обеих сторон. Они направлялись к концу переулка, соединяющего разные линии гаражей. Вскоре они подошли к крайнему гаражу, до проволочного сетчатого забора оставалось всего три метра.

Но до этого Оуэн что-то почувствовал.

Он сфокусировал всё своё внимание и чувства на пространстве впереди себя, слушая, обоняя и чувствуя присутствие агентов, ожидающих их с разных сторон переулка, как медвежий капкан.

У Гриффина и Хавьера не настолько была развита способность, как у Оуэна, но даже они заметили присутствие агентов. Втроём они замедлились и тихо остановились.

Оуэн приготовил несколько ЭМИ-гранат.

Хавьер зарядил дротиками арбалет.

Гриффин принял боевую позицию и затем кивнул им.

Оуэн прыгнул вперёд и, прежде чем откатиться в сторону, бросил в разные стороны ЭМИ гранаты. Звук срабатывания даже не было слышно, но эффект был прекрасно виден. Агенты тамплиеров закричали, стаскивая с себя шлемы, побросав оружие на землю: вся их электроника искрила и дымилась.

Всего их было восемь, по четыре с каждой стороны. Хавьер выглянул из-за угла, выстрелив дротиком с нейротоксином, и один из агентов упал. Гриффин бросился на ближайшего агента, электрический скрытый клинок загудел и ударил того зарядом более мощным, чем любой тазер, вырубив его, после чего Гриффин обезвредил ещё двоих.

Всего несколько секунд прошло, а тамплиеров стало в два раза меньше.

Оуэн достал дымовую гранату, чтобы прикрыть Хавьера и Гриффина, но замер, взводя её. Его рука тряслась, он смотрел на свои дрожащие пальцы, не в состоянии активировать гранату, откуда-то издалека осознавая, что это его тело, а не проделки разума.

— Оуэн! — закричал Хавьер.

Оуэн повернулся как раз в тот момент, когда тяжёлый удар прилетел сзади, выбив из него воздух и заставив споткнуться и отступить на несколько шагов, прежде чем он сумел развернуться лицом к атакующему. Женщина–агент была уже без шлема, но держала в руках длинный прут арматуры, как бейсбольную биту.

Это уже не учения.

Оуэн встал в стойку и, уклонившись от удара, нанёс ответный кулаком в бок, но она была быстрее и натренированнее. Её локоть попал в лицо Оуэна, ослепив его, высветив звёзды на радужке. Он ожидал удар арматурного прутка следом, но подоспел Гриффин, и она упала с тлеющим электрическим ожогом на шее, куда клинок ассасина её поразил.

Что–то упало позади Оуэна, и, обернувшись, он увидел, как Хавьер свалил очередного агента с помощью своего арбалета. Оуэн наконец заставил свои руки заработать и запустил гранату, в дыме которой Гриффин расправился с последними двумя агентами.

– Быстрее, – немного кашляя, проговорил Гриффин. – Теперь остальные агенты заметят, что эти не выходят на связь.

Они перелезли через забор и перебежали через пустырь, заросший сорняками и заваленный консервными банками, избегая прожекторов вертолётов, пока не достигли оживлённой улицы. Там они спрятали своё оружие в рюкзаки и постарались скрыться в толпе. Оуэн принял сгорбленную позу человека, идущего домой после тяжёлого трудового дня, слегка опустив взгляд.

Гриффин как–то упомянул о способностях ассасинов прятаться на виду, но тогда ни Оуэн, ни Хавьер точно не поняли, что это значит. Они ведь даже не были ассасинами, несмотря на то, что только что сделали. Оуэн оставался с Гриффином только потому, чтобы помочь своим друзьям и выяснить, что на самом деле произошло с его отцом.

Гриффин обернулся через плечо:

– Возьмём такси.

– Такси? – переспросил Хавьер. – Ассасины ездят в такси?

– Именно, – ответил Гриффин. – Прячемся на виду.

Он свистнул через большой и указательный палец, и белый седан с клетчатой полосой свернул к обочине. Втроём они сели на задние сидения, и Гриффин дал водителю указания. Когда они влились в поток машин, Оуэн повернул голову, посмотрев в заднее стекло, в сторону пустыря и гаражного хранилища за ним.

Его руки всё ещё тряслись, и он сжал их в кулаки.

Что с ним произошло? Он просто остолбенел, и, если бы агент подобрался к нему с оружием или ножом вместо арматуры, она могла бы убить его. После тренировок Гриффина казалось, что всё должно было быть проще, но вся эта ситуация показывала, что всё, наоборот, усложнилось.

В течении нескольких дней и недель после симуляции Бунтов Призыва Оуэн чувствовал уверенность, пришедшую с обрётёнными способностями. Даже могущество. Но теперь он думал о том, что эта самоуверенность была ложной. Просто эхо, тень его предка в его собственном сознании. Вариус был опытным ассасином, и после переживаний его воспоминаний Оуэн думал, что он стал таким же. Но теперь, когда давление сознания Вариуса больше не ощущалось, Оуэн стал понимать, что сам по себе он не такой «могущественный». Он всё ещё оставался подростком, а те агенты были посланы, чтобы схватить его или убить.

Они не произнесли ни слова, пока ехали в такси. В конце концов, Гриффин попросил водителя высадить их на углу, где они подождали пару минут, прежде чем поймать другое такси, которое повезло их к окрестностям города.

Оуэн предполагал, что это для того, чтобы убедиться, что за ними не следят, и, казалось, это работает. Огни вертолётных тамплиеров постепенно исчезали из виду, и вскоре вовсе скрылись за горизонтом города, оставшегося позади.

Гриффин попросил водителя высадить их около невзрачного дома на тихой улице, словно это и был их пункт назначения, и после того, как такси уехало, они продолжили путь пешком, следуя за Гриффином.

Хавьер повернулся к Оуэну:

– Ты в порядке?

– Ага.

– Это было дико, – добавил он.

– Ты был хорош, – сказал Оуэн, немного завидуя хладнокровию и умениям Хавьера, которые он продемонстрировал.

– Вы оба хороши, – вставил Гриффин. – Но эти агенты играли не в полную силу. Мы обсудим всё, когда достигнем точки назначения.

Милей позже, они достигли окраины, где началась грунтовая дорога с гравием и фермерские хозяйства. Через несколько миль, которые они прошли по пустым полям и пастбищам, огороженным старым деревянным забором и покатыми холмами, их глазам предстал большой дом, просматривающийся сквозь деревья.

– Вау, – произнёс Хавьер.

Казалось, место заброшено уже несколько веков. Дом был двух– или трёхэтажным, где–то обшитый деревянным сайдингом, где–то прикрытый

дранкой, как чешуёй, и весь выцветший и покрытый трещинами. Переднее крыльцо просело, а у одного из углов примостилась угловатая, возвышающаяся над крышей башенка с круглым, затемненным окном в верхней части, словно глаз циклопа с крутыми, острыми коваными пиками, как корона, примостившаяся сверху.

Доски тянулись почти через все окна и входную дверь.

– Это оно, – сказал Гриффин.

Оуэн снова посмотрел на дом.

– Вот это?

– Стилем напоминает «Семейку Адамс», правда? – пошутил Хавьер.

Оуэн согласился, но Гриффин проигнорировал это.

– Пошли.

Ко входной двери они направились по каменной дорожке. Трава и сорняки, росшие по её сторонам, в высоту достигали колен. От этого места по коже Оуэна бежали мурашки. Он не видел ни одного проблеска света внутри и ни одного признака присутствия Ребекки Крейн.

– Это место встречи? – спросил Оуэн.

– Да, – ответил Гриффин.

Они достигли крыльца, и деревянные ступени застонали под их ногами, все в трещинах и болтающихся, выступающих ржавых гвоздях.

Оуэн вздрогнул.

– Но где...

И тут входная дверь открылась.

Хавьер вскрикнул, а Оуэн отпрыгнул назад, чуть не покотившись по ступенькам.

– Гриффин, – сказала женщина, стоявшая в темноте коридора. – Я жаждала тебя.

– Ребекка, – ответил Гриффин. – Рад видеть, что ты вернулась к работе.

Судя по всему, дверь была заколочена только с виду. Женщина жестом позвала их:

– Давайте все внутрь.

Гриффин двинулся за ней, Оуэн за ним, оглядываясь на Хавьера.

Они вошли в прихожую, обнаружив, что изнутри дом запущен так же, как и снаружи. Выцветшие обои, отслаивающиеся от стен, покосившиеся дверные проёмы, запах пыли и плесени, портящие воздух. Лестница, которой Оуэн с первого взгляда перестал доверять, вела на второй этаж. Коридор, ведущий в непроглядную тьму впереди. С обеих сторон – пустые комнаты с оплетенными паутиной люстрами.

Ребекка закрыла дверь и заперла её на электронный замок, который определённо не стоял здесь раньше, и Оуэн подумал, что это место, должно быть, более надёжно, чем кажется.

– Вы пришли позже, чем я ожидала, – сказала она. – Были проблемы?

– Тамплиеры устроили рейд, когда мы уезжали, – сказал Гриффин. –

Пришлось пойти длинным путём.

– Сочувствую. Но, по крайней мере, вы теперь здесь.

– Что это за место? – спросил Оуэн.

Ребекка огляделась по сторонам и взглянула на потолок.

– Это то, на что оно похоже. В основном.

– Так что, это дом с приведениями? – спросил Хавьер.

Ребекка улыбнулась, её белые зубы были видны в темноте.

– Единственные призраки здесь – это те, которые обитают в твоей ДНК, Хавьер.

– Вы знаете моё имя?

– Конечно, знаем.

Оуэну это не понравилось, точнее, то, *как* она это сказала.

– Ну так что, каков план? – спросил Гриффин. – Гэвин говорил, что у тебя есть приказы.

Ребекка кивнула.

– Сюда.

Она отошла от них, направившись по темному коридору под лестницу. Втроём они проследовали за ней, но прежде, чем она ушла далеко, она открыла дверь с правой стороны.

– Глядите под ноги, – предупредила она, подразумевая, чтобы они прошли через неё. — Лестница ведёт в подвал.

Гриффин двинулся следом без колебаний, Хавьер за ним. Оуэн, разведя руки, нащупал перила и стал медленно спускаться по ступеньке за раз, отчаянно пытаясь увидеть что-то в крошечной тьме. Шаги Гриффина под ним отдавались эхом. Ребекка над ним закрыла дверь.

– Сейчас загорится свет. – сказала она. – Прикройте глаза.

Оуэн закрыл их, но и сквозь веки видел вспыхнувший вокруг него свет.

Открыв глаза, он обнаружил, что эта часть дома полностью отличается от той, что была сверху. Гладкие стены, покрытые серыми панелями, а комната внизу как раз и представляла из себя то, чем должно быть ассасинское логово. А не гаражом для хранения.

Здесь было несколько компьютеров, большой стеклянный переговорный стол и целая стена с оружием, одеждой и бронёй. В дальнем углу комнаты стояло кресло, напоминающее то, которое было у Монро, использовавшееся с его Анимусом.

– Это твоя малышка? – спросил Гриффин, кивнув в ту сторону. – Там?

– Нет, – возразила Ребекка. – Это новая технология Абстерго. Шон заполучил процессор и чертежи в Мадриде. Я использовала их, чтобы собрать эту.

– Шон? – спросил Хавьер.

– У нас есть друг с таким именем, – сказал Оуэн.

– Да? – Ребекка наклонила голову. У неё были короткие каштановые волосы, оливкового цвета кожа, что напомнило Оуэну Наталью. – Ваш друг – циничный эгоист, который считает себя умнее всех на свете?

Оуэн запнулся:

– Эм, нет.

Ребекка пожала плечами:

– Тогда, должно быть, другой Шон, – она повернулась к Гриффину. – Ты всё ещё помнишь, как запускать Анимус?

– Конечно, – ответил он. – А что? Ты не остаёшься?

– Нет, я нужна в другом месте.

– Что может быть важнее? – спросил Гриффин. – Мы говорим о Трезубце Эдема. Один зубец уже найден, второй...

– Я знаю, – прервала его Ребекка. – Но, поверь мне, прямо сейчас чёрт знает что творится во всём мире, Братство посылает всех, кто есть. У меня есть свои приказы. Теперь ты сам по себе. Это место защищено, и я всё настроила, лишь включи и запусти. Справишься?

Гриффин на мгновение застыл, его глаза сузились, и Оуэн ощутил напряжение, возникшее между двумя ассасинами. Гриффин выглядел злым и обескураженным. По всей видимости, в Братстве не всё было гладко. Но это мгновение прошло довольно быстро, Гриффин кивнул и расслабил напрягшиеся плечи.

– Ладно, – сказал он. – Знаю, это не твой выбор.

– И это так, – согласилась она. – Но, по правде говоря, и не Гэвина, и даже не Уильяма. Тамплиеры забрали у нас право выбирать что-либо пятнадцать лет назад, когда они чуть было не уничтожили нас.

– Какие для меня приказы? – спросил Гриффин.

– Ротенберг говорит, что в настоящий момент тамплиеры заняты поиском второго кинжала, который последний раз видели в средневековом Китае. Нам нужно добраться до него первыми.

Ребекка повернулась и указала на Оуэна.

– Через призраков, обитающих в его ДНК.

ГЛАВА 3

Шон не мог дождаться момента, чтобы вернуться в Анимус. Виктория начала вводить внушительные ограничения его сессий, а вчера вообще не допустила его до симуляции. Это было довольно неприятно, но Шон смог пережить вчерашний день, и как только он справится с завтраком, сможет вернуться на ринг.

– Доброе утро, – сказал Дэвид, входя в зал, где они обычно отдыхали и ели. – Они уже принесли маффины?

Шон кивнул в сторону буфетной стойки:

– Сегодня бананово-ореховые.

Дэвид остановился на полушаге:

– Тогда неважно.

– Не любишь бананы? – спросил Шон.

– Скорее орехи, – ответил он, подняв на лоб свои очки в толстой белой оправе, направившись к горячим блюдам.

Его старшая сестра, Грейс, вошла в комнату следом, её темные вьющиеся волосы ниспадали на плечи. Ей было пятнадцать – почти ровесница Шона, на пару недель старше его, и за последние несколько

недель он узнал её получше, чем младшего тринадцатилетнего брата. Но они чуть было не уехали насовсем из Аэри.

Их отец забрал их домой на пару дней, но они вскоре вернулись. Шон не спрашивал, к чему это всё было, но, возможно, ему бы стоило.

Для него вопроса «остаться или нет» попросту не существовало. Денег, полученных с выигранного судебного процесса после аварии, едва хватило на оплату больничных счетов, и его родителям нужны были деньги, которые платило Абстерго. Будучи парализованным, он обходился своей семье в сумму свыше семидесяти тысяч долларов в год. Но даже без всего этого, Шон хотел остаться. Для себя.

– Доброе утро, Грейс, – поприветствовал он её.

– Доброе, – поприветствовала она его в ответ, направившись к кофейному аппарату. – Виктория пустит тебя сегодня в симуляцию?

Шон зачерпнул оставшуюся порцию яичницы.

– Сказала, что пустит.

– Где ты остановился? Томми возвращается из Лондона?

– Ага. Я закончил с этим исследованием¹¹ и влетаю в очередную заваруху.

– Кажется, Томми Грейлингу нравятся заварухи, – сказала она, садясь рядом с ним.

– Я бы так не сказал.

– Тогда, – Грейс сделала глоток и посмотрела на него поверх своей кружки, – кажется, что тебе они нравятся.

Шон улыбнулся:

– Мне это по нраву, правда. Но, честно говоря, Нью-Йорк в девятнадцатом веке – это одна большая заваруха.

– Ты видел Наталью сегодня? – спросил Дэвид, присаживаясь с тарелкой, на которой бекона было больше, чем яичницы.

– Ещё нет, – сказал Шон, но он не возражал по этому поводу.

То, что произошло между ними, всё ещё заставляло чувствовать его неловко, и он начинал нервничать, когда она входила в комнату. Он не должен был ничего говорить. Он должен был просто оставить всё то, что произошло между Томми и Аделиной там, в симуляции. Он даже не был уверен, насколько реально то, что ему нравится Наташа, или это всё же просто чувства Томми к предку Наташи.

– И всё же, почему Виктория ограничивает твои сессии? – спросила Грейс.

¹¹ Подробнее история Томми Грейлинга в Лондоне описана в арке Locus.

— Она говорит, что я могу стать зависимым от этого, — Шон отодвинул свою пустую тарелку.

— Как наркоман? — спросил Дэвид.

— Что-то вроде того, — сказал Шон.

Но он так не считал. Это правда, что он использовал каждое мгновение, проведенное в симуляции, на сто процентов, но это не делало его зависимым. Как можно быть зависимым от воздуха?

— Ты ведь знаешь, что с тобой всё в порядке, правда? — спросила Грейс.
— И я сейчас не о симуляции.

Шон взглянул в её ярко-карие глаза. Её голос звучал абсолютно искренне, что удавалось немногим, когда они начинали говорить о таких вещах. Кто-то прочитал о правилах поведения в отношении инвалидов и говорил ему похожие вещи, но такие люди обычно не осознавали, что они говорят. Но сейчас было видно, что Грейс понимает, о чём говорит.

Шон постучал по подлокотнику своего кресла:

— Для меня вот это — не в порядке.

— Я не это имела в виду, — сказала она. — Ты...

— Доброе утро, — сказала Наталья, входя в комнату.

— Доброе, — отозвался Дэвид. — Нам тебя не хватало прошлой ночью.

— Мне было нехорошо, — ответила она, схватив булочку и йогурт.

Что бы ни хотела сказать Грейс, фраза зависла в воздухе на секунду дольше и испарилась, как пар от её кофе. И Шон был рад не возвращаться к этому.

— У тебя всё ещё продолжают головные боли? — спросила Грейс у Натальи.

Она кивнула.

— А у вас, ребят?

— Мои прошли через пару часов, — сказала Грейс.

— Мои тоже, — сказал Шон.

Поначалу было довольно тяжело, но потом всё прошло. В любом случае это того стоило.

Наталья заняла место за столом, напротив Шона, и он почувствовал, как его желудок немного сжался. Если бы была одна вещь, которую он мог бы изменить в Аэри, то это было бы влечение к ней.

— Кто-нибудь из вас нашёл Частицу Эдема? — спросил Дэвид, жуя бекон.

За столом стало тихо.

Все знали, для чего они здесь.

Все знали, что произошло во время симуляции Монро, Бунтов Призыва, прежде чем Абстерго обнаружили их и рассказали всю историю.

Все знали, что поставлено на карту, если все три зубца Трезубца Эдема будут найдены и соединены. Но это не было тем, о чём они говорили часто или открыто. Это всё ещё было для них словно разговоры о пришельцах или волшебниках.

– Пока нет, – произнесла Наталья спокойно.

– Как проходит китайская симуляция? – спросила Грейс.

Наталья посмотрела на булочку, лежащую на тарелке.

– Тяжело. Очень много смертей.

– Любому было бы тяжело, – сказал Шон, пытаясь помочь, но каким-то образом это прозвучало пренебрежительно.

Наталья просто кивнула, не взглянув на него.

Ему захотелось сбежать, и побыстрее, прежде чем ситуация станет более неловкой.

– Томми ждёт, – сказал он. – Думаю, я поспешу.

– Увидимся вечером, – сказала Грейс.

Дэвид кивнул ему, и Шон покатил своё кресло вокруг стола и затем направился к двери.

Всегда, когда он покидал группу таким образом сам, в своём кресле, он мог физически ощущать, как они стараются не смотреть на него. Люди говорили ему, что это только в его голове, но эта тишина постоянно повисала позади него, словно они боялись заговорить, пока он не уйдёт, оказывая ему этим, как они считали, уважение или что-то такое, будто он старался изо всех сил. Он ненавидел это и был рад достичь двери, услышав, как Дэвид снова начал рассказывать про воспоминания своего прадеда, пилота авиагруппы Таскиги¹² во время Второй мировой войны.

Шон покинул комнату отдыха и направился к комнате с Анимусом. Комплекс Аэри состоял из пяти отдельных зданий, соединенных сетью закрытых стеклянных дорожек, проходящих сквозь деревья. Он и остальные большую часть времени проводили в двух зданиях: в приёмной зоне, где они встречались и проводили несколько часов с родителями, и в здании, где они все были сейчас, где они ели, спали и исследовали свои

¹² Летчики Таскиги – название группы афроамериканских пилотов, сражавшихся во время Второй мировой войны. Сформировали 99-ую истребительную эскадрилью. Год они оставались без дела, так как ни один командир не хотел брать эскадрилью из чернокожих, но 2 июня 1943 всё же состоялся их первый боевой вылет в Сицилии, который прошёл успешно. Впоследствии успешно сражались с немецкими асами на фронтах Италии, а затем в Нормандии и ряде других мест.

За 2 года свои жизни отдали 66 пилотов.

Летчики Таскиги сбили 261 вражеский самолет.

За всю войну не потеряли ни одного сопровождаемого бомбардировщика.

генетические воспоминания. Шон не знал, чем Абстерго занимается в других частях комплекса.

Когда он достиг комнаты с Анимусом, Виктория уже была там, и он заехал внутрь так непринужденно, как мог.

– Доброе утро, – сказал он.

Она встала из-за компьютера и улыбнулась.

– Я всегда могу рассчитывать на то, что ты прибудешь сюда первым, Шон.

Он не знал, был ли это комплимент или подкол, или комбинация того и другого.

– Я смогу попасть туда сегодня? – спросил он.

– Конечно, – сказала она. – Но я считаю, что вчерашний день был полезным и необходимым перерывом для тебя, не так ли? Я думала добавить ещё несколько таких дней в твоё расписание.

Шон хотел поспорить насчёт этого, но решил приберечь это на потом. Прямо сейчас он хотел попасть в симуляцию, и он боялся, что, если сейчас он устроит перепалку или покажется нетерпеливым, доктор сможет изменить своё решение.

Он подкатил себя к кольцу Анимуса, и Виктория, похоже, научилась не предлагать ему свою помощь. С его ногами всё было ясно, но руки были достаточно сильны для чего угодно. Достигнув места, он поставил коляску на тормоз, а затем поднял себя в кольцо и влез в систему ремней, оставив ноги болтаться над платформой.

С этого момента за дело принялась Виктория, положив его ноги на свои места, стянув ремнями его ладони и предплечья, а затем подключив его ко всем аппаратам, мониторящим сердечный ритм и состояние его мозга. Сегодня она двигалась как-то замедленно, но он ничего не сказал, стараясь сохранять спокойствие и терпеливость с каждым затянутым ремнём.

– Вот так, – наконец сказала она. – Думаю, мы готовы.

– Окей, – пробурчал он. – Нью-Йорк, а вот и...

– Вообще то... – Виктория отошла от него к одному из компьютерных мониторов, – мы не отправим тебя снова в воспоминания Томми Грейлинга.

– Что? – Шон повернул себя в кольце, чтобы взглянуть ей в лицо. – Почему нет?

– Потому что не видно, чтобы обстановка этих воспоминаний оказывала на тебя здоровое влияние.

– Что вы имеете в виду? Что за «здоровое влияние»? – Шон услышал ответ на этот вопрос в своём собственном голосе. Своё нетерпение и гнев. Но было уже слишком поздно, чтобы останавливаться.

Виктория скрестила руки:

– Шон, я знаю, что у нас имеются несогласия по поводу твоего использования Анимуса, но...

– Потому что вы не понимаете, – сказал Шон. – Вы хотите остановить меня.

– Пожалуйста, позволь мне закончить...

– А я этого не хочу, – перебил её Шон. – Я хочу вернуться в воспоминания Томми Грейлинга.

Дверь в комнату открылась, и вошёл Исайя, в чёрном костюме, сделанном из ткани, словно поглощающей свет.

– Думаю, тебе стоит послушать доктора Бюбо, Шон. И оказать ей уважение, которое она, несомненно, заслуживает.

Шон не видел директора Аэри больше недели, и это внезапное появление заставило его наткнуться на стену, не оставив и следа от вспыхнувшего гнева.

Исайя кивнул Виктории:

– Пожалуйста, продолжайте, доктор Бюбо. Я думаю, что теперь Шон вас услышит.

Она встретила глазами с Шоном, и несмотря на то, что он продолжал сердито смотреть на неё, он молчал.

– Я собиралась сказать, что мы считаем, что ценность симуляции Грейлинга себя исчерпала. Анимус здесь не для твоего развлечения. Мы бы хотели дать тебе другой тип опыта, из воспоминаний других твоих предков.

– Зачем? – спросил Шон.

Она взглянула вниз, на защитный чехол планшета.

– Ещё слишком рано вдаваться в детали, но достаточно сказать, что мы считаем...

– Зачем? – повторил вопрос Шон.

Виктория повернулась к Исайе.

Директор взглянул на обоих и рассудительно произнёс:

– Мы можем сказать ему. Я думаю, что он достаточно взрослый для того, чтобы понять это.

– Понять что?

Виктория снова взяла в руки планшет и прижала его к груди, как щит.

– Происходят интересные изменения в твоей неврологии, Шон. Точнее, в твоей проекционной двигательной зоне коры головного мозга.

– В моей... чего? – Шон не хотел бежать вперёд паровоза, но трудно было удержаться и не перейти сразу к делу. – Какие изменения?

– Давай начистоту, – сказал Исайя. – Мы сейчас не говорим о восстановлении твоей способности ходить своими двумя.

Шон почувствовал, как отдаляется от них:

– Тогда о чём мы сейчас говорим?

Виктория прочистила горло:

– Симуляция в Анимусе активировала эту зону твоего мозга. С тех пор, как тебя парализовало после аварии, двигательная зона не получала входных сигналов. До этого момента.

Шон посмотрел вниз, на свободно висящие над платформой ноги.

– И что она делает?

– Мы больше заинтересованы в том, что она *может* сделать, – сказал Исая. – Тамплиеры через Абстерго имеют интересы в различных отраслях, включая медицину. Мы надеемся, что сможем использовать эти данные, чтобы лучше понять, как устроен мозг парализованного человека.

– И что в результате? – спросил Шон.

– На самом деле, – Виктория бросила косой взгляд на Исая, – мы *могли бы* в будущем разработать уникальную технологию нейро–отзывчивого протезирования.

– Что это значит?

– Прямо сейчас, – начал Исая, – нейро–отзывчивое протезирование весьма ограничено в возможностях. Сейчас требуются месяцы, чтобы научиться пользоваться протезами на их основе, и они недоступны для людей с травмами спинного мозга. Мы надеемся, что создадим что–то новое. Что–то революционное. Протез, который пациент *уже* будет знать, как использовать, потому что мы запрограммировали его под уникальную неврологическую карту каждого. Протез, который будет ощущаться частью тела.

Шон чувствовал себя так, словно его дыхание, сердце – всё, что есть в нём – остановилось, хотя монитор нарушал тишину показаниями его состояния.

– Я вновь смогу ходить?

– Не своими ногами, – поправил директор. – С помощью протеза. Но я предупреждаю тебя, что до этого момента ещё далеко. – Он указал на пол лаборатории. – Мы в самом начале пути. Теперь *ты* – это начало пути.

– Так что вы хотите, чтобы я сделал? – спросил Шон.

Виктория шагнула к нему.

– Мы хотим обследовать тебя в широком диапазоне генетических воспоминаний. Столько предков, сколько сможем. Мы хотим обучить твою двигательную зону максимальной подвижности. И мы изучили всё, что могли от Томми Грейлинга.

– А, – вымолвил Шон.

Он привязался к гигантскому полицейскому, как ни к кому в своей жизни. Шон научился сражаться у Томми, и они стали друзьями с ним, с

патрульным Бродвейского отряда. Он прошёл с ним через драки, травмы и горе. Он ушёл с ним в отставку и отправился в Лондон, как агент детективного агентства Пинкертона, и он же узнал многое о себе через силу Томми.

– Могу ли я когда-нибудь побывать в воспоминаниях Томми? Когда – нибудь?

– Возможно, – ответил Исайя. – Когда это не будет идти вразрез с ходом исследований.

– Мы известим твоих родителей обо всём этом, конечно, – добавила Виктория.

Шону даже не нужно было думать об этом. Он хотел помочь Исайе и Абстерго, как только можно. Было трудно просто сказать «пока» той жизни, которая стала его собственной. Но он наконец кивнул, скорее себе, чем Исайе с Викторией.

– Ладно, – сказал он. – Тогда, кто следующий?

Виктория включила свой планшет:

– Мы хотим пройти чуть дальше в твоей родословной. Ирландия, конец восемнадцатого века.

– Ладно, – повторил он. – Хорошо, давайте сделаем это.

– Отлично, – сказал Исайя, улыбаясь. – Тебе, Шон, предначертаны великие дела. Мы собираемся творить историю, втроём.

Шон почти смутился, услышав это. После аварии было видно, что никто ничего не ожидал от него, и любое свершение, насколько бы маленьким или обычным оно ни было для человека, способного ходить, делало из него героя. Было приятно ощущать, что его ценят за что-то реальное, за что-то, что мог сделать только он.

– Спасибо, – сказал он.

– Тебе спасибо, – произнёс Исайя. – А теперь я оставляю тебя в надёжных руках доктора Бюбо.

Он пересёк комнату и вышел за дверь.

Шон поправил ремни и стал терпеливо ждать, пока доктор Бюбо перепроверяла подключение подсоединённого оборудования. Затем она вернулась за компьютерные мониторы и принялась за работу. Шон смотрел на потолок, слушая как она печатает, взволнованный от ожидания новой симуляции.

– Всё в порядке, – сказала Виктория через несколько минут. – Я готова включить Теменной Супрессор. Ты готов?

– Готов, – кивнул Шон.

Виктория подошла и водрузила шлем ему на голову, заглушив все звуки и весь свет, отрезав его от внешнего мира. По сравнению с Анимусом Монро, первое использование этой модификации было похоже на пересадку с лошади или багги на Феррари.

– *Ты слышишь меня, Шон?* – спросила Виктория.

– Да.

– *Мы закончили со всеми приготовлениями. Готов?*

Шон сделал глубокий вдох. Это была единственная часть в симуляции, которая ему не нравилась, но он закрыл глаза.

– Готов.

– *Попробуй расслабиться. Загружаю Коридор Памяти...*

Однажды на отдыхе, когда Шону было пять лет, он упал в реку во время весеннего дождя. Яростное течение подхватило его, прежде чем кто-то успел его схватить. Воспоминания об этом случае, в основном, были из рассказов родителей, рассказанных ему позже, но одну часть он запомнил на всю жизнь. Часть, в которой преобладало чувство абсолютной беспомощности. Живая стена воды, с которой он не мог бороться, обрушилась на него, потянула за собой и полностью ошеломила.

Такие же ощущение приносил с собой Теменной Супрессор.

Его дядя ловил рыбу ниже по течению и смог вырвать Шона из бурного речного потока. Но здесь его дяди не было, так же, как и реки. Поток был внутри головы Шона.

Коридор Памяти вспыхнул вокруг него, ослепив поначалу, но быстро стал бесформенным маревом, будто туманный день, в который ты не можешь найти солнце.

– *Включение Супрессора через три, два, один...*

Волна врезалась в него.

ГЛАВА 4

Грейс чувствовала то же самое, что и Шон. Или, по крайней мере, предполагала, что он чувствует то же самое. На самом деле, она не знала, потому что они об этом не разговаривали, но она считала, что он находится здесь, в Аэри, по схожим с ней причинам, даже если другие люди не видят в них сходства.

Она наблюдала за ним, как он покинул комнату отдыха, и тогда Дэвид начал рассказывать о своей симуляции – воспоминаниях их пра-прадеда, который служил в 302-ой лётной группе во времена сегрегации¹³ в войсках, летая на своём Р-51 «Мустанг»¹⁴.

– Под правым крылом самолёта находились три разноцветных огня для передачи вспышками условных сигналов на землю. Красный, зелёный и жёлтый, – он усмехнулся, а потом добавил где-то в пятидесятый раз, – Самый лучший авиасимулятор.

¹³ Сегрегация в США – отделение белого населения от иных этнических групп через различные социальные преграды: раздельное обучение и воспитание, разграничение посадочных зон в автобусе и т.д.

¹⁴ Р-51 «Мустанг» – американский одноместный истребитель дальнего радиуса действия Второй мировой войны. Был разработан в кратчайшие сроки, первый самолет поднялся в воздух 26 октября 1940 года – аж через 117 дней с момента размещения заказа на производство. С 1942 года начали активно использоваться ВВС Великобритании. В СССР были поставлены 10 самолетов по ленд-лизу, но, по итогам испытаний, дальнейших закупок не проводилось из-за нишевой области применения данного самолета, которая была не нужна войскам в то время.

– Красный, зелёный и жёлтый? – переспросила Грейс. – Это не компьютерная игра. Мы здесь не для того, чтобы веселиться.

– Но ведь это весело, – ответил Дэвид. – Почему тебе нужно всё портить, Грейс?

Грейс слушала его вполуха, вместо этого думая о Шоне и наблюдая за Натальей, как она смотрит на дверь, вероятно, также думая о нём. Грейс не знала, что именно произошло между ними, но Шон начинал нервничать и вести себя тихо, когда Наталья была рядом. Было очевидно, что она ему нравится, но Грейс не могла сказать, что об этом думает Наталья.

Эта девушка держала столько всего в себе, что была похожа на черепаху. Ты можешь видеть её голову и ноги, но это всё, что можешь о ней сказать.

И они все сидели здесь, Грейс потягивала свой кофе, позволяя Дэвиду выговариваться, до тех пор, пока его яичница не остыла.

– А что насчёт расизма? – наконец спросила его Наталья.

Дэвид затих.

– Мне становится неприятно от этого. Мы подвергаемся нападкам со стороны истребительных эскадрилий, состоящих из белых пилотов, даже если мы летали лучше, чем они. Некоторые бомбардировочные эскадрильи, тоже из белых, отказываются от нашего сопровождения. Неважно, как хорошо мы летаем, люди считают, что мы не можем быть хорошими пилотами, потому что мы чёрные.

– Мне жаль, – сказала Наталья.

Дэвид лишь кивнул.

Грейс не указала Дэвиду на то, что он говорит «мы» в настоящем времени. Это происходило с каждым из них. Это всё ещё могло сбивать с толку, если не работать тяжело над тем, чтобы этого не допускать. Она предполагала, что это было частью того, для чего были предназначены недельные терапевтические сессии доктора Бюбо.

Наталья повернулась к Грейс:

– А что насчёт твоей новой симуляции?

Дэвид хмыкнул:

– Грейс у нас золотодобытчик.

Брови Натальи взлетели вверх:

– В самом деле?

— *Торговец* золотом, если честно, — сказала Грейс. — Он из Западной Африки, четырнадцатый век. Его народ был значим в средневековых королевствах Ганы и Мали. Во всяком случае, так сказал бы мой отец.

— Ух ты, — произнесла Наталья. — Может, обменяемся предками?

— Конечно, — сказала Грейс. По крайней мере, предок Натальи ожидаемо установит контакт с Частицей Эдема. — Я предпочту делать то, ради чего мы сюда пришли.

Наталья помедлила:

— А я предпочту не убивать людей.

Грейс видела, что эта фраза не против неё лично. Это было правдой, что убийства людей в симуляции не волнует Грейс так сильно, как должны были бы. Но, по крайней мере, один из её предков, Элиза, была ассасином, и Виктория не позволяла Грейс переживать эти генетические воспоминания и даже соседние.

— Ты правда им веришь? — спросила Наталья.

— Кому? — уточнила Грейс.

— Исайе и Виктории.

— Я знаю, что они предлагают нам возможность совершить что-то важное.

— Поэтому ты вернулась? — спросила Наталья.

Ответ на этот вопрос был сложнее, чем просто «да», но это всё, чем Грейс ответила ей.

В самом начале, с Монро, единственной целью Грейс было безопасное возвращение её и её брата домой. Потом тамплиеры их схватили, или спасли — в зависимости от того, как на это посмотреть. Агенты привезли их сюда, в комплекс Абстерго, и объяснили всё. Как тамплиеры ведут секретную войну с ассасинами на протяжении всей истории. Они рассказали о миссии тамплиеров по достижению стабильного и безопасного мира, где поощрялся бы прогресс и развитие.

Конечно, тогда родители Грейс приехали и незамедлительно забрали их домой. Дэвид возражал, Грейс тоже, немного. Но это был их отец. Он был сварщиком, и его увольняли не раз. Он не был склонен доверять какой-либо корпорации, особенно такой крупной и богатой, как Абстерго. Но сразу после их приезда произошла очередная бандитская перестрелка, всего в двух кварталах от них. Родители делали всё, что могли, чтобы семья была в безопасности, а Грейс делала всё, что могла, чтобы держать Дэвида подальше от проблем, но в плохое время и в плохом месте ничто из этого было неважно. Поэтому их отец послал их обратно, под защиту охраны

Аэри, и если Дэвид не начнёт относиться ко всему этому серьёзно, то Грейс боялась, что Абстерго выкинет их обоих из программы.

– Мы можем идти? – спросил Дэвид, опустошив тарелку.

– Конечно, – ответила Грейс.

– Наталья, ты идёшь? – спросил Дэвид.

Она покачала головой.

– Идите без меня.

Они попрощались с ней и покинули комнату отдыха, проделав свой путь через стеклянные коридоры к залам с Анимусом. Она оставила Дэвида в его комнате с техниками и отправилась к своей. Техник ждал её, но не Виктория.

Поэтому Грейс ждала.

И ждала.

Прошло время, прежде чем Виктория вошла, немного запыхавшись.

– Прости меня, пожалуйста, Грейс. Утро было довольно сложным. Ты готова к приключениям в Западной Африке?

Ожидание сделало Грейс раздражительной:

– Нет там Частицы Эдема.

– Ты провела всего лишь пару часов в тех воспоминаниях. Томбукту¹⁵ был главным центром торговли.

– Это выглядит пустой тратой времени.

Виктория вздохнула и потёрла лоб большим и указательным пальцем.

– Я знаю, что ты в нетерпении. Но другого выхода нет. Данные, которые мы получили из файлов Монро, неполные. Если бы у нас было ядро его Анимуса, мы бы точно знали, куда тебя посылать.

– То есть вы так его и не нашли?

– Нет.

– А Оуэна и Хавьера?

¹⁵ Томбукту – город на севере центральной части Мали. Был основан туарегами (народами группы берберов в Мали, Нигере, Буркина-Фасо, Алжире и Ливии) в 1100 году. К XV веку Томбукту стал одним из главных центров транссахарской торговли, в котором сбывались соль и золото. Золотой век закончился в 1591 году, когда город был захвачен армией марокканского султана Ахмада аль-Мансура. Учёное сообщество было обвинено в предательстве и либо истреблено, либо угнано в Марокко. Экономическая мощь города подорвалась, также в связи с упадком транссахарской торговли, после налаживания торговых связей с Европой по морю.

На сегодня Томбукту является бедным городом, хотя в нём имеются большое количество достопримечательностей и международный аэропорт. Кроме того, в XV веке были построены мусульманские мечети и школы по изучению Корана, что сделало его центром обучения ислама. О его религиозной значимости говорит западно-африканская мусульманская поговорка: «Соль прибывает с севера, золото – с юга, а слово Божье и мудрость – из Томбукту».

– Ты узнаешь, если мы найдём их. Но, судя по той информации, которая у нас есть, кто-то из твоих предков контактировал с зубцом Трезубца. Мы делаем всё, что в наших силах, изучая исторические данные, проводя перекрёстный поиск с твоими друзьями, пытаюсь сузить зону поиска. Но на это нужно время.

Грейс зашла в кольцо и залезла в ремни:

– Я хотела бы занять место Натальи, если бы могла. Она не особо хочет участвовать в этом. И для неё лучше, чтобы она была здесь, вместо меня, не так ли?

– Я признаю, что было бы лучше, если бы ты смогла войти в её генетические воспоминания. Но этот Анимус гораздо быстрее и более стабильный, нежели Хеликс.

– Тогда я буду ждать, занимаясь ничем.

– *Не* ничем.

– А я чувствую, что ничем.

– Почему ты это чувствуешь?

Грейс заметила изменения в позе Виктории, в тот момент, когда она переключилась из режима учёного – исследователя в доктора – мозгоправа. Её голова чуть наклонилась, а взгляд стал очень мягким и искренним. Но Грейс сейчас не была настроена для терапии.

– Неважно. Давайте сделаем это. Западная Африка.

Виктория колебалась.

– Ты уверена? Мы можем поговорить об этом.

– Я в норме, – Грейс приготовилась. – Может я найду что-нибудь в этот раз.

– Ну, если ты уверена в этом, – сказала Виктория, медленно поворачиваясь к компьютеру. – Я загружу симуляцию с того момента, на котором мы закончили вчера.

Затем она подвесила Грейс над платформой и подключила ко всей аппаратуре и датчикам, следящим за её жизненными показателями, и в конце концов водрузила ей на голову шлем.

– *Ты готова?*

– Готова.

– *Загружаю Коридор Памяти через три, два, один...*

Сверкающие искры вспыхнули в мозгу Грейс, а в следующее мгновение она стояла в знакомом бесформенном тумане, где в поле зрения появлялись призрачные формы и силуэты и исчезали, прежде чем их можно было распознать.

- *Как ты?*
- Нормально.
- *Симуляция готова. Просто скажи слово.*

Грейс закрыла глаза, готовясь к тому, что Теменной Супрессор сломает стену её разума, словно таран.

- Готова.
- *Запуск Супрессора через три, два, один...*

Таран ударил её, казалось, что череп раскололся, но это чувство постепенно прошло, сменившись странным ощущением, будто ты плывёшь, но *нигде и везде* одновременно. Словно не существовало никакой разницы между ней и миром вокруг неё. Граница между её мыслями, телом и самой материей, из которой состоит вселенная, размывалась и исчезала.

- *Загрузка генетической личности через три, два, один...*

Стены вокруг разума Грейс вернулись, и весь мир в мгновение вернулся на место. Она немного пошатнулась и посмотрела вниз, на тело своего предка.

Масире был худым мужчиной. Он носил сандалии, халат с поясом вокруг талии, за который был заткнут кинжал. Шляпа покрывала его голову, и он стоял снаружи сознания Грейс. Она чувствовала, что он стоит там, ожидая её, хотя ей всё ещё было трудно пускать кого-то в своё сознание.

Помогало то, что она знала его со вчерашнего дня. Его жену и детей. Его торговлю и мир. На самом деле, он был почти как её отец.

- *Подожди пару минут, чтобы...*
- Я готова.
- *Окей. Тогда загружаю полноценную симуляцию. Три, два, один...*

Туман Коридора Памяти начал приобретать оттенки коричневого и цвета выгоревшего на солнце дерева. Лёгкий ветерок нёс песок, забивавшийся в глаза и рот, забивавшийся и копившийся в складках у её ушей.

Затем она оказалась стоящей на улице в Томбукту. Здания вокруг неё были сделаны будто из пустыни, их гладкие стены состояли из грязевого кирпича и песка. Пальмовые ветви и трава покрывали их крыши, а над ними виднелась башня мечети, усеянная деревянными балками, как кактус колючками. Белое солнце давило сверху, превращая ткань одежды в железо; Грейс обнаружила, что ей трудно дышать.

Верблюд заорал позади неё, и она поспешила сойти с дороги. Зверь нёс товар своего хозяина, соль, торговать которой было очень прибыльно, но не настолько, как золотом.

Грейс предоставила своему предку полный доступ, и он продолжил путь к своему пункту назначения, встрече с торговцем из Марракеша¹⁶. Масире нёс с собой надежду на заключение сделки и развитие отношений с этим торговцем. Это дало бы ему более прямой доступ к испанцам и другим кяфирским¹⁷ королевствам на севере. Были те, кто выступал за то, чтобы не вести дела с евреями и христианами, но Масире смягчал свою веру прагматизмом. По пути он прошёл через рынок с роскошными товарами и остановился, любуясь поясом из тончайшего шёлка, прямиком из Персии. Красная ткань текла и скользила между его пальцами, и он принял решение купить его по пути домой.

Марракешский купец остановился на постоялом дворе на окраине города, и, хотя более уместным было, если бы тот предстал перед домом Масире, этот поступок смягчался перспективами бизнеса. Когда Масире достиг постоянного двора, его держатель отправился с ним к шатру, в котором расположились купец и его люди.

– Вы знаете его? – спросил держатель постоянного двора, его левый глаз сузился.

– Слышал о нём, – ответил Масире, направляясь к месту встречи.

Купец был крепко сбитым мужчиной, одетым в очень тонкие одежды, с более светлой кожей, чем у Масире, и длинной бородой.

– Мир, – произнёс Масире, подходя к шатру.

– Добро пожаловать, для меня это честь, – произнёс купец и предложил Масире сесть на очень тонкую подушку. – Я слышал о вашей высокой репутации, как и о качестве вашего золота, так и о честности ваших дел.

– Тогда вы принижаете мои достоинства, – сказал Масире.

Люди купца расположились по углам и стенам шатра, образуя круг. Казалось, это не беспокоило Масире, но породило сомнения у Грейс.

– Пожалуйста, – произнёс купец, указав на чайник, стоящий на жаровне. – Позвольте предложить вам чаю.

Масире склонил голову:

– Благодарю вас.

¹⁶ Марракеш – один из четырёх имперских городов Марокко, на данный момент 4-ый по величине город в стране. Был основан в 1060 году. Его золотой век приходится на правление Якуба аль-Мансура (1184–1199), который выстроил мечети Кутубия и Эль-Мансурия. Кутубия до сих пор остаётся символом города.

На протяжении всей истории Марракеш соперничал с Фесом за право быть главным городом Марокко, из-за чего страна распадалась неоднократно на две независимые части со своими столицами.

¹⁷ Кяфир – понятие в исламе для обозначения человека, совершающего куфр. Согласно исламским догмам, к куфру относится неверие в существование единого Бога (Аллаха) и отрицание посланческой миссии пророка Мухаммеда, а также отказ от признания воскрешения после смерти, Страшного суда, существования рая и ада. Евреи и христиане не считаются кяфирами, так как не являются полностью неверующими. Их называют «людьми Писания».

Купец налил чаю, Масире выпил, и несколько следующих часов они ходили кругами вокруг цели их встречи, вместо сделки обсуждая, где купец недавно путешествовал и насколько он нашёл привлекательным путешествие из Марракеша. Только после того, как они заварили чайные листья трижды, они перешли к делу.

– У вас есть постоянные покупатели? – спросил Масире.

– Есть, – ответил купец. – И им не терпится заключить со мной договор о приобретении вашего золота.

– Мне не терпится начать вести бизнес с ними.

– Имеется лишь одно требование, на выполнении которого они настаивают.

Масире наклонился вперёд.

– И какое же?

Купец колебался.

– Я верю тебе, Масире. Мне больно даже произносить это требование, но мои покупатели хотели бы быть уверены, что ваши запасы золота удовлетворяют их потребностям. Для них не будет ничего хорошего, если они узнают, что завтра шахты обрушатся, и золото придётся искать в другом месте.

– Я не в обиде, – произнёс Масире. – Но уверяю тебя, что мои рудники продолжают добывать золото даже после того, как я умру, и мои правнуки будут проводить такие же встречи с твоими правнуками.

– От себя скажу, что я верю тебе. Но мои покупатели настаивают на том, чтобы я осмотрел рудники.

Грейс почувствовала очередной приступ боли, одновременно с Масире. Он сдвинулся на подушку, которая стала менее удобной. В шатре стало жарко, хотя в нём по-прежнему стояла тень.

– Я боюсь, что это невозможно, – сказал Масире. – Местонахождение рудников Вангары – самый охраняемый секрет. Я думаю, ты знаешь это.

Купец кивнул:

– Конечно же, знаю. И я бы не стал спрашивать об этом, если бы мои покупатели были не принципиальны в этом вопросе.

– Тогда они будут разочарованы, – сказал Масире, моргнув.

Его зрение стало словно размытым, вероятно от слишком яркого солнца. Грейс же знала наверняка, что произошло, и если бы могла, то подняла бы его на ноги и увела подальше от этого места, пока не поздно. Но она знала, что это будет изменением памяти, которое повлечёт за собой

десинхронизацию и разрушение симуляции. С Теменным Супрессором, бомбардирующим излучением её мозг, десинхронизация будет невероятно неприятным опытом.

– И нет ничего, чем я мог убедить тебя? – спросил купец.

– Ничего, – Масире чувствовал, словно кто-то накинул одеяло на его голову, и, хотя Грейс хотела закричать, его слова были произнесены очень медленно. – Я... надеюсь... это... не будет... непреодолимым... препятствием.

Купец улыбнулся ему.

– Я думаю, мы сможем прийти к соглашению.

Масире посмотрел вниз, на пустую чашку чая, и только теперь понял, что его отравили. Упав на ковёр, он видел, как тени людей купца подходят к нему, а затем тени поглотили его.

– Он без сознания, – сказала Грейс, плавающая в более тёмной пустоте, нежели чем в Коридоре Памяти.

– Да, – раздался незнакомый голос.

– Кто вы?

– Это Аная¹⁸. Я техник. Мы встречались раньше. Доктор Бюбо сейчас с Натальей. Ты в порядке?

– В порядке. Надо минуту подождать.

Это уже случалось раньше. Когда её предок засыпал или отключался, симуляция превращалась в это *ничто*, но в любом случае, время в Анимусе текло быстрее, так что долго это не продолжалось. Но теперь Грейс действительно беспокоилась о Масире и с нетерпением ждала, что будет дальше.

– Похоже, что он приходит в себя, – сказала Аная.

Грейс снова сосредоточилась, и сверкающее ночное небо, наполненное звёздами, вскоре отогнало клубящийся туман. Млечный путь раскинулся над головой, словно пыльная буря в космосе, и Грейс осознала, что Масире лежит на спине. Она снова открыла двери своего разума и вернула ему то, что было её.

¹⁸ Аная Чодари – хакер, ранее работала в лондонском офисе Абстерго. Знакома с Викторией Бюбо по Лондону, а также является бывшей девушкой Саймона Хэтзуэя. Появлялась в «Ереси».

Масире попробовал сесть, но обнаружил, что его руки и ноги связаны. Его движение привлекло того, кто, должно быть, присматривал за ним. Пустынный песок донёс до него шаги человека в сандалиях, и спустя мгновение купец стоял над ним.

Он что-то ел и продолжал жевать ещё несколько мгновений.

– Я думаю, ты знаешь, что произойдёт дальше, – наконец сказал он.

– Ты освободишь меня, а потом отправишься обратно в Марракеш встречаться лицом к лицу со своими разочарованными покупателями, – ответил Масире.

Купец засмеялся:

– Покупателей нет. И ты это знаешь.

Масире улыбнулся:

– Знаю.

– Ты отдашь мне свои рудники.

– Не отдам.

– Тогда мы убьём тебя.

– Я буду не первым вангарийцем¹⁹, умершим таким образом, и не последним.

Грейс чувствовала, как бьётся сердце Масире, хотя внешне он старался сохранять спокойствие. У него не было ни малейшего понятия, где они, но, учитывая ночную тьму, он был без сознания довольно много часов, а значит, в милях от Томбукту. После того, как он был отравлен, они, скорее всего, завернули его в ковёр и привезли сюда верхом на верблюде. Его жена, вероятно, гадает, где он. Его сыновья будут искать его по всему городу.

– Ты больше не сможешь показать своё лицо в Томбукту, – сказал Масире. – Где же тогда ты собрался продавать своё золото?

– У меня есть партнёры, – сказал купец. – Это будет просто.

– Я гадаю, что будет, если они узнают, что имеют дело с человеком, который отравляет чай своих партнёров.

– Это уже не важно, – сказал купец. – Золото есть золото. И ты приведёшь нас к своим рудникам. Больше я спрашивать не буду.

– Тогда ты усвоил урок.

Купец достал нож из складки одежды, и Масире опознал в нём свой кинжал. Затем купец наклонился и провёл лезвием по щеке Масире. Короткое, небрежное движение, и Масире почувствовал горячий, липкий ручей крови, и лишь затем боль.

– Я не подарю тебе лёгкой смерти, – сказал купец.

¹⁹ Вангары – кланы, специализирующиеся на торговле, исламской науке и праве. Преимущественно проживали и торговали в районе западных африканских королевств Ганы и Мали.

– По–твоему, смерть всегда легка? – спросил Масире, облизывая губы там, куда попала кровь. Грейс почувствовала привкус железа.

– Признаю, – сказал купец. – Ты храбрее, чем я ожидал.

Масире ничего не сказал. Если честно, он не считал себя храбрецом, и Грейс чувствовала ужас, даже зная о том, что он должен жить дальше. Он должен был, точнее, не мог избежать этого опыта, прежде чем он передаст свои генетические воспоминания. Но что будет перед этим?

– Я собираюсь немного поспать, – сказал купец. – Но не думаю, что ты сможешь. Ты потратишь ночь, обдумывая, что я собираюсь сделать с тобой завтра, а утром я сделаю с тобой то, что превзойдёт твои самые ужасные предположения, если ты не скажешь мне, где твои рудники.

– И как долго мне предстоит размышлять? – спросил Масире.

– Пять часов до рассвета, – ответил купец. – Достаточно времени.

Прежде чем Масире успел сказать что–либо, его похититель ушёл, вновь открыв вид на звёзды, и Масире лежал, изучая их. По прошествии часа он смог сказать, где они. Никто не пересекал меняющуюся пустыню без постоянной карты. Судя по всему, они были в десяти милях на запад от города, направляясь к месту, где река превращалась в большое озеро, где были найдены богатства земли. Масире снова испытал свои путы, но обнаружил, что они не поддаются, верёвки лишь глубже впиваются в запястья. Он закрутил шеей во всех направлениях и вскоре обнаружил, что его путы привязаны к кольям, вбитым в землю. От них не освободиться.

Купец и его люди устроили лагерь несколькими метрами рядом, но без шатров. Они лежали вокруг огня, их тихие разговоры иногда прерывались смехом, а верблюды прикрывали их от ветра.

Масире снова посмотрел на небо, произнося молитву Аллаху, и после этого Грейс последовала за ним, углубившись в свои мысли и о чём–то размышляющим.

ГЛАВА 5

После того, как Грейс и Дэвид ушли, Наталья продолжала есть свой завтрак настолько долго, насколько это было возможно. Достаточно долго для того, чтобы Исая или Виктория пришли сюда в её поисках. Но они не пришли, поэтому, вздохнув, она так же медленно, как могла, направилась в её комнату с Анимусом, по пути остановившись в одиночестве на маленьком незакрытом балкончике, наслаждаясь деревьями и свежим воздухом.

Утренние солнечные лучи падали на лежащие на земле сосновые иголки, лёгкий ветерок раскачивал верхушки деревьев, словно в такт музыке. Нежной, что-то вроде «Пиний Рима» Респиги²⁰, ту часть, которую так любил её отец. Она закрыла глаза и полной грудью вдохнула воздух, чувствуя, как по спине поднимаются мурашки от холода. Если бы она захотела, то могла бы спуститься с балкона и убежать в лес, к подножью горы. Но почему это будет ощущаться как побег? Наталья же не была здесь

²⁰ Отторино Респики (9 июля 1879 – 18 апреля 1936 гг.) – итальянский композитор. С 1891 г. учился в Болонском музыкальном лицее у Федерико Сатти и Джузеппе Мартуччи, а также занимался под руководством музыковеда Луиджи Торчи, от которого унаследовал интерес к итальянской музыке XVI – XVII веков.

В 1899 году получил диплом инструменталиста и отправился в Россию, где играл в оркестре Мариинского театра, а также пять месяцев учился композиции у Николая Андреевича Римского–Корсакова.

В дальнейшем вернулся в Италию, где с 1913 года начал преподавать в римской консерватории Санта–Чечилия, а в 1923 – 1926 гг. был её директором.

пленником. Никто из них.

Это было тем самым, что сбивало её с толку.

Монро говорил, что тамплиеры безжалостны, и им нельзя доверять. То, что они стремятся управлять миром, подавляя свободную волю. Но этого до сих пор не случилось.

Наталья была здесь, потому что видела лица родителей, когда Исая сказал им о «материальной компенсации», если она останется. Её мама и папа никогда бы не заставили остаться здесь против её воли, но участие в «образовательном исследовании» Абстерго означало, что им не будет нужно работать так тяжело, не говоря уже о «образовательных преимуществах», поэтому Наталья сказала им, что хочет остаться, не будучи полностью в этом уверенной. Когда она думала о симуляции Байана, ей почти становилось жаль, что она не позволила им забрать себя домой.

Кто-то постучал в стеклянную дверь позади неё, и Наталья обернулась. С другой стороны стоял Исая, как бы прося разрешения присоединиться к ней.

Она кивнула, и он зашёл на балкон, глубоко вздохнув.

– Я следил за тем, чтобы множество подобных мест были построены в Аэри, – пояснил он. – Спокойных мест, для отдыха и медитации.

– Это мило, – сказала Наталья.

Он подошёл к ней и встал рядом, облокотившись предплечьями на перила.

– Я подумал, не стоит ли тебе обойтись без Анимуса сегодня.

Наталья ничего не ответила.

– Это естественно, – добавил он. – Думаю, я был немного нетерпелив вчера и строг с тобой. Я извиняюсь за произошедшее.

Наталья пожала плечами.

– Тебе нужен выходной? – спросил он.

Наталья замерла на мгновение, думая об этом, немного удивлённая, что Исая предложил ей это. Но она поняла, что, откладывая неизбежное, сделает возвращение только сложнее.

– Я смогу сделать это, – сказала она.

– Тогда, когда будешь готова, – кивнув, сказал Исая.

Он повернулся и зашёл в здание, оставив её на балконе в одиночестве ещё на несколько минут.

Затем она последовала за ним и вскоре достигла комнаты с Анимусом. Ни Исая, ни Виктория не ждали её, что она нашла любопытным, учитывая, насколько её симуляция выглядела важной вчера. Может, кто-то другой нашёл третью Частицу Эдема в своей симуляции. Если дело было в этом, то это определённо поможет Наталье разделить оказываемое на неё давление.

Чуть позже зашла Виктория, извинившись перед Натальей за ожидание. Видимо, Шон и Грейс нуждались в особом внимании. Наталья подумала о том, что позже стоит их расспросить об этом.

Виктория направила на неё свой взгляд «профессионального сострадания» и спросила:

– Ты готова?

– Да, – ответила она.

– То, через что ты проходишь, не похоже на ПТСР, – сказала она. – Посттравматическое стрессовое²¹...

– Я знаю, что это такое, – перебила её Наталья.

Но, возможно, что-то во всём этом было и из-за этого. Прошлой ночью она проснулась в три утра, вся в поту, думая о том, что снаряд времён династии Сун только что запущен.

– Твои переживания сейчас находятся на двух уровнях. На уровне наблюдателя и на уровне твоего предка, выжившего во всём этом. Может, нам стоит поговорить об этом потом?

Наталья кивнула:

– Может.

– Важно, чтобы ты дала мне знать, если начнёшь испытывать что-то... необычное. Вне симуляции, я имею в виду.

– Например?

– Флешбеки. Яркие сны. Что-то в этом роде. Хорошо?

Всё, что было в этом разговоре, Наталья нашла тревожным.

– Окей.

– Наталья, – Виктория повернулась и посмотрела ей прямо в глаза. – Я... я правда действую в твоих интересах. Я надеюсь, ты это знаешь.

Неожиданная активность Виктории потревожила Наталью ещё больше.

– Спасибо, – произнесла она, но прозвучало это как вопрос.

– Однажды я прошла через трудные времена. Тамплиеры помогли мне пережить их. Мы можем помочь тебе, помни это, – Виктория отстранилась от неё. – А теперь давай приступим.

Она направилась к компьютеру, Наталья забралась в ремни, в центре кольца Анимуса, и через несколько минут электромагнитная кувалда заработала по её затылку. Вскоре после этого она разделила свою сцену с Байаном, готовым пойти на штурм неприступной крепости. Наталья вспомнила, что в таких случаях говорят: непреодолимая сила встретила

²¹ Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР, известен как «вьетнамский синдром» или «афганский синдром») – тяжёлое психическое состояние, возникающее в результате единичной или повторяющихся психотравмирующих ситуаций. Например, участие в военных действиях, тяжёлая физическая травма или угроза смерти. Может вызывать переживание интенсивного страха, беспомощности и сильного ужаса.

недвижимый объект, и она гадала, как в данном случае этот сценарий завершится.

Она осмотрелась вокруг. Джагун Байана собрался у вала, с тремя сотнями других воинов, готовые поддержать Ван Дечена напротив городских ворот, и по более, чем одной причине, Наталья вверила полный контроль над разумом своему предку. Ей не хотелось испытывать боль от десинхронизации, но даже больше, чем это, ей не хотелось участвовать в тех убийствах, которые вскоре последуют.

Байан принял командование, сплотив свои войска молчаливыми жестами. Стратегия Ван Дечена базировалась на скрытности – застать Сун врасплох – и Байан надеялся, что этой ночью Орда наконец прорвётся через стены.

Несмотря на поздний час, воздух не остыл, а, в ожидании команды Ван Дечена, шёлковая подкладка под бронёй пропиталась потом.

Генерал шагал впереди пешего строя, его шлем сверкнул. Лошади только предупредят Сун, поэтому бесшумный шаг и крюки с верёвками приведут армию к победе. Ждали только восхода луны.

Байан заметил капитана соседнего арбана, мужчину, которого он знал, и вспомнил, что Чен Лун принадлежал его подразделению. Байан всмотрелся и нашёл тангутского воина среди остальных, такого же жалкого и испуганного, как и в прошлый раз. Наталья могла только пожалеть мужчину из-за занавеса презрения Байана. Она чувствовала себя так же, как и Чен Лун, и не хотела участвовать во всём этом, несмотря на то, что она знала всё о Байане и о мире, который его создал. Она знала о Тэнгэр Эцэг, Небесном Отце, и о Газар Эж, Матери–Земле²², которые послали монголов из степей, чтобы покорить этот мир. Она чувствовала уверенность Байана в том, что если боги не хотят этого завоевания, то правление Великого хана падёт. Наталья понимала это, но понимать не значит мириться с этим.

Луна так и не появилась, прошла плотная гряда облаков, скрывающая небо. Наконец Ван Дечен отдал команду, и сигнальные флаги взлетели вверх, посылая приказы скрытно выдвигаться. Орда пришла в движение, оставив безопасность вала, держась деревьев и сохраняя тишину, поднимаясь и спускаясь по влажной холмистой местности.

Когда они достигли подножия горы, Ван Дечен отдал другой приказ, и сигнальные флаги приказали остановиться. Затем флаги вызвали пехоту вперёд, включая подразделение Байана, за ним выдвинулись лучники, и

²² Тэнгэр Эцэг и Газар Эж – основные божественные сущности в монгольском тенгрианстве. Это неологизм, обозначение доисламской и добуддистской религии тюрко–монгольских евразийских степей, в котором присутствует культ Тенгри – обожествлённого неба.

восхождение началось.

Деревья и камни, разбросанные там и там, затрудняли передвижение привычным порядком, в линию, и влажные листья подлеска скользили по лицу Байана. К тому моменту, как пехота достигла наружной каменной стены города, луна так и не взошла, и Байан знал, что Тенгри на их стороне.

Ван Дечен послал флагами следующую команду, приказав пехоте готовиться к штурму, а лучникам – готовить стрелы. Байан почувствовал холодный огонь, разливающийся по его рукам и ногам. Его меч жаждал крови, и Наталье хотелось, чтобы был какой-либо способ сбежать из собственного разума.

Десятки тренированных метателей вышли вперёд со своими крюками и верёвками, и с грацией и точностью пастухов, арканящих своих овец, они запускали свои крюки высоко в небо, вплоть до вершины стены, где крюки застревали в камнях. Слаженным движением метатели отступили, и линия Байана подошла к канатам, которые воины схватили, поставив ноги на стену. Отсюда они начали своё медленное восхождение по вертикальной стене, в то время как лучники под ними держали свои руки натянутыми, следя, чтобы дозорный на стене не заметил их и не поднял тревогу.

Байан убедился, что весь его отряд начал подъём, и после этого взял канат в свои руки. Наказанием за дезертирство была смерть, часто не только для дезертира, но и его командира тоже. Первые воины всё ещё не достигли верха стены, но вскоре они достигнут, и Байан упёр свои ботинки в камни, в большинстве своём покрытые мхом.

Он поднялся только на три метра вверх, когда сверху с криком упал воин. Байан непонимающе посмотрел на него, а потом ещё пять воинов пронесли мимо, с чавкающим звуком ударившись о землю.

Стрела ударила около левой ступни Байана, выбив искру металла при ударе о скалу. Она пришла не снизу, не от монгольских лучников, и не сверху со стены.

Стрела пришла из лесу на северо-востоке.

Байан взгляделся и больше услышал, чем увидел в слабом свете следующий залп, и половина его людей свалилась с канатов, крича. Их было так много, что они приземлялись один на другого, с отчётливыми звуками ломающихся костей. Мгновением позже на них посыпались стрелы с верха стены.

Сквозь крики умирающих воинов Байан услышал команду Ван Дечена: – Вернуться на исходные позиции!

— К Ван Дечену! — закричал Байан своим людям. Затем он спустился на землю, ощущая запах крови, повисший в воздухе, и свист стрел в ушах. Дьяволы Сун каким-то образом узнали о выдвижении орды и обошли их снаружи стены.

Байан занял укрытие за мёртвыми телами, пока его воины спускались, и рядом со своей рукой заметил открытые глаза Чен Луна на окровавленном лице. Байан отвернулся от этих глаз и посмотрел в лес, в поисках атакующих, пока его последний воин не достиг земли, а затем он вместе с ними побежал к прикрытию деревьев.

Лес давал им некоторую защиту, но падающие со стены и из тёмного леса стрелы, хоть и случайно, но находили себе жертву. Байан приказал своим людям держать позицию, а сам стал искать Ван Дечена и нашёл его совсем рядом, сердито смотрящего, с мазком крови на шее.

— Наше число сократилось как минимум на треть, — сказал Байан.

— Некоторые канаты всё ещё висят, — указал Ван Дечен сквозь деревья. — Если наши лучники смогут загнать врага за стену, некоторые из нас смогут достигнуть вершины.

— А что насчёт врага на фланге?

— Бери свой отряд и иди туда. Займи их, чтобы им не стало до огня.

— Да, генерал, — сказал Байан. Он всё ещё гадал о том, как Сун вывели их манёвр, но сейчас были более насущные проблемы.

Он кинулся обратно к своим людям и после короткого поиска нашёл командиров трёх арбанов, приказал им рассыпаться и найти столько своих людей, сколько смогут. Через несколько минут набралось двадцать человек — немного, но достаточно для выполнения приказа генерала.

Для Натальи новая задача казалась самоубийственной миссией, но Байан не испытывал никаких колебаний, и она могла восхищаться его храбростью, даже если она сожалела о том, что он делал.

Продвигаясь навстречу вражеским лучникам, Байан желал, чтобы луна снова скрылась. Орда потеряла преимущество внезапности, и тьма сейчас давала преимущество Сун, знающим местность. Байан тихо достал меч, его рука скользила по рукояти, промокшей то ли водой, то ли потом, то ли кровью, то ли всем сразу. Его люди тоже вооружились и, незамеченные, преодолели некоторое расстояние, пока не заметили первого лучника. Он стоял за деревом, будучи тенью с луком, в неясном свете. Ночь и лес скрывали остальных, но они должны были быть поблизости. Байан тихо раздал приказы отряду бросаться вперёд и создавать иллюзию большого отряда, и, когда они разошлись в разные стороны, то подал сигнал.

Все двадцать воинов завывали, разрывая тишину, и бросились вперёд.

Байан выбрал себе лучника Сун, который повернулся на звук, шок отразился на его лице, пока Байан бежал на него с мечом на перевес. Спустя мгновение в них полетели стрелы, но неприцельно. Это означало, что Ван Дечен мог бы провести второй штурм, не отвлекаясь на врага на фланге.

Байан и его люди мелькали и прятались за деревьями, набегали и отступали, не подставляясь под стрелы. Когда Байан заметил ещё одного лучника, он обошёл его и бросился на него, но, прежде чем он достиг цели, другая тень бросилась уже на него.

Байан уклонился от удара ножом и развернулся, чтобы сразиться с новым атакующим, когда лунный свет внезапно залил пространство между ними, облака отступили. Байан увидел, что мужчина, стоящий перед ним, был ветераном, его лицо отражало годы сражений, но краем глаза он также заметил, что первый лучник поднял лук. Байан рефлекторно пригнулся, но один из его людей уже был там, вынуждая перейти лучника в рукопашную. Повернувшись к ветерану, тот сразу бросился на него, и он едва сумел отклонить другой нож своим мечом. Враг отступил, прежде чем Байан смог нанести собственный удар. Теперь была очередь Байана атаковать, и со своим мечом он получал преимущество в виде более дальней зоны поражения. Но ветеран оказался необычайно проворным, раз за разом избегая атак Байана и постепенно сближаясь до дистанции применения своего оружия. При таком близком контакте Байан также отметил, что у нападавшего почти отсутствовало левое ухо.

Внезапный болезненный удар по плечу чуть не стоил ему руки, если бы не доспехи. Байан хмыкнул и осознал, что ветеран сражается лучше его, но он отказывался отступить, даже если бы это означало его смерть. Увернувшись, он подготовился к очередному удару и...

Взрыв встряхнул землю и закачал деревья, ослепив всё вокруг яркой вспышкой. Город применил свою артиллерию против Ван Дечена, и Байан осознал, что теперь они проиграли. Ветеран использовал момент отвлечения для атаки, но Байан ожидал этого и был готов.

Словно удивлённый, он отшатнулся, завлекая ветерана вперёд, и в последний момент с разворота ударил его своим мечом, засадив тот по самую рукоять. Внутри своего разума, Наталья хотела кричать.

Это был смертельный удар, смерть наступила мгновенно, и Байан освободил своё оружие от соскользнувшего тела.

По лесу прокатился звук горна, трубившего к отступлению. Байан созвал своих людей, и они двинулись к основному войску орды под

разрозненными выстрелами лучников. Когда Байан достиг передовой, он обнаружил, что повсюду царит хаос. Упавшие, горящие деревья поднимали дым и пламя в небо, воины мчались во все стороны, но один небольшой отряд сгрудился вокруг чего-то, лежащего на земле.

Когда Байан оказался рядом с ними, он понял, что они окружали Ван Дечена. Генерал был тяжело ранен, грудь превратилась в месиво брони и кровоточащей плоти, а из раны на голове рекой шла кровь.

– Помогите мне! – закричал Байан, даже зная о том, что ранения могли быть смертельными. – Нам нужно отнести его в безопасное место!

Двое из его людей наклонились помочь ему, в то время как остальные вернулись к подножию горы. Но войска Сун не оставили свои стены, чтобы преследовать их: казалось, они боялись, что отступление монголов – это тактическая уловка. И за это Байан был им благодарен.

Когда они подошли к укреплениям, гонцы увидели, что они приближаются, и побежали внутрь лагеря, поэтому, когда Байан достиг генеральского шатра, шаман уже ждал их внутри, одетый в маску и свой причудливый головной убор. Он приказал положить генерала на землю перед ним, принявшись снимать одежду и броню генерала, занявшись его ранами, всё время воспевая и призывая богов и духов предков.

– Ты должен вспороть брюхо вола и поместить его туда! – наконец крикнул шаман.

Несколько воинов бросились наружу, и через несколько минут Байан услышал рёв вола снаружи. Он помог шаману вынести генерала из шатра. Зверь без чувств уже лежал на боку с перерезанным горлом. Собралась большая группа воинов, один из командиров выхватил свой меч и вспорол брюхо вола, чьи кишки вывалились наружу.

Происходящее наполнило Наталью уже другим ужасом, не тем, который она испытала в бою. Это было смесью отвращения и ощущения нереальности происходящего, даже несмотря на то, что для Байана ритуал был в порядке вещей.

– ВАН ДЕЧЕН! – загремел голос.

Все обернулись увидеть, как Великий хан спешит к ним, облаченный в золотые доспехи, и все собравшиеся низко поклонились ему, пропуская. Его шестнадцатилетний сын, Асутай, шагал рядом с ним.

– Он был ранен артиллерией Сун, мой господин, – произнёс Байан, по-прежнему склоняя низко голову.

– Помоги мне с ним, – сказал Мунке, направившись в сторону генерала.

Без колебаний Байан двинулся следом, и вместе с шаманом и Великим ханом они поместили тело Ван Дечена внутрь тела вола. После этого шаман возобновил своё пение, начав бить в бубен и танцевать.

– Его потеря будет означать потерю моих обеих рук, – сказал хан.

Байан не был уверен в том, что Мунке разговаривает с ним, поэтому он продолжал держать свою голову склоненной и ничего не сказал, его собственные руки и ноги были покрыты кровью.

Но хан повернулся к нему:

– Ты был там?

– Я думаю, что знаю, что произошло, мой господин.

– Говори.

Байан приподнял голову.

– Сун знали, что мы придём. Каким-то образом они обошли нас снаружи ворот, и мы были в неведении о них, пока не посыпались стрелы. Ван Дечен попытался провести вторую атаку, но они повергли его своей артиллерией.

Мунке кивнул, всё его тело затряслось в ужасающем гневе.

– Доставьте его в храм Джин Джун! – крикнул он и поспешил прочь.

Байан повернулся к генералу, лежащему внутри вола. Ритм шаманского барабана становился всё более безумным, его голова качалась назад и вперёд, так же дико, как и его приседания и пляс. Все смотрели на него и молились, в то время как привезли телегу и стали грузить на неё тело генерала внутри вола, а погрузив — покатали на юг, к храму.

Наталья впервые почувствовала сомнение Байана с тех пор, как начала просматривать его воспоминания. Возможно, боги повернулись против Великого хана, забрав его лучшего генерала. Возможно, они не были довольны нахождением здесь, в эти жаркие и зловонные летние месяцы. Некоторые высказывались против нахождения здесь, но Мунке стоял на своём. Возможно, это было наказанием за его высокомерие. Должен быть ответ, должны быть причина. Это и другие беспокойства бушевали в разуме Байана. Вопрос, откуда пришли лучники Сун, он отказывался игнорировать.

А пока он направился искать Боке и составлять отчёт, после этого он отправится взглянуть на своих людей, чтобы понять, кого из них он потерял.

– *Как ты?* – внезапно спросила Виктория, и Наталья была рада услышать голос доктора. – *Тебе нужен перерыв?*

– Пожалуйста, – прошептала Наталья.

Это был единственный способ смыть кровь со своих рук.

ГЛАВА 6

Оуэн стоял в подвале пугающего ассасинского убежища и, указав на новый Анимус, спросил:

– Вы хотите послать меня в Китай?

– Да, – ответила Ребекка. – А точнее, в 1259 год. Тамплиеры обнаружили что-то в данных Монро, и это позволяет предположить, что хан Мунке обладал Частицей Эдема.

– Мунке? – спросил Хавьер.

Ребекка повернулась к нему:

– Внук Чингисхана. Его дед был убит Кулан Галом²³.

Хавьер сложил руки на груди:

– Когда вы говорите «убит»...

Гриффин кивнул:

– Одним из наших.

– Судя по данным Монро, всё сходится, – сказала Ребекка. – Монгольская империя продолжила свою экспансию и после смерти

²³ Кулан Гал – член монгольского Братства ассасинов, славился своим умением обращаться с луком. Его мастерство сыграло свою роль в убийстве Чингисхана, что позволило ему достичь ранга Мастера.

Мало известно о жизни Кулан Гала помимо его участия в убийстве Чингисхана. После его смерти итальянское Братство кремировало тело и захоронило под Рокка ди Ровальдино в Форли. Появлялся во втором выпуске комикса Reflections.

Чингисхана. Они двинулись к России и Персии, были на пороге Европы, и многие люди в то время верили, что монголы были посланы Богом в наказание. Вполне возможно, что монголам помогли технологии, которые они не могли понять.

– Я даже не знал, что у меня есть предки из Китая, – сказал Оуэн.

Ребекка кивнула.

– Многие люди были бы очень удивлены, узнав, что скрыто в их ДНК. Как мы все связаны. Чингисхан, вероятно, имеет свыше шестнадцати миллионов живых потомков.

– Так что случилось в 1259 году? – спросил Хавьер.

Ребекка обошла стеклянный компьютерный стол. Стоило ей дотронуться до интерфейса, как голограмма появилась над столом, как на кофейном столике Монро тогда, на складе. Для Оуэна, казалось, с того момента прошла целая вечность.

Изображение показывало Землю, сфокусированную на южной части Китая.

– В 1259 году хан Мунке атаковал одну из крепостей империи Сун, – Ребекка указала на мерцающую точку на карте. – Крепость под названием Дяоюй, или Рыбацкий город. Впечатляющая крепость. Хан Мунке умер во время её осады, что положило конец экспансии монгольской империи.

– То есть если он владел одним из зубцов... – оставил недосказанной фразу Гриффин.

– Он может быть там, – завершила фразу Ребекка. – Или, по крайней мере, это то время и место, где мы начнём.

Оуэн подошёл к голограмме, изучая её.

– То есть это как в Нью-Йорке. Я сажусь в Анимус, пытаюсь найти эту штуку или выяснить, где она может быть.

– Абсолютно верно, – подтвердила Ребекка. – Ты готов?

– Конечно.

– Что насчёт меня? – спросил Хавьер.

Ребекка посмотрела на него:

– Пока сидишь смирно.

– Сидеть смирно? Разве я не могу ничего сделать?

– Нет. В данный момент ничего.

Хавьеру это определённо не понравилось, но если бы они поменялись местами, Оуэн тоже не был бы рад. В этой ситуации он ничего не мог поделать.

– Как Монро всё это выяснил? – спросил Гриффин.

Ребекка переключила голограмму на изображение двух спиралей ДНК.

– В Трезубце нет ничего магического. Это технология. Очень–очень продвинутая, но всё же технология. По всей видимости, зубцы излучают особую энергию, которая взаимодействует с человеческой ДНК. И это оставляет след, вроде генетического маркера или радиоактивного излучения, который передаётся. Мы точно не знаем, что это за маркер, но Монро, по всей видимости, это выяснил. И лишь вопрос времени, прежде чем до этого додумаются тамплиеры.

– Излучение? – переспросил Оуэн. – Оно изменило моё ДНК?

– Похоже на то, – кивнула Ребекка. – Мы всё ещё пытаемся понять всё это.

– Хотел бы я, чтобы Монро был здесь и объяснил всё это, – сказал Оуэн. Он по–прежнему ничего не знал о Монро. Кем он был или где учился.

– Я бы тоже хотел с ним поговорить, – сказал Гриффин, но с угрожающей интонацией.

Ребекка выключила голограмму.

– Если ты готов, то приступим. Мне нужно идти.

– Я готов, – сказал Оуэн.

Они пересекли комнату к новому креслу Анимуса, которое отличалось от кресла Монро: более гладкое, но лишь немногим комфортабельнее. Оуэн устроился в нём поудобнее.

– Я интегрировала в эту модель новый процессор и другие детали из мадридских чертежей, но один компонент убрала.

– Какой компонент? – спросил Оуэн.

– Насколько я могу судить, – сказала Ребекка, подключая Оуэна к разнообразному оборудованию и пристёгивая ремнями, – Абстерго разработало новую версию Анимуса, позволяющую подавлять активность теменных долей головного мозга. Должно быть, это сделано для достижения более сильной симуляции, но я не рискну использовать его до тех пор, пока мы не будем знать о нём больше. У нас будут проблемы, если с твоим мозгом что–то случится. Так что это будет обычной симуляцией, как те, которые ты переживал до этого. Вопросы есть?

– Нет. Я готов.

– Тогда давай сделаем это, – произнесла Ребекка, запуская процесс подключения к симуляции.

– Удачи, – сказал Хавьер.

– Разбуди меня, если у меня слюни пойдут, – отшутился Оуэн.

Затем Ребекка водрузила на его голову шлем, закрывающий глаза и уши. Было ощущение, словно он погрузился в глубокую тёмную бочку с водой, температуры её тела, что отрезало всего чувства от оставшегося снаружи мира.

- *Всё в порядке?* – спросила Ребекка. – *Слышишь меня?*
- Чётко и ясно.
- *Очень рада,* – последовала пауза. – *Окей, Коридор Памяти загружен.*
- Запускайте.
- *Хорошо. И... Понеслась.*

Палящий свет залил пустоту внутри шлема, болезненный на несколько мгновений, и Оуэн зажмурился. Но постепенно боль утихла, и он открыл глаза, обнаружив себя в бесформенной комнате ожидания Анимуса. Ничего удивительного здесь не было. Он был здесь раньше. Но он был удивлён, когда опустил глаза.

- Я женщина.
- *Проблемы?*
- Нет, – сказал он. – Просто... наблюдение.

Теперь он находился в новом предке, носившем чёрное одеяние, поверх которого была одета чёрная броня с тиснённым на ней рисунком. На боку у неё висел меч, но на каждой руке было по наручу. Один – со скрытым клинком, другой – с маленьким арбалетом на запястье.

Оуэн вытянул руки вперед, осматривая оружие.

- Она ассасин.
- *Похоже на то, но у нас нет никаких записей о ней.*
- Это нормально?
- *Ничего необычного. Тамплиеры крали и уничтожали наши архивы с записями везде, где могли. Время также работает против нас. А некоторые записи слишком хорошо спрятаны даже от нас.*
- Я чувствую, как она давит, – сказал Оуэн. Таким было это ощущение для него, как будто тяжесть, давившая на него, с каждой секундой становилась всё сильнее, принуждая сдаться. – Симуляция готова?
- *Ещё пару секунд.*

Оуэн дал предку немного свободы, чтобы узнать её имя – Чжан Чжи. Её отец тоже был ассасином.

- *Окей, всё готово. Скажи лишь слово.*
- Слово.

Бесформенные облака Коридора Памяти вспыхнули огнём, электрическим штормом ворвавшись в разум Оуэна, обжигая его разум, но вскоре боль вместе с туманом стали отступать, и он обнаружил, что сидит на циновке, лежащей на деревянном полу. Стены, а скорее перегородки вокруг него, были сделаны из бамбука и дерева, справа от него находилась дверь. Это была летняя ночь, и он становился всё более и более осведомлён об окружающем мире по мере того, как Чжан Чжи всё сильнее давила на

него.

Монголы были у ворот. Её отец ушёл сражаться с ними, вместе с армией. Орудийный огонь раздался в ночи. Он не вернулся.

Чжи постаралась сфокусироваться на практике Орлиного зрения – навыком, которым она ещё не овладела. Отец тренировал её в боевых искусствах, бою с оружием и акробатике, которая напомнила Оуэну о фриране. Чжи достигла мастерства во всём, кроме Орлиного зрения, которое ускользало от неё. Даже сейчас, когда она пыталась расширить своё сознание, стараясь услышать витающие в воздухе звуки и учуять вибрации, пронизывающие пол, это не улучшало её навыков. Она знала, что кто-то приближается, кто-то с тяжелой поступью, но она не знала ничего о том, кто это и каковы его намерения. Учитывая события ночи, возможно, она не хотела бы это знать.

Спустя секунду, возникший в дверном пролёте мужчина прочистил горло. Она повернулась и увидела солдата в пластинчатой броне, склонившего голову.

– Меня послали за вами.

– Зачем?

Солдат поднял взгляд.

– К вашему отцу. И не мне говорить, зачем.

Чжи встала на ноги. Было множество причин, по которым её отец не смог прийти сам, и каждая из них пугала её. От макушки до пяток волна страха пробрала её, и с этим чувством она отправилась следом за солдатом, сначала из комнаты, а потом из дома её отца.

Они шли по улицам Рыбацкого города, где продолжала течь жизнь, несмотря на осаду, правда, сейчас все жители находились за стенами своих домов, забывшись во сне, а улицы патрулировались солдатами. В Рыбацком городе было достаточно еды и воды. Правда, те виды деятельности, которые предполагали собой работу за стенами, теперь были остановлены. Такие, как торговля, например.

Они шли по главной дороге, идущей из города, в направлении Императорского дворца на севере, мимо отражения луны в Большом Небесном пруду, к хорошо освещенным казармам, которые были охвачены бурным волнением. Беспокойство Чжи усиливалось с каждым шагом, во рту пересохло, в груди словно образовалась дыра. Сегодняшнее сражение с монголами, очевидно, подошло к концу, но оно прошло не без последствий.

– Сюда, – сказал солдат, когда они достигли казарм. Он повёл её внутрь одного из зданий и остановился у очередных дверей:

– Я сожалею. Приготовьтесь.

Это подтвердило опасения Чжи. Она вошла в здание, одну большую

прямоугольную комнату, и учуяла запах крови. Доктора занимались ранеными солдатами, но её отец был среди мёртвых.

Поникший генерал Ван Цзянь почтительно стоял над ним. Чжи упала на колени рядом с телом отца, у ног генерала, и заплакала.

Под тяжестью её горя на Оуэна накатывал удушающий вал его собственного горя из-за смерти своего отца. Никто не пришёл за ним, как пришли за Чжи. Генералы не отдавали почестей его отцу. Вместо этого появившийся в двери полицейский в костюме серьёзно, но не грустно рассказал, что произошло. У отца Оуэна произошёл разрыв аппендицита, и он умер в тюрьме.

И всё.

Больше ничего.

Ни «прощай». Ни последнего «я люблю тебя». Смерть, и больше ничего.

– Он спас город, – произнёс генерал Ван Цзянь.

Чжи села прямо и вытерла глаза. Оуэн старался изо всех сил дистанцироваться от неё.

– Что произошло? – спросила она.

– Наши разведчики заметили приближение монгольской армии, – сказал генерал. – И мы подготовились. Твой отец отобрал людей и прошёл через пещеру Фейянь, чтобы атаковать противников с фланга. Северяне попали в ловушку, и мы отбросили их. Но небольшой отряд бросился на отряд твоего отца. Удар был практически мгновенным. Он не страдал. И спас город.

Чжи посмотрела вниз на лицо её отца. Глубокие морщины. Шрам, из-за которого он потерял почти всё ухо в битве, произошедшей много лет назад. Она почувствовала, как слёзы возвращаются, но сдержалась, чтобы попозже поплакать в одиночестве.

– Мы почтим его память, – сказал генерал. – Я лично возьму на себя похороны и все траты.

– Спасибо вам, – сказала Чжи. – Он бы был очень благодарен вам за это.

– Твой отец и я, может, часто и имели разногласия, но я знал, что он любил наш народ и нашу землю.

Поклонившись, генерал отправился осматривать других людей, живых и израненных.

Крепко сжав руки на коленях, Чжи наклонилась вперёд и поцеловала лоб отца. Затем она тронула наруч с обнажённым скрытым клинком. Кто бы ни убил её отца, это далось ему нелегко. Она вернулась в город, прижимая к себе этот наруч, который станет святыней, которую она будет хранить в их доме. Её доме. В доме, в котором отныне она будет жить одна.

Вот только, когда она вернулась домой, она оказалась не одна. Будучи снаружи, она чувствовала, что Канг ждёт её, для этого не было нужно Орлиное зрение. От старого Наставника постоянно пахло рыбой.

– Входи, – сказал он через дверь. – Нам надо поговорить.

Чжи прошла внутрь и обнаружила его сидящим в любимом кресле своего отца, низком, с высокой спинкой и округлыми ножками. Вид этого старика, сидящего со скрещёнными ногами перед ней, приводил её в ярость.

– У меня нет желания разговаривать, – произнесла она, стоя у дверного проёма.

– Если бы только твои желания смогли спасти наших людей, – ответил он, скрыв половину лица в тени от фонаря, висевшего рядом с ним.

– Он погиб из-за вас, – выпалила она. – Вы приказали ему...

Канг рассмеялся. Сидя в её доме, сидя в кресле её любимого отца, он действительно смеялся.

– Ты так считаешь? – наконец спросил он. – Потому что я думаю, что в первую очередь в его смерти виновата Монгольская Орда.

Чжи хотела винить его и продолжать злиться на него, но она знала, что он прав. Оуэн внезапно понял, что похож на неё. Когда умер его отец, он хотел винить в этом кого угодно: дедушку, бабушку – неважно. Он был зол, потому что они так и не приняли его отца и не видели в нём ничего большего, нежели панка из старшей школы. Но в конце концов Оуэн признал, что его смерть не была их виной.

– Зайди уже, Чжи, – сказал старик. – Ты не можешь стоять на пороге вечность.

Она смотрела на него, и единственная вещь, которая заставила её зайти внутрь, была любовь её отца к этому человеку, которого он считал своим Наставником. Это была любовь, которую Чжи никогда не понимала, но в память об отце она, по крайней мере, выслушает, о чём Канг хочет поговорить.

– Итак, – сказал он, когда она села на разодранное седло напротив него. – Для начала, я должен поправить тебя. Я не приказывал твоему отцу идти

за стену.

Чжи смотрела на него.

– Не приказывали?

– Нет. Я всегда советовал твоему отцу оставить армию. Наше Братство работает другими способами. Но твой отец не мог оставаться в стороне, когда хорошие, храбрые люди гибнут, что делает ему ещё больше чести.

Она поверила ему, и с этим откровением большая часть гнева, которую она обращала на старика, погасла, но тлеющий уголёк остался.

– Но его честь его не спасла, не так ли? – добавил он.

И её гнев снова распалился, на этот раз ещё сильнее.

– Теперь его роль переходит к тебе, – произнёс Канг. – Ты должна занять место своего отца. Но как ты предпочтёшь почтить его память? Славной смертью падёшь в сражении, как и он? Или найдёшь свой собственный путь?

– Я не знаю, что буду делать.

– Я не задаю вопроса, требующего ответа этой ночью. Я оставляю тебя обдумать всё это. – Он встал с кресла, подобрал свою трость и направился к двери. – Но теперь я твой Наставник, и я бы хотел видеть уважение не только имени твоего отца, но и Братства в целом. Ты можешь спасти наших людей.

– Как? – спросила Чжи.

– Сделай то, чего не могу я, – повернувшись в дверях, он добавил: – Будь ассасином.

Чжи долго сидела в своём кресле после того, как он ушёл, глядя на огонёк в лампе, вспоминая своего отца и поддерживая в себе хрупкую веру, что он не умер. Что он придёт домой. А тело, которое она видела, было чужим, ошибкой.

Оуэн вспомнил, что он переживал те же чувства. После того, как тот полицейский ушёл, следующие два дня он просил маму съездить с ним в тюрьму, на посещение к отцу. Полиция, наверное, допустила ошибку и его отец там, живой. Вскоре он прекратил её просить, потому что его просьбы только заставляли мать плакать, и, наконец, он всё осознал.

Отрицание никогда не приносило ничего хорошего. Обычно всё становилось только хуже и, в конце концов, взрывалось внутри.

Чжи пришла к этому осознанию ближе к рассвету, после того, как огонёк погас, и она снова заплакала, лежа на кровати и держа в руках наруч её отца. Когда она наконец приняла решение, которое Канг спрашивал у неё, она провалилась в сон, всё ещё со слезами на глазах.

Оуэн оказался в сером *ничто*. Он был здесь раньше, с Вариусом.

– *Ты в порядке?* – спросила Ребекка.

– В норме, – ответил Оуэн, но произнести это оказалось тяжелее, чем он думал.

– *Похоже, всё идёт хорошо. Я собираюсь передать тебя в руки Гриффина. Скорее всего, когда ты выйдешь, меня здесь не будет, так что, пожалуйста, скажу «пока». И удачи.*

– Спасибо.

Спустя мгновение он услышал хриплый голос Гриффина в своём сознании:

– *Ты скоро должен очнуться.*

– Принято.

– *Ты точно в порядке? Хавьер говорит, что эта симуляция довольно жестокая для тебя.*

– Передай ему от меня благодарность, но я в норме.

– *Передам... Мы снова в режиме онлайн.*

Дым рассеялся, и Чжи открыла глаза. Было уже позднее утро очередного жаркого дня, которому она была рада. Внутри стен города у них была вода, многочисленные бассейны, тень и освежающий ветер с вершины горы. Внизу же, у монголов, ничего из этого не было.

Она встала с кровати, умылась и выпила чая. Затем она отогнула одну из половиц в комнате её отца и положила его наруч в темноту. После возврата половицы на место она отправилась на поиски старика.

Город уже проснулся, и по висящему в воздухе гулу она могла сказать, что новости уже распространились. Хоть Ван Цзянь и одержал победу, город не будет прежним, если Монгольская Орда полностью не отступит.

Она вышла за пределы основной части города, мимо Большого Небесного пруда, кажущегося ещё более огромным из-за отражающегося в нём безоблачного синего неба, и мимо мастерской инженеров, где стояли девять больших котлов.

Наконец она достигла храма Ху Го. За ним находился Рыбий обрыв, где, по легенде, великан вытащил бесчисленное число рыб из реки внизу. Чжи пересекла это каменное плато, и на его дальней стороне она обнаружила Канга, сидевшего рядом со своей хижинкой и чинившего сечь.

– Я рад, что ты пришла, – сказал он. – Своей походкой ты напомнила мне твоего отца.

Она ничего не хотела слышать об отце от него. А пока ей приходилось скрывать своё горе даже от себя, до тех пор, пока она не достигнет желаемого.

– У меня есть ответ для вас.

– Ох, – произнёс он, не отвлекаясь от своих узлов. – И каков же этот ответ?

– Я собираюсь убить хана Мунке, – сказала она.

Его пальцы перестали двигаться, и он положил сеть к себе на колени. А потом он посмотрел на неё.

– Повтори–ка.

– Я собираюсь убить Мунке.

Он улыбнулся:

– Я верю тебе. А теперь для тебя начинается настоящее обучение.

ГЛАВА 7

Шон только что насладился изысканно приготовленным мясом, а теперь его предок стоял около камина, облокотившись на каменную полку и глядя в огонь. Совсем недавно, в старости, снова женившись, он приходил в библиотеку для поиска тишины и уединения, в то время как его жена и дочери после ужина ушли в гостиную. Брэндон Болстер был англичанином, живущим в своём имении в Ирландии. У него была прекрасная жизнь, и Шон осознал, что с лёгкостью останется в этой симуляции надолго, вне зависимости от того, есть ли здесь Частица Эдема или нет.

Дверь в библиотеку открылась, и его сын, Ричард, прошёл в комнату.

– Ты должен увидеть кое-что, – сказал он. Его не было на ужине с семьёй, но из-за обязанностей управляющего Ричард, бывало, отсутствовал по несколько дней.

– И что же? – спросил Брэндон.

Сын протянул изодранный лист бумаги.

– Это было пригвождено к дверям конюшни.

Брэндон нахмурился и взял записку. Она была написана грубым почерком, её автор был не в ладах с орфографией, но смысл был чётко ясен даже для Шона.

– Да уж, не «95 тезисов²⁴», – хмыкнув, проговорил Брэндон.

Ричард забрал записку обратно и потряс ею перед лицом отца:

– Это серьёзно, отец. Ты не можешь закрывать на это глаза. Они уже убили скот и разрушили стены в соседних поместьях.

– Я знаю.

– Тогда что же нам делать?

– А что мы можем сделать? Предлагаешь уступить их требованиям?

– Нет, – Ричард посмотрел вниз, словно хотел заново посмотреть на текст. – Нет... Не всем.

– Не всем? – Брэндон отошёл от камина. – Но некоторым?

Ричард покачал головой:

– Я не знаю. Когда мы сделали из этих полей пастбище, я знал, что это расстроит некоторых владельцев и фермеров, но не подозревал, что дойдёт до такого.

– Это *наша* земля, – произнёс Брэндон, выхватив записку из рук сына.

– У нас есть право делать то, что мы делаем. И если мы сможем сделать эту землю более прибыльной, пася на ней скот, а не выращивая урожай, это то, что мы будем делать, а эти Белые парни²⁵ пусть катятся к чёрту.

Он бросил записку в камин, где она мгновенно запылала огнём, и вскоре от неё остались лишь воспоминания и пепел.

– Но тем самым мы забрали их средства к существованию, – сказал его сын. – Некоторые из них не могут прокормить свои семьи. Мы не подумали о них.

Брэндон глубоко вздохнул, успокаивая себя.

– А мы должны были думать о них?

– По закону или по чести?

– А есть разница?

– Временами я думаю, что должна быть.

– У меня другая точка зрения. Что есть честь для этой семьи? У нас, как распорядителей этой земли, есть долг – увидеть, как эта земля процветает, чтобы наши дети и дети наших детей могли унаследовать процветающее дело. Так наша нация поддерживает мир и порядок.

²⁴ 95 тезисов – документ, написанный христианским богословом Мартином Лютером с изложением критики церкви и требованием реформации. От этого документа начинается история протестантизма. Основной мотив тезисов – критика практики индульгенции и эксклюзивных прав папы римского прощать грехи, а также утверждение Священного Писания как единственного авторитета. Считается, что они были прибиты к двери Замковой церкви в Виттенберге 31 октября 1517 года.

Документ вызвал резкую реакцию в Риме и предопределил религиозный раскол Европы. Через 3 года Лютера отлучили от католической церкви решением папы римского, что стало началом большого раскола, а также повлекло за собой волну религиозных конфликтов и войн в Западной Европе.

²⁵ Белые парни (Whiteboys) – секретное ирландское аграрное сообщество 18 века. Получили такое название, так как их представители носили белые значки на шляпах и белые рубахи. Движение возникло из-за отчаянного положения ирландского крестьянства, когда земли, сдаваемые под пастбища, вследствие закона не облагались налогом, в отличие от пахотных мест. В итоге богатые люди освобождались от каких-либо налогов, а бедные и фермеры платили сполна.

Его сын опустил взгляд на свои ботинки, и Брэндон отметил, что они спеклись от грязи, как у обыкновенного рабочего. Ричард не потрудился снять их, прежде чем войти в дом, но сейчас явно было не то время, чтобы сделать ему замечание.

Течения разума Брэндона, в которых находился Шон, несли перед ним его память, и он осознал всю ситуацию, перед которой оказался его предок. Из-за изменений, происходящих в экономике Ирландии, множество рабочих, фермеров и арендаторов внезапно обнаружили себя без земли, которую можно обрабатывать. И эти злые, отчаявшиеся крестьяне образовывали тайные общества. Белые парни, Дубовые сердца²⁶ и остальные терроризировали сельскую местность, совсем недавно отметившись в графстве Брэндона, Корке. Они потребовали права на использование земли, угрожая расправой и разрушениями, если их требования не будут выполнены. Такой же и была записка, которую Ричард обнаружил на двери конюшни.

– Что мы, по-твоему, должны сделать? – спросил Брэндон.

– Встретиться с ними, – ответил Ричард. – Выслушать их и попробовать прийти к пониманию.

– Встретиться с ними? – переспросил Брэндон недоверчиво, словно ослышавшись. – Это же неприкрытый бунт! Ты хочешь, чтобы мы договаривались с этими разбойниками?

– Отец, это фермеры, а не разбойники.

– Они *были* фермерами, – Брэндон отвернулся от очага, спиной к сыну. – Вот что бывает, когда хорошие люди приходят в ярость и праздность, выпивая в пабах. Это не движение. Это толпа.

Ричард вздохнул.

– В записке сказано, что у нас есть время до завтрашней ночи. Я умоляю тебя пересмотреть свое решение до этого.

С этими словами его сын покинул комнату.

– Пустые угрозы, – пробурчал Брэндон самому себе, чувствуя жар пламени от камина на своей спине.

Следующим утром, после бессонной ночи, в которой Шон то проваливался, то выныривал из серого тумана беспамятства, Брэндон

²⁶ Дубовые сердца (Hearts of Oak) – протестное движение фермеров, которое началось в графстве Арма. Ирландия, в 1761 году. Их прозвали так из-за кусочков дуба, которые были прикреплены к шляпам. К концу протесты охватили графства Каван, Фермана, Лондондерри, Монахан и Тиронь. По данным количество протестующих насчитывало 10 тысяч человек.

В 1763 году против них применили армию, в результате несколько человек были убиты, остальные арестованы.

поднялся перед рассветом, оделся и прогулялся по окрестностям. Он взял севернее, пройдя по тропинке через холм, где стоял его дом, и направился в сторону открытых пастбищ и полей, ограждённых каменными оградами и живыми изгородями. Эти ограждения были построены недавно, чтобы скот не разбредался. Когда он дошёл до вершины холма, дорога стала мягко спускаться в лесистую долину. Голубой утренний туман заполнял её, кружась у верхушек дубов и тиса. Брэндон остановился здесь, присев на изгородь, смотря на запад, ожидая и наблюдая.

Шон не был уверен, что он когда-либо был так доволен своей жизнью, даже до аварии. И его разозлила мысль о том, что были те, кто хотел уничтожить это. Его предок унаследовал это имение, которое передавалось из поколения в поколение, и он тяжело трудился, улучшая его. Какое у этих чёртовых белорубашечников было право предъявлять какие-то требования?

Освещение медленно изменялось по мере того, как солнце поднималось за спиной Брэндона, внося жизнь в поля и ограды, заигравшие новыми цветами. Брэндон не променял бы синеву этого неба ни на один сапфир, а зелень травы – ни на один изумруд. И Шон чувствовал то же самое.

Справа от него туман отступил под лучами солнца в тень леса. Будучи не мужем, но юношей, он охотился со своим отцом в этом лесу. И точно так же, будучи отцом, он охотился там со своим сыном, Ричардом. Это было в порядке вещей, это было *правильно*.

Солнце поднялось достаточно высоко, чтобы согреть спину Брэндона. Он на минуту прикрыл глаза, но открыл их, услышав звуки приближающихся людей. Два пастуха шли к нему, неся свои посохи, а за ними по пятам бежала собака. Они шли к пастбищу, чтобы пасти стада Брэндона. Проходя мимо него, они сняли шляпы и пожелали ему доброго утра, но в их взгляде Брэндон заметил дерзость. Могут ли они быть частью того тайного общества? Работать на него и в то же время плести интриги с белорубашечниками против него? В этом-то и была проблема. Мятежники разрушали веру и доверие друг другу, сея хаос и обращая общество против самого себя, распространяясь как чума или как болезнь.

Брэндон наблюдал, как пастухи зашли в ворота и стали пересекать пастбище, направляясь на запад. Где они будут вечером, если эти чёртовые требования не будут выполнены?

Брэндон встал с изгороди. Он не поддастся этим страхам. Он не позволит этим бандитам обратить его против своих. И он не пойдёт на компромисс, разменивая своё наследство и наследие, полученное и

построенное им. И поэтому он будет противостоять этим мятежникам, но не отдаст им своей земли.

В этом воспоминании Шон поддерживал своего предка. Сейчас даже не было риска синхронизации, поскольку он бы сделал тот же самый выбор. Это были теми же люди, как и тот пьяница, что парализовал его. Кто-то, кто вышел из-под контроля. Кто-то, кто должен был быть остановлен, но не был.

Шон считал, что Брэндон был человеком, стоящим за то, что правильно.

Когда Брэндон достиг дома, он позвал за сыном, и слуга отправился за ним. Брэндон ждал его в библиотеке, и, когда тот вошёл, дал ему ключ от шкафа, где они хранили оружие.

– Вооружи себя и тех, кому ты доверяешь, – сказал он.

– Отец?

– Мы должны быть наготове, если белорубашечники захотят исполнить свои угрозы сегодня.

Ричард протянул ключ обратно.

– Это не война. Ты знаешь этих людей.

– Я думал, что знаю их, – сказал он. – Они разорвали со мной отношения, когда решились прибить лист с угрозами к дверям моей конюшни.

– Они будут возражать, что это сделал ты, когда выселил их.

– Я не стану с тобой спорить, Ричард, – Брэндон вырвал у него из рук ключ. – Выглядит так, словно ты просто будешь стоять и смотреть, как они сжигают этот дом, как они и угрожали.

– Я бы хотел поговорить с ними до того, как до этого дойдёт. Я умоляю тебя передумать до того момента, как наступит ночь.

Его сын вышел из библиотеки, и после того, как он скрылся за порогом, Брэндон упал в кресло, чувствуя себя уставшим. Шон оставался с ним весь день, пока тот готовился. Брэндон выдал мушкеты двум сторожам и одному слуге, который утверждал, что он хороший стрелок. Он попытался отослать своих дочерей и жену к её сестре в Кинсейл, но они не стали даже слушать о том, чтобы оставить его, и он вынужден был признать, что его жена так же хороша в стрельбе, как и он. Он приказал полить водой соломенные крыши конюшен и сараев, чтобы они не загорелись сразу, и разместить вёдра с водой в каждой комнате.

Во время подготовки сын Брэндона отсутствовал. Но когда семья собралась вместе за ужином, Ричард наконец появился и с молчаливым

кивком в сторону отца занял место за столом. Аппетита ни у кого не было, настроение оставалось мрачным. Каждый шум, доносившийся снаружи, вносил напряжение, которое не развеивалось до тех пор, пока не выяснялось, что тревога ложная.

После еды дочери и жена Брэндона направились в комнату для рисования, и он уже собрался идти к ним, как его сын положил руку ему на плечо.

– Мы можем поговорить в библиотеке?

Брэндон кивнул.

– Непременно.

Он улыбнулся жене и проследовал за сыном, и когда они остались вдвоём, спросил:

– Ты будешь сражаться, если до этого дойдёт?

Ричард отступил от него, выглядя оскорбленным.

– Конечно же, буду. Ты мой отец, а это мой дом. Ты усомнился в моей преданности?

– Я надеялся, что не буду разочарован в своей вере, – Брэндон шагнул к сыну. – Так и вышло.

– Хотя между нами и есть разногласия, но я на твоей стороне.

Теперь Брэндон положил руку на плечо сына.

– Будем надеяться, что угрозы белорубашечников – не более, чем праздная болтовня.

– Так я и провёл день. Говоря с теми, кто всё ещё мирно настроен к нам, пытаюсь их успокоить.

Брэндон сдёрнул руку.

– Что?

– Я ничего им не сказал. Не давал им обещаний и не предлагал компромиссов. Просто попытался напомнить им о наших благих намерениях.

Брэндон мог только восхищаться серьёзностью и оптимизмом сына и, возможно, сам желал того же.

– Я уверен, твои усилия будут оценены.

– Возможно. Был ли я полезен...

Брэндон улыбнулся:

– Я сужу человека по его намерениям. Пойдём к твоим сёстрам.

Они направились в комнату для рисования, где Брэндон снова ощутил то удовольствие и удовлетворённость от жизни, которые ощущал утром на холме. Джейн, его старшая дочь, тихо играла на фортепиано, остальные

читали или разговаривали в неярком свете. Брэндон и Ричард уселись там же и провели с ними несколько часов.

Когда пришла пора отправляться в постель, его жена и дочери предпочли остаться комнате для рисования, в то время как Ричард и Брэндон баррикадировали двери, а затем патрулировали комнаты внизу, регулярно проверяя вид из окон.

Шон чувствовал страх своего предка и разделял его. Всё было поставлено на карту. Постоянное напряжение вгрызалось в мышцы и суставы пожилого человека, причиняя незнакомую Шону боль, пока ночь вступала в свои права.

Предыдущая симуляция в воспоминаниях Томми Грейлинга очень сильно отличалась. Томми был гораздо моложе и сильнее Брэндона. Но они оба были упрямыми и храбрыми.

– *Я думаю, пришло время вытаскивать тебя,* – вдруг произнесла Виктория.

– Что? – спросил Шон. – Почему?

– *Мы получили, что хотели от показаний твоей двигательной зоны коры головного мозга, и на девяносто семь процентов убедились в том, что этот предок не контактировал с какой-либо частью Трезубца.*

– Могу я остаться чуть подольше? – спросил Шон. Ему хотелось узнать, что произойдёт дальше.

Виктория помедлила.

– *Пару минут.*

– Спасибо.

Шон остался в симуляции, и за два часа до рассвета, выставленные часовые предупредили Брэндона о толпе, которая движется сюда по дороге. Это разбудило весь дом, и все заняли позиции, готовясь к тому, что произойдёт. Брэндон приказал стрелкам занять угловые комнаты и смог увидеть через окно, как бандиты бегут вперёд в своих белых рубашках, некоторые из них были в белых капюшонах. Некоторые из них несли вилы и косы, многие держали в руках факелы. Когда они достигли дома, они не стали даже звать обитателей на переговоры. Они просто кричали и бросали камни.

Послышался звон разбитых окон, осколки стекла застучали по мебели и полу. Брэндон приказал всем держащим оружие не стрелять как можно дольше, опасаясь, что выстрелы могут спровоцировать толпу.

– Будем надеяться, что они хотят только запугать нас, – сказал Ричард в сторону Брэндона.

– Будем.

Но затем люди с факелами направились к дому. Брэндон прицелился в одного из них, ожидая и едва дыша. С криком нападающие начали швырять факелы в разбитые окна, стремясь забросить пламя внутрь дома.

Брэндон потянул спусковой крючок, его уши зазвенели от близко раздавшегося взрыва. Ричард выстрелил следом за ним, как и сторожы, находящиеся на своих позициях, по углам дома. Несколько факельщиков упали от выстрелов свинцовых пуль, и их товарищи оттащили их подальше от дома, в том время как остальная толпа взревела с яростью, потрясая в воздухе своим оружием, но отступив от дома.

– Может, теперь они призадумаются, – сказал Брэндон, перезаряжая мушкет.

– Я видел там Майкла Дулея, – его сын покачал головой. – Он был одним из тех, с кем я разговаривал сегодня. Он пожал мне руку.

– Я сожалею, – Брэндон передал сыну пороховой рог²⁷. – Но теперь ты знаешь, с кем мы имеем дело.

Ричард кивнул, зарядил своё оружие, и они приготовились к следующей волне.

Никто не приближался, хотя толпа продолжала бесноваться, визжать и кричать. Брэндон увидел несколько знакомых лиц среди них. Фермеров, которых он знал много лет. Но не тех двух пастухов, которых он видел утром, и он ощущал некоторое утешение от этого.

– Они пытаются поджечь конюшни, – сказал Ричард.

Брэндон присмотрелся и увидел, как некоторые из толпы, несомненно, выглядевшие разочарованными, направили свою агрессию на другие здания, но мокрая солома отказывалась загореться. Брэндон надеялся, что они не заберутся в конюшни и не убьют лошадей. Он перевёл взгляд обратно и увидел, как толпа плотно собралась полукругом, словно совещаясь.

– Думаешь, они отступают? – спросил Ричард.

– Скорее всего, нет. Они что-то замышляют.

Спустя пару минут его опасения подтвердились. Толпа выстроилась в линию и, когда кто-то отдал приказ, они двинулась вперёд, все как один. Брэндон прицелился и выстрелил, но его рука дрогнула, и он промахнулся. Ричард попал в одного из них, один из сторожей тоже, но волна надвигалась. Брэндон взглянул на сына.

²⁷ Пороховой рог – бычий вычищенный внутри рог, широкий конец которого заделывался деревянной втулкой, а к узкому приделывалась медная крышка с пружиной. В рог насыпался мелкий порох, предназначавшийся для пушечных залпов.

Нет времени на перезарядку.

Недостаточно людей для драки.

Факел пролетел через разбитое окно и приземлился на пол. Ричард бросился к одному из вёдер, залив горящий факел водой, но толпа тем временем достигла стен дома. Вилы и факелы разбили ещё больше окон, и следом начали загораться занавески. Брэндон и Ричард отступили к середине комнаты, и тут же Брэндон услышал крик одной из своих дочерей.

– Джейн! – закричал Брэндон.

– *Время, Шон.*

Из ниоткуда раздался голос Виктории, вырывая его из окружающего хаоса.

– Что? – словно очнувшись, спросил Шон. – Нет!

– *Прости. Коридор Памяти через три, два, один...*

– Нет! – Шон закричал, но дом уже окутывало другое пламя – бушующий белый шторм.

Когда всё закончилось, Шон стоял в пустоте. Точнее, он не стоял, так как пола здесь тоже не было.

– Верните меня! – закричал он.

– *Ты не можешь изменить того, что уже произошло,* – сказала Виктория. – *Эти события произошли свыше двух сотен лет назад. И вспомни, что твой предок выжил, потому что он передал эти воспоминания после того, как всё это произошло.*

– Но что насчёт Ричарда? И моих дочерей?

– *Его дочерей, Шон. Скажи это. Его дочерей.*

Это остановило его.

– Его дочерей, – сказал он более спокойно.

– *Не твоих. У тебя другая жизнь. Держи это в голове.*

Но Шон не хотел этой жизни. Он не хотел возвращаться в своё тело.

– *Помни, что ты приносишь пользу своими действиями. Мы много узнали от тебя.*

Шон сделал глубокий вдох. Он проделал упражнения, которым Виктория научила его, вызывая воспоминания об обжигающем горшке маминого жаркого и о запахе кедра в столярной мастерской его отца.

Но вместе с этими приятными воспоминаниями приходили воспоминания о больнице, ужасные воспоминания о наложенных шинах, боли и мучительных ночах. В этом плане плохие воспоминания были даже лучше хороших, так как напоминали ему о том, кто он.

– *Ты готов к извлечению?* – спросила Виктория.

– Да, – ответил он очень тихо.

– *Окей. Три, два, один...*

Он ощутил, как волна цунами подхватила его череп, закрутила его и выбросила на берег. Вода отступила, и он лежал, разбитый и окровавленный, на берегу собственного разума. Он закрыл свои глаза, переживая головокружение, пока Виктория снимала с его шлем. На секунду показалось, что его стошнит, но покалывание в щеках исчезло, и на этот раз он, казалось, избежал этого специфического конфуза.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Виктория, отсоединяя его от аппаратуры.

– Хорошо. Лучше, чем в прошлый раз.

– Рада слышать. Это должно постепенно исчезать.

Он кивнул, но подождал, прежде чем вращающаяся комната не остановится, прежде чем он попытается поднять себя из ремней, держащих его.

– Тебе хочется поговорить?

– Как терапия? – Шон провёл руками по волосам. – Наверное, нет.

– Не со мной, – Виктория запнулась. – С Исайей.

На самом деле Исайя нечасто разговаривал с ними, хотя Шон предполагал, что с Натальей был особый случай. Разговор сегодня утром был скорее исключением, и Шон гадал, о чём Исайя хотел поговорить сейчас. Кроме того, запинание Виктории показывало, что она, наверное, не особо рада этому.

– О чём он хочет поговорить?

– О твоём потенциале.

ГЛАВА 8

Грейс знала, что Масире не смог бы сам освободиться от связывающих его пут. Для этого ему пришлось бы дожидаться купца, который придёт к нему утром.

Но этого освобождения не произойдёт, если Масире не сообщит тому местонахождение золотых рудников, а это не позволяла ему сделать собственная честь. Он, конечно, мог назвать не то место, но обман вскоре бы вскрылся, и смерть всё равно настигла бы его вдали от дома и семьи. Масире нужно было заставить вернуться торговца в город, где его союзники, и был только один способ сделать это.

Ночной холод вступал в свои владения, но песок под спиной Масире ещё хранил тепло дневного света. Вскоре на своей спине он почувствовал насекомых и ползучих тварей, выползших из своих нор на охоту с наступлением темноты. Он не обращал на них внимания, точно так же, как и не обращал внимания на холод, всё пробирающийся ему под кожу.

Он так и не сомкнул глаз.

Потянувшийся бледным светом рассвет высветил пустынный пейзаж и сразу же испарил едва показавшиеся капельки росы. И в этот же момент купец подошёл к Масире.

– Хорошо ли ты поспал? – спросил он, потягиваясь и зевая.

– Неплохо для нас обоих, – ответил Масире.

– Так ты расскажешь мне, где находятся рудники?

– Не могу.

Купец достал нож.

– Я предупреждал тебя. Я был очень терпелив, но теперь моё терпение иссякло.

– Не вини себя. Пожалуй, ни у кого бы не нашлось столько терпения.

– Это почему же?

– Потому что у меня нет ответа на твой вопрос.

Купец указал лезвием на него.

– Что ты имеешь в виду?

– Я выразился достаточно ясно. У меня нет ответа на твой вопрос. Я не знаю, где находятся рудники.

– Ты лжёшь.

– Я бы и сам хотел, чтобы это было так. Для себя, в первую очередь.

Купец чуть с сомнением опустил нож.

– Объяснись.

– Это соглашение с моим братом. Он заправляет добычей. Я заправляю торговлей. Он в безопасности, а я принимаю на себя риски, если кто-то силой захочет вывести местонахождение рудников. Для моего брата такое положение дел подходит как нельзя лучше.

– Но не для тебя.

Купец был зол. Фальшивое напускное добродушие испарилось без следа, явив Масире его истинную личину и холод в глазах.

– Или меня, – продолжил он. – За твою смерть я не получу ничего.

Он ринулся вниз, целя ножом в шею пленника.

– Может, и нет! – воскликнул Масире, почти задыхаясь от неожиданно нахлынувшей паники, а Грейс внутри его разума попыталась защитить себя от клинка.

Купец остановил нож на полпути к шее Масире.

– Я уже говорил тебе, что моё терпение...

– Есть карта.

Купец выпрямился, но нож остался в его руке.

– Карта?

– Карта к рудникам. Если что-то случится с моим братом, я должен буду забрать её.

– И где эта карта?

– У надёжного друга, в городе. Она запечатана. Он не знает, что внутри.

Купец несколько раз прокрутил нож вокруг большого пальца и, наконец, убрал его.

– В городе?

– Рядом с моим домом.

– Там я убью тебя так же легко, как и здесь.

– Я и не сомневаюсь. Но если я сделаю это, ты дашь мне слово?

– Ты сейчас думаешь, что можешь ставить условия? – засмеялся купец, его добродушная маска вернулась. – Ты заинтересовал меня. Чего же ты хочешь?

– Не причиняй вреда моему брату. Когда достигнешь рудников, пощади его.

– Это будет зависеть от твоего брата, – отвернувшись, произнёс купец.

Вскоре после этого пришли люди торговца и вытащили столбик, к которому был привязан Масире. Но они так и не ослабили пут на его запястье и, дав выпить немного воды, силой и кончиком меча заставили его идти на восток, обратно в город.

Десять миль спустя, когда первые дома и здания показались из-за дюн, купец подошёл к Масире, снова держа нож.

– Я знаю, что ты что-то затеваешь, но вот что я скажу тебе. Если ты начнёшь плутать, если ты дашь мне хоть малейший повод, чтобы я заподозрил тебя во лжи или попытке предать меня, то тебе за это ничего не будет. За это поплатится твой дом и твоя семья. Ты понял?

Масире понял его очень хорошо, что только усилило его гнев. Но он держал это в себе, словно в закрытом горшке, внутри которого, казалось, ничего не бурлило.

Купец подошёл ещё ближе.

– Ты меня понял?!

Масире кивнул. Купец ещё несколько мгновений смотрел ему в глаза, а затем развязал путы, стягивающие запястья.

– Ты пойдёшь вперёд, но знай, что если ты не видишь ножа у себя за спиной, это ещё не значит, что его там нет.

– Сюда, – сказал Масире и направился в город.

Они прошли мимо постоянного двора, где он встретился с торговцем и был отравлен. Они прошли мимо рынка, где он присматривал себе шёлковый пояс. По пути множество людей останавливалось поприветствовать его, и он кивал и улыбался им, словно всё было в порядке, хоть они и спрашивали его, где он был, потому что его семья искала его. Масире делал всё, что было в его силах, чтобы убедить их, что всё в порядке. А купцу без труда удавалось обманывать всех, кого они встретили.

Было около полудня, когда они достигли дома, о котором говорил Масире.

– Помни, – произнёс купец. – Твоя жизнь и жизни твоих родных в моих руках.

– Я и не забыл, – ответил Масире.

Человек, открывший им дверь, выглядел удивлённым, увидев их, но прежде чем он что-то сказал, Масире произнёс:

– Мира тебе, мой друг. Я принёс дурные вести. Мой брат погиб на рудниках.

– Ох, – только и смог произнести тот.

– Мои коллеги смогут подтвердить тебе это, – добавил Масире.

– Тогда чего ты хочешь от меня?

– Карту, доверенную тебе много лет назад. Карту рудников, принадлежащих моей семье. Я пришёл, чтобы забрать её.

– Я понял, – сказал мужчина. Он открыл дверь шире и пригласил всех. – Пожалуйста, подождите у меня во дворе, пока я достаю её.

Масире вошёл в дом вместе с купцом и его охранниками. Вскоре они оказались в уютном дворе с фонтаном и фруктовыми деревьями. Воздух был прохладным и ароматным.

– Дай мне время, чтобы найти её.

– Мы подождём, – ответил Масире, взглянув на купца. Тот выглядел раздражённым, но ничего не сказал.

Следующие несколько минут прошли очень медленно, полную тишину нарушало только журчание фонтана. Купец держал руку внутри своего одеяния и, без сомнения, держал её на рукояти ножа Масире. Купец и его люди буравили взглядом Масире до тех пор, пока мужчина не вышел из дома, держа в руках свёрнутую и запечатанную карту.

– Есть правила, которым я должен следовать, прежде чем я отдам тебе карту, – произнёс он.

– Какие правила? – спросил купец, раскрыв рот впервые с тех пор, как они вошли в дом.

– Твоего слова недостаточно. Я должен быть уверен, что брат Масире мёртв.

– И как же?

– Я должен увидеть тело.

– Мы можем тебе доставить его, – ответил купец. – Но для этого нужна карта.

– Это правда. Поэтому я отдам вам карту, но вам следует оставить мне что-то в качестве залога.

– Сколько? – спросил купец.

– Не деньги. Если, конечно, у вас не караван с золотом снаружи. Я бы хотел заполучить кое–что более ценное.

– Что? – спросил купец.

– Жизнь, – ответил мужчина. – Жизнь Масире. Оставьте его здесь. Если вы вернётесь с телом его брата, я верну его вам. Если же нет, то его судьба в моих руках.

Купец сложил руки на груди и, казалось, рассматривал предложение. Он взглянул на своих людей, посмотрел на Масире, и тот старался как мог, чтобы выглядеть испуганным. В конце концов, купец кивнул:

– Договорились.

– Отлично, – сказал мужчина. Он протянул руку с картой, и купец взял её. Повернувшись к Масире, он улыбнулся ему:

– До встречи.

Он кивнул своим людям, и они быстро покинули дом.

После того как они ушли, мужчина повернулся к Масире:

– Как тебя угораздило, братец?

Масире вздохнул:

– Плохая удача.

Откровение ошеломило Грейс. Она дала Масире полный доступ к своему разуму, и даже так он как–то скрыл от неё личность своего брата. Его спектакль, разыгранный перед купцом, требовал того, чтобы он скрыл то, что перед ним стоит его брат, даже от самого себя. Масире был необычайно умён, дисциплинирован и смел. Обладал всеми теми качествами, которыми хотела бы обладать Грейс, и осознание того, что это всё было в её ДНК, грело ей душу. Также она бы хотела такого же брата, на которого можно было бы положиться, как на брата Масире.

– Однажды, – произнёс брат, – твоя удача от тебя отвернётся.

Масире сел на ступеньку фонтана и погрузил пальцы в воду.

– Что за карту ты им дал?

Тот отмахнулся:

– Я отметил место в пятидесяти милях отсюда. Там ничего нет.

– Они вернутся.

– Конечно, вернутся. Но мы будем готовы. – Он повернулся и направился в дом. – Ты ел?

– Вчера.

– Пойдём. Приготовим что–нибудь.

– Грейс? – голос Анайи наложился на журчание фонтана. –

Вероятность встречи с Частицей Эдема в этом воспоминании идёт вниз.

Скорее всего, этот предок не взаимодействовал с какой-либо Частицей.

– Думаю, вы правы, – сказал Грейс. Но даже без Частицы Эдема эта симуляция для неё не была пустой тратой времени. Ей было даже приятно, и она чувствовала, что, может быть, даже почерпнула что-то из неё, что-то, чего она ещё не осознала, но вскоре поймёт, что именно.

– *Готова выходить?*

– Готова.

– *Отлично. Исайя хочет поговорить с тобой.*

Грейс постучала, и Исайя позвал её.

Это был его офис, но создавалось впечатление, что это не его настоящий офис. Словно у него есть офис побольше и получше где-то в Аэри, но именно этот он использует, чтобы встретиться с ней и остальными. Он сидел за столом, на котором ничего не было. В этой комнате не было вообще ничего, что передавало бы индивидуальность владельца. Даже чёрно-белые фотографии, висящие на стене, кажется, были выбраны именно за универсальность и безобидность. Какой-то мост в тумане. Какие-то листья на земле. Какой-то деревянный забор в поле.

– Пожалуйста, присаживайся, – сказал Исайя.

Грейс подошла к угловатому стулу, стоящему у стола, и села.

– Анайя сказала, что вы хотели поговорить со мной? – спросила она.

– Да. Виктория упомянула о твоих переживаниях.

– Ааа.

– Я думал о том, могу ли я как-то помочь.

– Каким образом?

– Почему бы тебе не сказать мне, что беспокоит тебя?

Грейс не была уверена. Этим утром она просто хотела быть частью программы и найти Частицу Эдема, доказать, что она и Дэвид полезны. Но после симуляции с Масире её нетерпение по поводу ошибочного выбора предков и эпох было уже не столь сильно.

– Давай начнём с того, что ты сказала Виктории, – продолжил Исайя. – Ты хотела бы поменяться местом с Натальей?

– Виктория рассказала вам всё?

– Только то, что мне нужно знать, – он откинулся на спинку стула, и кожаная обивка скрипнула. – Тебе хотелось бы поменяться?

– Иногда.

– Почему?

– Она продвинулась в поиске зубца Трезубца.

– И?

– А это причина, по которой мы здесь.

Он поднялся с кресла, подошёл к ней, обогнув стол, и присел на стол. Его руки были сложены на груди, золотые часы блестели на запястье.

– Твой отец поначалу отказался от моего предложения и забрал тебя с братом домой.

Грейс кивнула.

– Но затем он вернул вас.

Очевидно.

– Я гадаю, что же изменило его решение? – в голосе Исайи звучало добродушное любопытство. – Он никогда не говорил мне. А я никогда не спрашивал. Но сомневаюсь, что дело в деньгах.

– Нет, – сказала Грейс. – Это не из-за денег.

– Тогда из-за чего же?

Грейс колебалась. Стул, на котором она сидела, немного гнулся, и когда она немного смещала вес, он начинал качаться. Так что она старалась лишний раз не двигаться.

– Он хочет лучшего пути для нас с братом.

– И что же это за путь?

– Образование. Возможности. Место, где мы будем в безопасности и подальше от проблем.

– И ты не хочешь разочаровать его?

Всё было гораздо сложнее, так как это касалось не только её отца. Это также касалось её самой и видов на будущее, которые были у неё. Но сейчас она просто кивнула в ответ на вопрос.

– Позволь мне заверить тебя, Грейс, что ты делаешь кое-что важное. Ты можешь чувствовать, что если не найдёшь зубец Трезубца, то не будешь ценна для нас. Но это не так. Если ты останешься с нами, что-то произойдёт, я обещаю.

– Что произойдёт?

– Великие события, и, однажды, ты будешь в самом их центре. Ты умна, уверена в себе и находчива.

– Спасибо, – Грейс было приятно слышать это, даже если она понимала, что Исайя мог и не думать так.

– В Абстерго полно людей наподобие тебя. Людей, которые приводят других в движение. Людей, которые переступают через себя. Такие люди меняют мир, Грейс. Я рад слышать, что ты хотела бы занять место Натальи, если бы могла, но в этом нет необходимости. У тебя есть своё собственное место, и только ты можешь занимать его.

– Спасибо, – произнесла она снова, чувствуя в себе больше уверенности в его искренности. Но он и словом не обмолвился о Дэвиде. –

А что насчёт моего брата?

– Это зависит от него, – сказал Исайя. – Теперь можешь идти.

Грейс встала со стула и, кивнув, покинула офис, закрыв за собой дверь. Она направилась в комнату отдыха, где обнаружила Дэвида и Шона, потягивающих газировку. Виктория часто напоминала им, чтобы они что-нибудь пили после сессий в Анимусе, желательно что-то с сахаром или фруктозой.

– Где ты была? – спросила Дэвид.

Она достала апельсиновый сок из холодильника.

– Исайя хотел меня видеть.

– Меня тоже, – сказал Шон.

Дэвид притворно надулся:

– А меня нет.

Грейс старалась не волноваться о том, что это могло бы значить.

– О чём вы говорили?

– О моей симуляции.

Грейс отпила немного сока, только сейчас осознав, что её мучает жажда.

– По поводу?

Шон глядел в окна, смотря на деревья, но его взгляд, казалось, блуждал где-то далеко.

– Несправедливости, я думаю. Анархии против порядка, – он повернулся и посмотрел на Грейс. – А с тобой?

Она допила оставшуюся часть сока и поднялась, чтобы взять бутылку с водой.

– Просто хотел убедиться, что я счастлива.

– Ну, я здесь счастлив, – сказал Дэвид. – Мы сегодня оказались в собачьей свалке²⁸ над Италией. Это было...

– Мы? – переспросила Грейс.

Дэвид посмотрел на неё.

– Да, мы. Или они, или пофигу. Смысл в том, что это было невероятно. Ребят, говорю вам, это лучший воздушный симулятор всех...

– Это не игра, – сказала Грейс. – Сколько раз я тебе об этом говорила?

– Может, и не игра, но это не значит, что это не весело.

Грейс только покачала головой, услышав такой знакомый аргумент. Если Дэвид не начнёт относиться к делу более серьёзно, станет ли Исайя держать его в Аэри? Грейс не хотела даже думать о том, что произойдёт с Дэвидом, если он вернётся домой, и она не сможет присматривать за ним.

²⁸ Собачья свалка (ориг. Dogfight) – авиационный термин; вид воздушного боя на предельно малых дистанциях, с быстроизменяющейся обстановкой и расположением сил, вследствие частого маневрирования.

Она повернулась к Шону:

– У тебя есть младший брат?

– Младшая сестра.

– И она тоже делает твою жизнь более сложной?

– Что плохого в том, что это весело? – спросил Дэвид. – Кроме нас, больше никто этим не занимается.

Шон хмыкнул.

– В этом он прав.

Грейс откинулась на спинку стула и сложила руки на груди.

– И что, по-твоему, отец сказал бы сейчас?

Выражение лица Дэвида изменилось. Он отбросил всю свою напускную защиту, и его рот открылся, словно его только что осенило.

– Вы когда-нибудь задумывались о том, что здесь происходит? – спросил он.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Шон.

– Мы были только в двух зданиях, – Дэвид показал на окно. – Есть ещё три. Как вы думаете, для чего они?

– Почему бы тебе не спросить? – спросила Грейс, всё ещё чувствуя себя раздраженной из-за него.

– Может, мне и не нужно, – ответил Дэвид, поправляя очки.

ГЛАВА 9

Канг был совсем не похож на отца Чжи. Она и так это знала, но по мере тренировок эта разница становилась всё более очевидной. Канг не прощал ошибок и не терпел несовершенства. Оуэн жалел её, чувствуя, как перед ним разворачивается её память, чувствуя тяжесть её горя на свой разум. Мало того, что её отец только что умер, пепел от его похоронного огня ещё не остыл, так теперь ещё этот человек, тренирующий её, напоминал ей о том, что она потеряла. Точно так же было с дедушкой и бабушкой Оуэна сразу после смерти его отца, особенно в этом отличался дедушка.

– Снова! – крикнул Канг.

Чжи тренировалась в ловкости, мчась по лесу, уклоняясь, перепрыгивая, взбираясь, поражая цели с помощью своего скрытого клинка и стреляя по мишеням арбалетом, прикрепленным к запястью.

Над ней, на каменистом выступе, Канг наблюдал за ней, ударами своей трости отмеряя её время. Когда она закончила круг, Канг покачал головой:

– Ещё раз! Ты должна быть быстрее!

Она стояла, тяжело дыша, её мышцы дрожали. Казалось, невозможно завершить этот путь быстрее.

Канг указал на деревья позади неё.

– Я вижу три места, где ты могла срезать, чтобы выиграть пару секунд.

Ты должна найти новые маршруты, использовать новые техники.

– Простите, Наставник, – сказала она.

– Ты можешь попросить хана о прощении за то, что потревожила его сон. Прямо перед тем, как он начнёт пытаться тебя, а затем казнит.

Чжи склонила голову.

– И так ты чтить память своего отца? – спросил Канг.

– Нет, – прошептала она.

– Тогда, – произнёс он, – снова. Быстрее.

Чжи сжала пальцы так, что ногти впились в ладонь, и направилась обратно к стартовой точке. По пути она вытащила из мишеней болты для арбалета, и собрав свою злобу на Канга, сфокусировала её на предстоящем забеге.

С исходной точки она снова рванула вперёд, перепрыгивая через камни и корни, проскальзывая между стволами деревьев, стараясь отыскать более быстрый путь.

Сверкали лезвия скрытого клинка, болты арбалета поражали мишени, но отсчёт посоха Канга в очередной раз показал её провал.

– Ты была лишь на секунду быстрее! – крикнул он. – Ещё раз!

Чжи хотела крикнуть ему в ответ, что она пытается, но сдержалась, вместо этого впившись взглядом в него.

– Ты ненавидишь меня, – Канг сложил губы в тонкой усмешке, словно ему нравилось то, что он проделывает с ней. – Но я не твой враг. Хан Мунке твой враг. Не забывай об этом.

Легко перепутать.

– Я бы хотел, чтобы ты выжила, – добавил он. – Я бы хотел, чтобы ты заняла место своего отца в Братстве.

– Этого я тоже хочу.

– Тогда ты должна быть достойна этого. Ты должна доказать свою полезность как ассасин, – он указал кончиком посоха на стартовую позицию. – Ещё раз!

Чжи ещё несколько раз повторяла маршрут, до тех пор, пока не достигла уровня, приемлемого для Канга. Который он подтвердил простым кивком. Это достижение далось ей так тяжело, что она не чувствовала никакого удовлетворения от него, ей хотелось просто упасть там, где она стояла. К счастью, сейчас был тот редкий случай, когда Канг предложил ей отдохнуть.

Они сидели на Рыбьем обрыве вместе, поедая холодную рыбу и рис в тишине. Отсюда Чжи могла увидеть слияние трёх рек под ними,

окружающие их холмы, окрашенные солнечным светом в тёплый оранжевый цвет. Из-за жары на лбу выступал пот, который так и оставался там, даже слабейшего дуновения ветерка не ощущалось.

– Тебя это не поражает? – нарушил молчание Канг.

– Что?

– То, что судьба нашей империи зависит от куска земли, на котором мы сидим, – постучал он по каменистому обрыву. – От одной горы. Одной крепости.

– Одного человека, – добавила Чжи.

– Да, – согласился он. – Но мне интересно, не бросаем ли мы в реку камешки?

– Что вы имеете в виду?

– Действительно ли мы что-то меняем? Действительно ли у кого-то из нас есть такая сила? Или мы просто видим рябь на воде и говорим себе, что мы что-то изменили?

– Вы меня не переубедите, – сказала Чжи.

– Я говорю это не из-за того, что хочу отговорить тебя. Неизбежность не оправдание бездействия. – Канг повернулся и посмотрел на неё. – Когда ты приступишь к заданию?

– Я жду, когда вы скажете мне, что я готова.

Он засмеялся.

Несмотря на усталость, она снова разозлилась.

– Вы находите это забавным?

Он покачал головой.

– Думаю, ты меня не поняла. Я смеюсь над нами обоими.

– Почему?

– Потому что того же я жду от тебя. Жду того, что ты скажешь мне, что готова, – он засмеялся снова. – Оказалось, что мы оба просто ждали.

Она не знала, чего он ожидал от неё в качестве показателя готовности, но сейчас она была не в настроении играть в его игры. Она устала, у неё был очень долгий день. Она поднялась, чтобы уйти.

– Это проще, чем ты думаешь, – сказал Канг ей в спину.

Она остановилась, собираясь ответить, но вместо этого просто покачала головой. Может, завтра она и согласится с ним.

– Доброй ночи, – сказала она, уходя.

– Завтра на рассвете, – напомнил он. – Не опаздывай.

Она продолжила свой путь, проходя мимо мастерских и озера, к дому своего отца. Достигнув дома, она направилась в его комнату и достала из тайника под полом его наруч, как она делала каждую ночь с тех пор, как отец ушёл к стенам крепости.

Положив наруч на колени, она почувствовала запах кожи и смазанного маслом металла лезвия. Как и каждую ночь до этого, она стала говорить с духом своего отца.

Она рассказывала ему о своих тренировках, о том, как ненавидит Канга.

Она говорила ему о том, как скучает по нему.

Она обещала ему, что почтит его память, убив Великого хана и став ассасином.

Затем она отправилась спать, и, едва закрыв глаза, открыла их вновь, но каким-то образом уже наступило утро, и она принялась повторять свой день.

Оуэн сочувствовал ей. Он был там. Но одновременно он восхищался ей. При всей критике Канга, Чжи была сильной, способной и умелой. Оуэн надеялся, что Эффект Просачивания как-то передаст ему некоторые её способности. У него уже были некоторые навыки, которые он приобрёл, будучи в симуляции Вариуса, но ему хотелось больше.

Очередным жарким утром Чжи шла через город. Она остановилась купить еды к завтраку и услышала, что монголы с той самой ночи не предприняли ни одной атаки, и многие благодарили её отца, считая его причиной победы, но не зная того, кем он был.

Когда она дошла до хижины Канга, то обнаружила его сидящем снаружи, ожидающим её. Как только она подошла, он посмотрел на солнце:

– Ты опоздала. Солнце взошло.

– Мне нужно было отдохнуть.

– Не беспокойся. Хан предоставит тебе много времени для отдыха, когда окунёт тебя в чан с бычьим жиром, а потом бросит на землю отдыхать, предоставив твоё тело мухам и личинкам...

– Хватит, – перебила его Чжи.

– Хватит? Ты думаешь, что хан...

– ХВАТИТ! – взревела она. – Ты думаешь, я не знаю, что хан может сделать со мной? Ты думаешь, я не слышала эти истории? И ты считаешь, что мне не плевать?

– Тогда на что тебе не плевать?

Чжи сузила глаза, чувствуя ярость и отвращение к нему.

– Не шути надо мной, старик!

– А я и не шучу, – он встал и подошёл к ней. – На что тебе не плевать?

Она сделала шаг к нему. Даже этого шага было достаточно, чтобы учуять острый запах рыбы, доносившийся от него.

– На память о моём отце, – всё же ответила она.

– И?

– И это всё, что мне нужно сейчас.

Канг покачал головой.

– В этом твоя ошибка. Когда ты будешь способна убрать жажду мести со своего пути. Когда ты будешь так же предана Братству, как и твой отец. Когда твоя приверженность Кредо будет сильнее памяти твоего отца... тогда ты будешь готова.

– Не тебе решать, – сказала она.

– О, прости, но это так. Более чем, – он вернулся и сел на своё место. – Твой отец был таким же, как ты. Он тоже не мог поставить Кредо во главу угла. Он выбрал свою честь. Он выбрал не прятаться. Он решил выйти ночью за стену, хотя я говорил ему, что это не его место, и посмотри, что случилось. Своей смертью он мало чего достиг.

Оуэн почувствовал взметнувшуюся ярость Чжи. Она бросилась на старика, но прежде, чем она смогла нанести удар, его посох встретился с её головой и обрушил её на землю. Она почувствовала вкус земли во рту, искры в глазах выжгли ей зрение.

– Ты более вспыльчивая, чем когда-либо он был, – сказал Канг. Казалось, он так и не сдвинулся с места. – Это ещё одна вещь, которой ты овладеешь, прежде чем я закончу с тобой.

Чжи сощурилась и покачала головой, приходя в себя. Тронув себя за то место, куда ударил Канг, она ощутила, что синяк уже начинает набухать. Но даже через боль, она поняла, что Канг был неправ.

– Его смерть не была напрасной, – сказала она, почти задыхаясь.

– Думаю, так и есть. Может, он и выиграл битву, как все говорят. Но он мог выиграть войну.

Чжи не собиралась оставаться здесь и слушать, как унижают память её отца, особенно от человека, которому он доверял. Покачиваясь, она встала на ноги, голова раскалывалась на части, что дезориентировало Оуэна.

Её честь была только её, не Братства.

Она никогда не будет предана им, как отцу.

Её месть всегда будет важнее, чем какое бы то ни было кредо.

Канг не сможет её остановить, и она осознала, что ей не нужно его

разрешение. Она развернулась и зашагала прочь.

– Подумай над тем, что я тебе сказал.

Она проигнорировала его, продолжая идти.

– Завтра на рассвете! – крикнул он ей в спину. – Не опаздывай!

Но она и не собиралась возвращаться.

Вечером, когда жители осажденного города стали расходиться по домам, чтобы забыться в беспокойном сне, Чжи надела свою чёрную пластинчатую броню, закрепила арбалет на запястье, прихватила болты.

И натянула капюшон.

Зайдя в комнату отца, она некоторое время сидела с его наручем, лежащим у неё на коленях.

Когда ночь окончательно вступила в свои права, она надела наруч отца на своё предплечье и затянула ремни. Он едва ли подходил ей по размеру.

Затем она покинула дом и направилась в сторону пещеры Файен. Летучие мыши, в честь которых и была названа эта пещера, покинули своё логово, вылетев на свою ночную охоту, так же, как и она, зашедшая в их грот, чтобы начать свою.

Лестница была вырезана в скале у входа. Она спиралью спускалась вниз, огибая земляной столб, шумящая в недрах земли вода наполняла пещеру звуками.

Как только Чжи оказалась в полной темноте, она зажгла лампу, и свет высек острые длинные тени скал и вездесущих насекомых. Она чувствовала сырость, запах глины, вдыхая прохладный воздух.

Ни ей, ни другим детям, живущим в городе, нельзя было спускаться в пещеру: их пугали живущем в ней гигантским змеем. Но Чжи не заметила ни одной змеи, пока спускалась по лестнице, постепенно ставшей гладкой.

Кто-то давно обнаружил этот природный проход и расширил его, что позволило солдатам и посланникам скрытно покидать крепость. Она прошла весь этот путь сквозь гору, и когда она достигла предупреждающих сигналов, вырезанных на стене пещеры, то потушила лампу и прошла остаток пути в темноте.

Её ноги мягко тревожил поток воды, до этого сворачивающий в сторону, чтобы не выдать расположение пещеры. Она шла к выходу, ориентируясь во тьме, держась рукой за влажную стену пещеры, и шла так до тех пор, пока крошечная тьма впереди не сменилась на тёмную синеву ночного неба. Дойдя до выхода из пещеры, она остановилась.

Когда она выйдет из пещеры, её миссия действительно начнётся. Пока что она ещё не полностью покинула крепость, но она была в шаге от этого.

В прямом смысле.

Чжи посмотрела вниз, на наруч своего отца. Подняв голову, она сделала шаг, выйдя из пещеры.

Снаружи она учуяла запах дыма от чего-то недавно сгоревшего и услышала шумящий вокруг неё лес. Позади неё, через переплетение теней от камней горы, узкая щель, ведущая в тайных ход, была почти невидима, и она серьёзно опасалась, что она не сможет её найти, когда вернётся.

Если вернётся.

Она, конечно, надеялась на это, но для её миссии это было необязательно.

Мошкара, жара и влажность здесь были ещё хуже, чем в долинах и ущельях, и это в очередной раз демонстрировало упорство монголов. Чжи прошла останки обгоревших деревьев, хотя ей показалось, что это степной народ устроил погребение для своих павших воинов.

Двинувшись на юго-восток, она старалась держаться в тени, несясь сквозь лес. Она почти слышала, как Канг выбивает время своим посохом, сидя у своей хижины, в крепости, нависшей над ней, и она прилагала все усилия, чтобы не обращать на это внимания, сосредоточившись на бесшумном беге, направляясь к монгольскому лагерю.

Миля пролетала быстро, и вскоре она достигла первой линии шатров, которые монголы использовали в качестве жилья. Там был пост охраны, но можно было довольно просто проскользнуть мимо него, что явно предпочтительнее их убийства. Лучше не делать ничего такого, что поднимет тревогу, до тех пор, пока это не станет неизбежным.

Она пробралась внутрь, замерев, вслушиваясь и наблюдая. Патрули были. Регулярные, дисциплинированно несущие службу, что значило только одно — нужно набраться терпения, и она сможет пройти мимо них. Шатры стояли ровными рядами, их войлочная ткань опиралась на деревянные шесты.

И лошади. Лошади были повсюду.

Чжи слышала о том, как монголы любят своих лошадей, но она сомневалась, что эта любовь была взаимной, учитывая, что по воле всадников они находились в этом душном летнем аду вместе с мухами и

москитами.

Размер лагеря сначала впечатлил, а потом шокировал её, как и богатый вид некоторых шатров. Сотни и тысячи деревьев были срублены, чтобы освободить место для тысяч шатров. Казалось, хан и его свита привезли с собой маленькие дворцы с севера. Эта тщеславность и позволила Чжи найти шатёр, принадлежащий Мунке. Просто нужно было отыскать самый дорогой и роскошный, который вскоре нашёлся.

У каждого входа стояло по два солдата, и Чжи не видела способа их обойти.

Из тени она дважды выстрелила из арбалета, почти одновременно, и оба стража тихо опустились, зажимая шею. Чжи перепрыгнула тела, нырнула в шатёр и сразу же отступила в сторону от входа.

Лампы висели на толстых деревянных брусках под высоким потолком, который терялся в клубах благовоний и ладана. Шёлковые полотна и гобелены свисали со стен, а высокие деревянные экраны, покрытые драгоценными камнями и металлами, образовывали перегородки, разделявшие шатёр на комнаты и коридоры.

Оставались считанные мгновения до обнаружения мёртвых стражников снаружи. Двинувшись к ближайшему толстому деревянному столбу, она, как по дереву, забралась по нему и, добравшись до стропил, осмотрела комнату в поисках хана.

Найти его оказалось несложно. Вскоре она обнаружила его обеденный зал, трон и спальню. По всему шатру стояла стража, но она могла оставаться незамеченной там, где была, и с этого же места незаметно подобраться к хану по широким деревянным стропилам.

Когда Чжи оказалась прямо над Мунке, она замерла на секунду, смотря на него. Он выглядел крупным мужчиной, и, к тому же, сильным. Сколько смертей было возложено к его ногам и ногам его семьи, тех, кто был до него?

Глаза Чжи расширились. Она должна была действовать.

Сейчас.

Она спрыгнула со стропил прямо на его кровать. Не успел он проснуться, как скрытый клинок её отца вошёл в глотку хана Мунке.

Он открыл глаза. Рот широко раскрылся. Но не последовало ни единого звука.

Чжи не отрываясь смотрела ему в глаза, чувствуя, как сильными толчками из него уходит кровь, чувствуя, как из его тела уходит душа, и оно становится просто оболочкой.

Когда он умер, она прыгнула с кровати и забралась обратно на стропилы.

В этот момент Оуэн заметил кинжал, лежащий рядом с бронёй хана у кровати. Чжи понятия не имела, что это, но он знал. Однажды он держал похожий кинжал в руках. В руках Вариуса. Это был второй зубец Трезубца Эдема.

Но Чжи сейчас была сосредоточена на побеге. Ей нужно очень быстро оказаться подальше отсюда до того, как обнаружат тело хана. В шатре не было достаточно безопасного места, чтобы спрятаться.

Волнение снаружи становилось громче, некоторые из стражников двинулись к выходу, другие направились в спальню хана, поэтому Чжи направилась к противоположному выходу из палатки.

Спрыгнув как можно ближе к выходу, она шагнула наружу. Два стоящих там стражника сразу же упали. Один – от арбалетного болта, второй – от лезвия в шею.

Но на этот раз здесь были и другие воины, ставшие свидетелями этого.

Они закричали, указывая на неё. Она услышала звук вынимающихся из ножен мечей и знала, что вскоре полетят стрелы. Поэтому она побежала так быстро, как только могла.

Проскакивая между шатров, иногда взбираясь и спрыгивая с них, она чувствовала натяжение войлочной ткани под ногами и скрип деревянной основы.

Монголы всем лагерем начали погоню, воодушевляя себя криками.

Внутри разума Чжи Оуэн беспокоился за неё, молча прося её двигаться быстрее, как Канг делал недавно. Единственным шансом на спасение был лес. Его край начинался в нескольких сотнях метрах от неё, через ненормально огромный лагерь, на дистанции, казавшейся невозможной, но она положила на свои чувства и позволила интуиции вести её.

Несмотря на свой страх, с каждым шагом она улыбалась, а с каждым выдохом из её груди вырывался смех.

Смерть её отца была отомщена. Его память почтена. Его клинок сделал то, что должен был сделать.

Даже если они поймают её, то наплевать.

Ей удалось.

ГЛАВА 10

Ночью, после ужина, Дэвид лежал в постели и размышлял. Что-то в Аэри беспокоило его со вчерашнего дня. Он не говорил об этом при остальных, потому что это касалось только его и сестры, но это беспокойство вернулось, когда Грейс спросила его.

Что, по-твоему, отец сказал бы сейчас?

Вероятно, она не думала, что он воспримет этот вопрос настолько серьезно, но это было так. Он думал над тем, что сказал бы его отец. И он осознал: что-то, что скажет его отец, будет исходить из того, что он знает. А знал его отец обо всём этом очень немного.

Так же, как они все. Потому что они, на самом деле, не спрашивали. Они были слишком заняты, думая о своих симуляциях. Когда он перестал думать о них, Анимус внезапно показался для него лишь отвлечением, и Дэвид сразу вспомнил обо всём, что Монро говорил насчёт Абстерго и тамплиеров.

И тогда он задумался: если Абстерго хотят, чтобы они сосредоточились на одной вещи – на Анимусе – значило ли это, что есть вещи, о которых тамплиеры *не хотят*, чтобы они их спрашивали? И что бы это могло быть?

Первой вещью, которая пришла в голову Дэвиду, был сам Аэри, потому что за всё время пребывания здесь не произошло ни единого упоминания о том, что происходит в других частях комплекса. Казалось странным, но Грейс и Шон, похоже, не проявляли ни малейшего любопытства насчёт этого.

Но только не Дэвид.

Поэтому сейчас, лёжа в постели, он решил что-то с этим сделать.

Вскоре после полуночи он поднялся с постели, надел одежду и тихо вышел из своей комнаты. Он никогда не был здесь в такой час. В Аэри было тихо и темно, комплекс тихо спал, размеренно дыша вентиляционной системой. Дэвид даже смог услышать сову или какую-то другую птицу из леса, приглушенную стеклянными стенами.

Он тихо двинулся по коридору, затем спустился ниже, ещё ниже, следуя по пути к переходу, соединяющему здания. Он предполагал, что здесь могут быть установлены камеры, и в любую минуту его может поймать охрана, так что он старался двигаться быстрее, чтобы осмотреть как можно больше.

Когда он добрался до стеклянного коридора, дверь к нему была закрыта, но не заперта. Войдя внутрь, он побежал по стеклянному коридору к противоположной стороне, сверху, снизу, слева и справа окруженный деревьями.

На другой стороне он вошёл в здание, в котором до этого не был. На самом деле, оно выглядело так же, как и то, где он, сестра и остальные жили, и Дэвид подумал, нет ли здесь детей, тоже спящих в своих комнатах. Может, этот комплекс полон исследовательских объектов Абстерго.

Он поднажал и добрался до другого прохода, но этот не открывался. Электронный замок на этой стороне был оснащён сканером отпечатка пальца и сенсорным экраном для ввода пароля. Дэвид собрался развернуться и уйти, как услышал с другой стороны двери приближающиеся шаги. Он поспешил в боковой коридор, где снял обувь и прижался к стене.

Он услышал, как открылась дверь, и мимо него, не смотря по сторонам, прошёл охранник. Как только он прошёл, Дэвид на цыпочках прокрался к двери и едва успел втиснуться в закрывающуюся щель. Дверь с шипением закрылась за ним, щёлкнув замком напоследок.

Теперь он стоял в ещё более длинном коридоре. На некотором удалении он видел какой-то изгиб, исчезающий во тьме деревьев. Дэвид натянул обратно обувь и оглянулся на дверь. Охранник заставил задаться его вопросом, что произойдёт, если его обнаружат шныряющим здесь. Не вышвырнут ли его из программы, отправив домой? Его отец этому не

обрадуется. Он беспокоился о наркотиках и бандах, стремящихся обосноваться на районе, и Дэвид, если честно, тоже опасался этого. Но, может, Исайя придумает что-нибудь более изощрённое, чем простая отправка домой.

Он решил, что, раз уж он зашёл так далеко, то просто обязан зайти как можно дальше и увидеть как можно больше, пока его не обнаружили. Поэтому он устремился вниз по коридору.

Изгиб, который он увидел, оказался лестницей. Он спустился по ней, оказался в другом коридоре, но уже через несколько метров он стоял перед дверью, которая вела вглубь горы. Часть комплекса была под землёй.

Дэвид прислушивался к тому, что происходит за дверью, прежде чем её открыть, но так ничего и не услышал. Так что он толкнул её и обнаружил, что она открыта. Яркий свет заполнил коридор, так что ему пришлось прищуриться, пока глаза адаптировались к освещению.

Эта часть Аэри выглядела более... опасной. Коридор разветвлялся в четырёх разных направлениях, но Дэвид решил двигаться по прямой. Двери, мимо которых он проходил, были заперты на электронные замки, так что у него не было вариантов их открыть. Он просто продолжал идти вперёд, аккуратно передвигая ноги и вслушиваясь.

В конце концов, коридор расширился и закончился парой двойных дверей. За ними оказался огромный гараж, полный автомобилей: внедорожники и фургоны, такие, как тот, на котором они приехали в Аэри.

Но одна из машин сильно бросалась в глаза. От капота она словно поднималась вверх из-за обтекаемого воздухозаборника, маленького реактивного двигателя, который к тому же широко разносил в сторону большие колёса машины. Затонированное гладкое стекло, закругляясь, превращалось в обтекаемый кокпит, а задняя часть автомобиля, продолжая изгиб, начинающийся от капота, поднималась вверх, из-за чего вся машина напоминала припавшую на задние лапы, готовящуюся к прыжку чёрную пантеру.

Машина была невероятной. Дэвид подошёл к ней и не смог удержаться попробовать открыть дверь. Она поддалась. Недолго думая, он забрался внутрь, на сидение водителя, которое больше напоминало кресло пилота на космическом корабле, окруженное сенсорными экранами и десятками элементов управления. Закрыв дверь, он взялся за яркое рулевое колесо, закрыв глаза и представив, как он едет за рулём.

Наигравшись, он решил не задерживаться и уже собирался вылезти, как заметил, что массивная дверь на другой стороне гаража открывается, так что он сполз на сидение как можно ниже. Мимо него проехало

несколько машин. Припарковавшись рядом с ним, они заглушили моторы, из первого фургона выбралась женщина, одетая в какую-то военизированную форму. Затем Исая, одетый в свой неизменный чёрный костюм, прошёл через двойные двери. Он присоединился к женщине, вышедшей из фургона, и вместе они подошли к машине, где, дрожа, прятался Дэвид. Но он мог услышать их приглушённый разговор через окна автомобиля.

— Они же подростки, Коул, — сказал Исая. — Не понимаю, в чём сложность.

— Ассасины их, очевидно, натренировали, — ответила женщина. — Отмечу парня по имени Хавьер: он оказался весьма способным.

Дэвид почувствовал, как волосы встают на затылке. Кажется, они говорят об Оуэне и Хавьере. Довольно маловероятно, что они упомянули другого подростка с именем Хавьер.

— Было бы проще, если бы операция была не по захвату, — продолжила Коул. — Но, в любом случае, они перебазировались, и мы понятия не имеем, куда. Довольно высока вероятность, что сейчас у них уже есть доступ к Анимусу.

— Безусловно, это моя оплошность, — согласился Исая. — Тогда, я думаю, вы с облегчением узнаете, что данная операция таковой больше не является.

— Сэр?

— Ассасины не должны получить доступ к этим генетическим воспоминаниям. Даже если это будет означать, что и я не смогу. К сожалению, вынужден сообщить, что с этого момента вы уполномочены ликвидировать их обоих.

Дэвид забыл, как дышать. В том, что сказал Исая не было ни ошибки, ни двусмысленности. Он только что приказал убить Оуэна и Хавьера, и Дэвид тут же вспомнил все предупреждения Монро относительно тамплиеров. Предупреждения о том, какими беспощадными и опасными они могут быть.

— Поняла, сэр, — ответила Коул.

— Они должны быть найдены, — сказал Исая. — Держите меня в курсе. Директор развернулся и ушёл, Коул и другие агенты, выбравшиеся из фургонов, стали собираться. Дэвид оставался на месте, обливаясь потом от страха и держа мышцы в таком напряжении, что они начали болеть.

Наконец они ушли, и в гараже снова стало тихо и пусто.

Прошло довольно много времени, прежде чем он осмелился поднять голову и оглядеться. Когда он убедился, что никого нет, то выбрался из

машины, прошёл через двойные двери и побежал к лестнице, ведущий наружу горы.

В конце концов, он достиг предыдущего здания и оказался перед запертой дверью с электронным замком. Но в этот раз он не слышал, чтобы кто-нибудь приближался.

Ему пришлось ждать, сидя в тени у соседней двери, чувствуя, как та впивается в его спину, пока охранник не пройдёт через дверь. В конце концов один из охранников прошёл через неё, и Дэвид снова проскользнул в закрывающуюся дверь.

Пробежав коридор с деревьями, он через некоторое время оказался в своём здании. Он не знал, будить ли Грейс сейчас или подождать пару часов до наступления утра, но, в любом случае, они должны были позвонить отцу и убраться отсюда.

Он шёл к своей комнате, думая обо всём этом, думая о том, что ей сказать, когда голос позади позвал его:

– Эй, что ты здесь делаешь?

Дэвид запаниковал и решил сделать то, что только что пришло ему в голову. Он повернулся направо и врезался в стену. А затем ещё раз и ещё, как бабочка, бьющаяся об окно.

– Эй, – сказал охранник. – Эй, ты в порядке?

Дэвид ещё раз «вошёл» в стену, прежде чем охранник схватил его за плечо и не развернул его.

В этот момент Дэвид решил «проснуться»:

– А?

Он играл так растерянно и испуганно как мог, протирая глаза, озираясь по сторонам.

– Где...?

– Ты ходишь во сне? – спросил охранник.

– Наверное, – Дэвид ещё пару раз усиленно моргнул и протёр глаза. – У меня этого уже давно не было. Думаете, это из-за Анимуса?

– Я не знаю, – усы охранника образовывали углы с нахмуренными бровями. – Но тебе следует вернуться в свою комнату, а я доложу доктору Бюбо о произошедшем.

– Окей, – сказал Дэвид, зевнув уже по-настоящему. – Спасибо, что разбудили меня.

Он повернулся и направился к своей комнате. Охранник проследовал за ним; достигнув комнаты Дэвида, проследил, чтобы он зашёл внутрь, и кивнул ему на прощание.

Небольшая комната, которая была больше его комнаты дома, теперь ощущалась как камера.

Он так и не уснул.

Он лежал, пытаясь собраться с мыслями и подобрать слова к утреннему разговору со всеми, одновременно переживая о том, что чем быстрее охранник доложит Виктории о произошедшем, тем быстрее она просмотрит запись с камеры видеонаблюдения. Если Исая способен на убийство Оуэна и Хавьера, то что ему мешает убить любого из них?

Когда будильник наконец сработал, он поднялся, принял душ, быстро оделся и поспешил в комнату отдыха, где все собирались на завтрак.

Наталья уже была там, поедая йогурт. Дэвид сел рядом с ней, болтая ногой.

Прошло несколько минут.

– Что такое? – спросила Наталья.

– Ты о чём? – нахмурившись, спросил он её.

– Ты выглядишь так, будто хочешь что-то сказать.

– Так и есть. Но пусть Грейс и Шон тоже подойдут.

Наталья вернулась к йогурту:

– О-окей.

Его сестра показалась спустя довольно долгое время, но, когда она пришла, Шон тоже вскоре появился. Они взяли себе еду и сели. И тогда Дэвид обратился ко всем:

– Нам нужно убираться отсюда.

– Почему ты шепчешься? – спросила Грейс.

– Потому что я не хочу, чтобы они услышали меня, – сказал Дэвид. – Очевидно же. Но я серьёзно. Надо валить.

– Куда? – спросил Шон.

– Домой, – ответил Дэвид. – Но и там, похоже, небезопасно.

– О чём ты говоришь? – недоумевала Грейс.

И Дэвид рассказал им всё. Как он вышел ночью из комнаты и отправился на разведку, как он обнаружил чёрный автомобиль с реактивным двигателем, и всё то, что сказал Исая. Он рассказал им, как провёл охранника, когда возвращался.

Они слушали его, сдвинув брови и хмурия взгляд, и когда он закончил, Шон покачал головой:

– Ты выдумываешь.

– Нет, – ответил Дэвид.

– Тогда тебе это приснилось. Может, ты и в самом деле лунатик.

– Я не лунатик.

Остальные переглянулись.

– И мне это не приснилось, – добавил Дэвид, чувствуя, как усиливается его разочарование.

– Подумай об этом, – сказал Шон. – Мы здесь уже несколько недель, и мы могли уехать в любую минуту. Они так хорошо с нами обращались, а сейчас ты говоришь, что они пытаются убить Оуэна и Хавьера. Я на это не куплюсь. Тамплиеры не такие, как говорил Монро. Они пытаются изменить мир. Это то, над чем я работаю с Исайей...

– Он хочет, чтобы ты думал так, – Дэвид повернулся к сестре. – Нам нужно позвонить отцу.

– И что ему сказать? – спросила она. – Что Абстерго на самом деле прикрытие для секретного общества, которое убивает детей?

– Да.

– Ты знаешь, о чём я думаю? – она подняла бровь и начала пронзать его своим фирменным обвиняющим взглядом старшей сестры. – Что ты заигрался в свои игры по Второй мировой.

– Я не выдумываю! – повысил голос Дэвид. – Ты моя сестра. Почему ты не можешь встать на мою сторону?

– Я всегда встаю на твою сторону. Почему бы тебе разок не принять мою сторону?

– Ты думаешь, что я не на твоей стороне?

– Нет, я так не думаю. Я пытаюсь удержать нас обоих здесь, в безопасности, и что делаешь ты? Шляешься по ночам. Из-за тебя нас могут выкинуть отсюда!

Дэвид повернулся к остальным. Единственной, кто ничего не сказал, была Наталья, так что он спросил у неё:

– А ты что думаешь?

Она отставила пустую упаковку от йогурта в сторону:

– Безусловно, я не доверяю Абстерго. Но не уверена, что они собираются убивать Оуэна и Хавьера.

Дэвид не мог в это поверить. Все трое оказались идиотами.

– Эй, – Наталья протянула к нему свою руку через стол. – Я не говорю, что ты лжёшь. Я просто не знаю, что именно ты услышал.

Дэвид прекрасно знал, что увидел и услышал. Он просто не мог заставить остальных поверить ему.

– Знаешь, что мы потеряем, если уйдём? – спросил Шон.

– Ты говоришь о деньгах? – спросил Дэвид.

– И это тоже, – сказала Наталья.

– Но сейчас я не совсем про деньги, – добавил Шон. – Если мы уйдём,

мы упустим возможности, которых никогда и нигде у нас не будет. Я не готов бросить здесь всё.

– Я тоже, – сказала Грейс.

Это было безнадежно. Дэвид хотел уйти, но он не был готов оставить Грейс здесь, остаться без сестры, которая всегда была на его стороне, он не был в состоянии уговорить отца забрать их. Откинувшись на спинку стула, он словно ощутил, что скользнул в какой-то другой мир.

Мир, в котором ему просто нужно было забыть, что Исайя собирается убить двух его друзей, а ему предстоит сесть в Анимус, словно всё так и должно быть.

– Я покатил, – сказал Шон. – Увидимся.

– Я тоже пойду, – сказала Грейс, поднимаясь на ноги.

Дэвид посмотрел на неё снизу вверх, и она задержалась. Обычно они шли по коридору к своим комнатам с Анимусами вместе, но в этот раз он остался сидеть, сложив руки на груди. Грейс закатила глаза и ушла, оставив его с Натальей.

– Ты сказала, что не доверяешь Абстерго, – произнёс Дэвид.

– Не доверяю, – ответила Наталья.

– Почему?

– Потому что я знаю, что за всеми их действиями есть скрытый смысл. Есть вещи, о которых они не говорят нам. Но чтобы они решились на убийство детей?

– Но Монро сказал...

– У Монро свой мотив. Я не доверяю ни ему, ни Абстерго. Так что давай просто подождём и посмотрим, что произойдёт. Окей?

Дэвид отказался отвечать на этот вопрос.

Наталья встала из-за стола.

– Ты идёшь?

– Позже.

– Окей, – сказала она, выбросила мусор и вышла из комнаты отдыха.

Дэвид просидел так ещё некоторое время, а затем, так как не видел больше вариантов того, что он мог бы сделать, встал и проследовал за остальными в коридор, ведущий к Анимусам. Когда он достиг комнаты, Виктория уже была там.

– Дэвид, – поприветствовала она его. – Рада тебя видеть. Я так понимаю, у тебя было небольшое приключение этой ночью.

– Ага, – сказал он. Его тело внезапно покрылось холодным потом. Как много она знает?

– Охранник рассказал мне, что обнаружил тебя, пытающимся пройти сквозь стену. Я обеспокоилась, потому что сомнамбулизм и другие расстройства сна могут быть последствиями Эффекта Просачивания.

– В самом деле?

– Да. Мы присмотрим за тобой. Возможно, придётся запереть твою комнату на ночь, пока мы не убедимся, что ты в порядке.

Для Дэвида это прозвучало очень зловеще, но Грейс и Шон наверняка сказали бы, что это для его же блага.

– Не уверен, что хочу, чтобы мою комнату запирали.

– Только на время, – сказала Виктория. – Я также попросила охрану, чтобы мне передали запись с камер видеонаблюдения, чтобы самой посмотреть, что произошло ночью.

Паника Дэвида усилилась, так же, как и сердечный ритм.

– Серьёзно?

– Не переживай. Я просто не хочу, чтобы с тобой случилось что-то плохое.

ГЛАВА 11

В очередной раз всё вертелось вокруг Оуэна, а Хавьеру пришлось сидеть рядом и смотреть, как Гриффин наблюдает за его другом в новом сверкающем Анимусе. Ну и ладно. На самом деле, было неплохо, что они отдыхают друг от друга. Сейчас у Хавьера слишком много проблем, чтобы разбираться ещё и с проблемами Оуэна. Но в данной ситуации это и неважно. Он всё равно не мог злиться на Оуэна. Скорее он чувствовал себя обязанным ему.

Но это не значит, что ему не было скучно, отсиживая здесь в ожидании.

Ребекка ушла пару часов назад. Вероятно, в разрушенном сарае снаружи было несколько машин, на одной из которых она отправилась на очередную ассасинскую миссию или вроде того. Ещё одна машина оставалась, и Хавьер всерьёз подумывал прокатиться на ней куда-нибудь, только бы не сидеть без дела.

Вот только куда?

Они скрывались вдали от города не без причины. Их искали тамплиеры, и они серьёзно превосходили их числом. Хавьер только сейчас начал понимать, что сегодня означает быть ассасином.

Всегда в бегах, всегда прятаться, всегда в одиночестве.

С другой стороны, это точно описывало, как Хавьер провёл большую часть своей жизни. В третьем классе он осознал, что он другой.

И только к седьмому он понял, что это. Между этими двумя моментами он скрывал, кто он такой, ото всех и чувствовал себя очень, очень одиноко. Стало легче, когда он признался родителям и брату, теперь он рассказал об этом Оуэну, и это чувство одиночества постепенно пропадало. Но он не думал, что когда-нибудь избавится от него полностью. Тот ребёнок, чувствующий, что он не такой, как все, всегда будет внутри него. Всегда будет притворяться, чтобы быть похожим на остальных.

– Ты голоден? – спросил Гриффин.

– Ага, – ответил Хавьер.

– Там в углу мини-холодильник. Ребекка наверняка заполнила его.

Хавьер поднялся с деревянного ящика, где он сидел до этого, и направился в угол проверить содержимое холодильника. Он открыл дверь, выпуская холод, гонимый вентиляторами, и обнаружил внутри овощи и несколько видов тофу, этикетки на которых нагло претендовали, что на вкус они как индейка или сыр.

– Ребекка случаем не вегетарианка? – спросил Хавьер.

– Да, а что? – обернулся Гриффин.

Вместо ответа Хавьер просто кивнул внутрь открытого холодильника.

– Вот дерьмо, – выругался ассасин.

В отсеке на самой верхней полке лежала буханка белого хлеба из проросшей пшеницы, так что Хавьер сделал себе «не-индейко-сырный» сэндвич.

– Тебе сделать? – спросил Хавьер.

Ассасин несколько секунд размышлял и наконец хмуро кивнул, поэтому Хавьер сделал ещё один сэндвич и отдал его Гриффину.

– Он в монгольском лагере, – сказал Гриффин, указывая на строчки кода, ползущие по экрану, и изображение предка Оуэна, крадущего между шатров. – Хочешь взять стул и понаблюдать?

– Не, не очень, – ответил Хавьер, возвращаясь к деревянному ящику. Ему не хотелось наблюдать. Ему хотелось что-то сделать. Что-то *настоящее*, в этом мире, а не в симуляции очередного предка в Анимусе. – Как думаешь, надолго всё это?

– Без понятия, – ответил Гриффин, умяв уже половину сэндвича. – Твой дружок Монро не оставил нам карты.

Карта помогла бы до *того*, как Монро затащил их всех в этот мир секретных войн двух могущественных тайных обществ. Перед глазами Хавьера пронеслись совсем недавние, но такие далёкие события. Как он в

первый раз пришёл с Оуэном к Монро, чтобы тот использовал Анимус для доказательства невиновности своего отца. Такого рода доказательства не принял бы ни один суд, если уж на то пошло, но потом Хавьер понял, что Оуэну не нужно было что-то кому-то доказывать. Он хотел доказать это самому себе.

Эти воспоминания навели Хавьера на одну мысль, что он сейчас может что-то сделать. Что-то, что помогло бы Оуэну, что-то, что позволило бы Хавьеру сделать нечто важное. Он всё ещё оставался в костюме, в карманах и подсумках было полно снаряжения, которое они успели схватить, прежде чем сбежали.

– Мне нужно пройтись, – сказал он.

Гриффин едва взглянул на него, обернувшись через плечо:

– Не самая удачная идея.

– Я тут с ума схожу, чувак. Мне просто нужно немного свежего воздуха.

Гриффин хмыкнул.

– На мили вокруг нет ничего, – Хавьер поднялся с ящика. – Я буду недалеко.

Наконец Гриффин полностью развернулся, посмотрел ему в глаза и произнёс:

– Хорошо. Будь здесь через двадцать минут. Не вынуждай меня идти искать тебя. У меня тут запущенная симуляция.

Хавьер кивнул и поднялся вверх по лестнице, оставив за спиной высокотехнологичное убежище ассасинов, снова оказавшись в доме с привидениями. Он не собирался возвращаться через двадцать минут, но Гриффин ничего не смог бы с этим поделать без выхода Оуэна из Анимуса. Вероятно, потом он будет в ярости, но прямо сейчас Хавьера это не беспокоило. Всё дело было всегда больше в Оуэне, чем в нём самом.

Наверху было довольно темно, и дом снова встретил его скрипучими рамами с ржавыми гвоздями, осколками от стёкол и пылью. Хавьер прошёл через главный вход, осторожно закрыв за собой дверь и убедившись, что электронный замок сработал, а затем направился в сарай. Поднялся ветер, колебавший верхушки деревьев и кончики высокой травы.

Хавьер натянул капюшон, спрятал руки в карманы, крепко прижав локти к груди и опустив голову. Когда он дошёл до сарая, то, распахнув широкие, протяжно скрипящие двери, обнаружил внутри неприметный белый седан. Следующим пунктом шли ключи. У Хавьера было ни малейшего представления о том, как устроена автомобильная проводка, и он надеялся, что, по ассасинскому протоколу, ключи должны быть всегда в машине.

Они были там, лежали прямо под ковриком переднего сидения.

Он забрался внутрь, завёл мотор и выехал из сарая, не включая света, пока не отъехал от дома. Хавьер ожидал, что Гриффин в любой момент выйдет из входной двери, но ассасин не показывался, поэтому он прибавил газу, и с пробуксовкой, выкинувшей из-под колёс длинную струю грязи, он направился в сторону города, через несколько сотен метров включив фары.

Полицейский склад не особо охранялся. Пара полицейских в синей форме стояли на посту у дверей, но Хавьер не планировал входить через главный вход. Он не был уверен, что это не пустая трата времени, но он хотел сделать что-то для Оуэна в качестве извинения за то, что фактически забыл о нём на несколько лет, не объяснив причины такого поведения.

Забор с колючей проволокой наверху окружал склад, камеры наблюдения были расставлены по углам здания и на заборе, охватывая периметр.

Арбалетом Хавьер вывел из строя ближайшие к нему камеры. Взобравшись на забор и аккуратно переступив через колючую проволоку, он спрыгнул вниз, мягко приземлившись на ноги. Сразу же после этого он подошёл к стене склада и забрался по ней. Поначалу всё ощущалось так же, как в воспоминаниях Каджела Кормака, забирающегося по зданиям Нью-Йорка. Но сейчас, в реальном мире, всего лишь в трёх метрах над землёй, всё стало сложнее. Пальцы Хавьера устали, мышцы дрожали. Он замер, посмотрел вверх. Ближайшее окно было в шести метрах над ним. Он не сможет этого сделать.

Через секунду его пальцы разжались, и он тяжело упал на землю. Оказалось, что у Эффекта Просачивания есть свои пределы, и теперь его правая лодыжка болела.

Хавьер не собирался сдаваться и пошёл вдоль стены, разглядывая её на предмет более удобного пути внутрь. Но чуть позже он наткнулся на погрузочную площадку, за которой с другой стороны здания была дверь со старым электронным замком. Хавьер активировал ЭМИ гранату; кликнув, дверь открылась.

Внутри склада ряды стеллажей возвышались над ним, на каждом из которых на разных уровнях стояли коробки разных форм и размеров. Взглянув на ярлыки, он понял, что они отсортированы по дате и номеру дела. Приблизительно он знал дату суда над отцом Оуэна, но не номер дела. Поэтому он подошёл как можно ближе к нужной дате, сужая зону поиска, используя ту информацию, которая у него была, и принялся проверять коробки, лазая вверх и вниз по стеллажам.

Потребовалось около сорока пяти минут, прежде чем он нашёл нужную коробку и вытащил его со стеллажа.

Опустив её на пол, он открыл её и принялся доставать содержимое. Внутри он обнаружил оранжевые пакеты с уликами, содержащими DVD с записями с камер видеонаблюдения, и стопку отчетов и показаний в пятнадцать сантиметров высотой. Он надеялся, что что-нибудь из этого поможет Оуэну.

– Я проверю, – раздался женский голос в дальнем углу комнаты. Следом раздались шаги.

Хавьер схватил коробку и так тихо и быстро, как только мог, направился в противоположную сторону, пригнувшись, двигаясь между рядами, пробираясь к погрузочной площадке. Когда он добрался до неё, там уже стоял полицейский в форме, перекрывший ему путь. Прежде чем тот среагировал, Хавьер бросился на него, толкнул плечом, и они оба повалились на землю. Картонная коробка с уликами помялась, но Хавьер удержал её и, вскочив на ноги, помчался к забору.

– Сюда! – позади него закричал полицейский.

Хавьер обернулся и увидел, что за ним бежит один из них с рукой на кобуре. Хавьер достал из кармана дымовую гранату и бросил позади себя. Взрыв создал дымовую завесу в полутораметровом диаметре, давая Хавьеру возможность остановиться и зарядить арбалет дротиком со снотворным. Как только полицейский показался из клубов дыма, Хавьер выстрелил, и через несколько секунд полицейский свалился на землю. Забор был в нескольких метрах от него, но Хавьер не перелез бы через него с коробкой под мышкой. Но он как-то должен был пройти через него. Позади него закричало ещё несколько голосов, остальные полицейские приближались.

У Хавьера с собой была одна, всего лишь одна граната, но он никогда её не использовал и не знал, не подорвётся ли он сам в процессе использования. Тем не менее он достал её из кармана, взвёл её, бросил как можно дальше к забору, и бросился на землю.

Взрыв ударил по его барабанным перепонкам, поднял в воздух комья земли и фрагменты забора, некоторые из которых ударили по затылку. Вреда они не причинили, просто больно ужалили, поэтому он поднялся на ноги как раз в тот момент, когда дым начал рассеиваться. В заборе образовалась небольшая дыра, и он не знал, сможет ли он в неё протиснуться или нет. Но это был его единственный шанс, так что он побежал к ней и, извиваясь, всё же протиснулся в неё. Его куртка зацепилась за торчащую проволоку, но он просто дёрнул её, порвав, и, поднявшись с другой стороны, побежал к машине.

Чуть отбежав, он бросил ещё одну дымовую гранату себе за спину,

просто на всякий случай, чтобы полицейские, которые решат погнаться за ним, не видели, куда он побежал.

Добежав до машины, он рванул дверь, бросил коробку на пассажирское переднее сиденье, запрыгнул следом, завёл её и уже через несколько секунд отдалялся от склада, постоянно бросая взгляды на зеркало заднего вида. Сирены звучали где-то позади него, но, без сомнений, полицейские спешили на склад. Никто его не преследовал.

Несмотря на это, его пульс не замедлился, а дыхание не думало успокаиваться до тех пор, пока он не достиг шоссе, ведущее из города. Пока он ехал, небо становилось светлее, показались первые рассветные лучи.

К тому времени, как он достиг ассасинского убежища, он понял, что отсутствовал около трёх часов, и солнце выбралось из-за горизонта.

Загнав машину в гараж, он выбрался из неё с коробкой в руках, гадая, что Гриффин сделает с ним, когда он зайдёт в дом.

Так что, перехватив коробку поудобнее, он отправился выяснять это.

Завернув за угол, он увидел стоящего на крыльце Гриффина. Руки сложены на груди, в глазах полыхает ярость.

– Неужели ты ждал меня здесь всё это время? – саркастически спросил Хавьер.

Гриффин выглядел так, будто сейчас самовоспламенится изнутри.

– Я отслеживал тебя с тех пор, как ты уехал, сопляк. Думаешь, что сможешь угнать мою машину без моего ведома?

До Хавьера дошло, что человек, стоящий перед ним, регулярно убивает людей, так что следует поступить более благоразумно и сменить тон.

– Прости, – сказал он, подходя к ассасину. – Я не...

Гриффин рывком схватил его за воротник куртки и приблизил к себе.

– Ты понятия не имеешь, насколько сейчас под тобой тонок лёд. Не хочешь мне рассказать, что ты забыл на полицейском складе?

– Я отправился туда ради Оуэна, – Хавьер толкнул его мятой коробкой. – Это улики из дела против его отца.

Казалось это немного остудило гнев Гриффина, и он отпустил Хавьера.

– Идём внутрь. Разберёмся с этим потом.

Хавьер последовал за ассасином, и, войдя в дом, они спустились в подвал. Оуэн по-прежнему лежал в кресле Анимуса, и Гриффин вернулся за консоль управления, не сказав ни слова.

Хавьер взял коробку со стола и сел за него, принимаясь за разбор содержимого. Для начала он вытащил всё, что было в коробке, и разложил на столе.

Пакеты с уликами были лёгкими. Папки с файлами пронумерованы и

организованы. Отчёты с места преступления и фотографии. Отчёт о вскрытии тела погибшего охранника. Свидетельские показания, стенограммы допросов и интервью. Финансовая отчётность. Хавьер выложил всё это и отступил, потирая подбородок.

– Неправильные вещи, совершаемые из благих побуждений, остаются неправильными, – произнёс Гриффин позади него.

– Я не уверен, правильно ли я пойму эти слова, если они сказаны от парня, периодически убивающего людей. И, по правде говоря, при необходимости я бы поступил так ещё раз.

Гриффин кивнул.

– Я знаю. В этом–то и проблема. Что было бы, если бы тебя поймали? Арестовали? Что, если бы они проследили за тобой до сюда?

– Но они не проследили.

– Ты достаточно умён, чтобы понять, что я имею в виду.

– А я достаточно умён, чтобы не попасться.

Гриффин подошёл к столу и просмотрел улики.

– У ассасинов есть Кредо, – сказал он тихо.

Они были тайным обществом, разумеется, у них было кредо. Но Хавьер воздержался от озвучивания саркастических мыслей вслух, потому что почувствовал, что Гриффин настроен серьёзно.

– Три главных правила, – продолжил ассасин. – Не обращать клинок против невинных. Прятаться на виду. Никогда не подставлять риску Братство.

– Окей, – произнёс Хавьер. – Звучат... просто.

– Недостаточно просто, если ты чуть не нарушил третье правило сегодня.

– Но я не член Братства.

Гриффин кивнул:

– Пока нет. Но ты теперь часть этой войны, хочешь того или нет, так что тебе придётся выбрать сторону. Я бы хотел считать, что ты выберешь нашу.

– Знаешь, а ведь Монро предупреждал нас насчёт этого.

– Насчёт чего?

– Он сказал, что вы, ребята, и тамплиеры тоже, попытаете завербовать нас.

– Он был прав.

– Он также сказал нам не выбирать сторону.

– Ну, возможно, у тебя нет выбора.

Хавьер хмыкнул.

– Я думал, что ассасины – приверженцы свободы воли.

– Я в курсе про противоречие. Но ты ещё не готов к этому.

– Не готов к чему?

Гриффин проигнорировал его и вернулся к консоли. Хавьер только покачал головой ему в спину и, повернувшись к столу, принялся изучать доказательства. Оуэн всегда говорил о том, что его отец непричастен. Что его подставили или типа того.

Но было сложно спорить с пистолетом, найденным в машине его отца, и с экспертизой, что именно из этого пистолета вылетела пуля, убившая банковского охранника. Было сложно спорить с найденными на месте преступления отпечатками пальцев. Было трудно спорить с долгами из-за азартных игр – шестьдесятю семью тысячами долларов, которые вполне сошли бы за мотив.

Хавьер сам не хотел в это верить, и он никогда не сказал бы об этом Оуэну, но правда была в том, что его отец, скорее всего, виновен.

Но, тряхнув головой, он прогнал эти мысли, снова окинул взглядом стол и, кивнув себе, почувствовал себя довольным. Когда Оуэн выйдет из симуляции, он взглянет на улики сам. Здесь может быть что-то, что Хавьер упустил, как и жюри присяжных в своё время.

Он взял комбучу²⁹ из мини-холодильника Ребекки и сел обратно на деревянный ящик, смотря на затылок Гриффина.

Через пару минут его бритая голова пододвинулась ближе к мониторам.

– Похоже, у твоего друга неприятности, – сказал ассасин.

Хавьер вскочил.

– У него?

– У его предка.

Хавьер пересёк комнату и склонился над плечом Гриффина. Хавьер наблюдал как предок Оуэна, китайский ассасин, бежал внутри огромного, полного шатров лагеря, и, без преувеличения, вся монгольская армия преследовала его.

– Есть какой-нибудь след зубца?

Гриффин стиснул челюсть:

– О, да.

²⁹ Комбуча – напиток, сделанный на основе симбиоза дрожжей и уксуснокислых бактерий. Оригинальное название – чайный гриб, сделан на его основе. В природе не существует. Впервые его упоминали ещё в 250 году до н.э. со времени династии Хань в Китае. Китайцы называют его «эликсиром здоровья и бессмертия». Комбучей его стали называть, потому что в начале двадцатого века название напитка было ошибочно спутано с напитком «комбу-тя» из водорослей «комбу» (подвид морской капусты).

При правильном приготовлении имеет массу полезных свойств, перечислим лишь некоторые. Он содержит витамины группы В и С, различные полезные кислоты, ферменты и кофеин. Улучшает пищеварение. Также обладает антибиотическими свойствами и применяется при некоторых формах ангины. Понижает артериальное давление.

ГЛАВА 12

Наталье пришлось признать, что Дэвид её расстроил. Ей никогда не было комфортно в Абстерго среди тамплиеров, но она не могла и ожидать, что они на полном серьёзе собираются убивать кого-то, особенно детей. Нет, может быть, в прошлом это и было в порядке вещей, но в современном мире это всё звучало, как какая-то дикая теория о заговоре. То, что слышал Дэвид, было невероятно, но это укрепило некоторые собственные сомнения Натальи. Эти сомнения продолжали грызть её, пока она сидела в ожидании в комнате с Анимусом.

Виктория вошла внутрь, и её поведение и вид сразу бросились в глаза Натальи. Рассеянная, с уставшими, красными глазами.

– Так... Наталья, – сказала она так утвердительно, будто напоминая себе о чём-то. Некоторое время она смотрела на свой планшет, но было ощущение, что она смотрит сквозь него. – Где мы остановились? Ах, да. Окей.

– У вас всё в порядке? – спросила Наталья.

– Конечно. Ты готова к симуляции?

– Конечно, – ответила Наталья и, подойдя к Анимусу, принялась

залезать в ремни.

Виктория подошла к пульту, чтобы поднять её, но то, как отвлечённо она выглядела при этом, лишь добавило Наталье беспокойства. Поэтому она решила немного побаламутить воду.

– Вы нашли Оуэна и Хавьера? – спросила она.

Виктория замерла. Она посмотрела на Наталью:

– Почему ты спрашиваешь об этом?

Настроение в комнате мгновенно изменилось, и Наталья внезапно вспомнила, как чувствовал себя Байан, когда ступал на вражескую землю. Не совершила ли она ошибку?

– Мне просто интересно. Я переживаю за них.

Виктория закрыла глаза и кивнула:

– Я тоже переживаю за них. Я знаю об ассасинах, – она продолжила подключать Наталью к Анимусу. – Веришь или нет, но одно время я помогала им, хотя и не была одной из них. Тамплиеры дали мне ещё один шанс и показали правильный путь. Мы поможем твоим друзьям. Но прямо сейчас мы должны сконцентрироваться на нашей миссии.

– Окей, – сказала Наталья, радуясь, что они сменили тему. По крайней мере, сейчас.

– Ты готова?

– Ага.

– Тогда давай наденем на тебя шлем.

Байан стоял на краю лагеря, оплакивая потерю Ван Дечена. Боевой дух Орды в эти дни, после смерти генерала, сильно пошатнулся. Все гадали, что же будет, если даже Великий хан ходил хмурым и не показывался из своей палатки, предаваясь сну большую часть дня. Нападение на ворота было проведено безупречно, учитывая то, что они знали о Рыбацком городе. До сих пор силы Сун не покидали стен, чтобы вступить с ними в бой, и всё же тогда они появились в лесу, подобно призракам. Это означало только одно – существует подземный ход, возможно, в пещере. Другого объяснения быть не могло, поэтому Байан решил выяснить его местонахождение.

Он отправился к командиру своего мингхана, рассказал ему о своих размышлениях и попросил разрешения разведать ночью территорию у стен; разрешение было получено. Остаток дня Байан потратил, готовясь и отдыхая. Он не спал всю прошлую ночь, и не будет спать сегодня. Он думал о том, чтобы взять с собой своих людей, но решил, что вероятность обнаружения будет ниже, если он отправится в одиночку.

После заката Байан надел свою броню, взял свой меч и лук. Он вознёс молитву Небесному Отцу и оставил лагерь за спиной, но по-прежнему чувствовал себя в безопасности. До тех пор, пока не пересёк защитный вал на северо-востоке, около горы. Лес дал ему тень и укрытия, по которым он пробирался так тихо, как только можно, двигаясь к воротам Ху Го. Его движения через кустарник разбудило комаров, которые мгновенно покрыли его пальцы, уши и шею с храбростью, достойной воинов степей.

Когда он добрался до поля битвы, то почувствовал до сих пор висящий в воздухе запах гари, поваленные деревья превратились в чёрные угли. Стоящий запах распугал насекомых, и это избавило его от их укусов. Осмотревшись ещё раз, Байан ступил на сгоревшую землю, двигаясь ещё более аккуратно и ещё более расчётливо, чем даже перед штурмом.

Каменная арка ворот стояла на вершине крутого склона. К ним поднималась каменная лестница, возносящаяся вверх на двадцатиметровую высоту. По её бокам на каменных стенах горели факелы, и Байан некоторое время наблюдал за стражниками, столь уверенными в своих укреплениях, столь высокомерными в своём неповиновении. Его гнев на них превратился в ненависть из-за смерти Ван Дечена, но Наталья знала истинную причину злости Байана.

Сун заставили его усомниться.

Вспоминая события той ночи, Байан постарался вернуться туда, где произошло их сражение в лесу. Воспоминания встали перед ним, словно поднялись туманом из-под земли. Звуки сражения, запах крови.

Тело Байана отвечало на этот зов, словно эти события произошли снова, кровь прилила к его ушам. Он нашёл то место, где поверг солдата без уха. Того, кто чуть не убил его, и, возможно, убил бы, если бы не отвлёкся на артиллерийский огонь. Тело исчезло, разумеется.

Но сейчас Байан стоял, где тот лежал, и вглядывался в окружающие его деревья. С этой точки стоит начать поиск секретного хода. В своём молчании он обратил внимание на звук журчащего под ногами ручья, который стекал с гор.

Была вероятность, что этот ручей начинается в пещере, в которой, возможно, будет проход.

С чего-то надо начинать.

Байан двинулся по ручью, припав к земле, и стараясь держаться ближе к стволам деревьев. Если есть секретный проход, то, вполне вероятно, он

охраняется, и никакой пользы от обнаружения прохода не будет, если Байана схватят до того, как он сможет об этом доложить. Звук ручья усиливался, сам он расширялся, становясь всё ближе и ближе к источнику, но затем он услышал другой звук, накладывающийся на журчание воды.

Небольшой всплеск и лёгкие шаги.

Большую часть пути Байан прополз по земле, лёжа в темноте. Он не видел, откуда именно пришёл враг, но он увидел, как она идёт по лесу, спускаясь с холма, одетая во всё чёрное.

Казалось, что она не заметила его, и он решил забросить свои поиски тайного прохода, попытавшись захватить её. Под пытками разведчик Сун расскажет много интересного.

Байан бросился за ней, но понял, что не поспевает за ней. Она летела сквозь лес, словно тот знал её, как она саму себя, и приветствовал её, в то же время обращаясь с Байаном как с врагом. Лес ненавидел его и ставил подножки, из-за него он увязал в грязи, цеплял его ветками, ранил Байана до тех пор, пока он не потерял разведчика из виду.

Его неудача была идеальным показателем того, насколько неправильно началась вся эта осада. Байан был абсолютно уверен, что если бы вместо леса здесь была открытая степь, то разведчик был бы уже связан, приторочен к седлу его лошади.

Но здесь, в этой неизвестной земле, в окружении чумы и зноя, Орда понесла поражения, пытаясь захватить эту неприступную крепость.

Байан вернулся к миссии, которая привела его к этой горе. Может быть, он найдёт проход. Он нашёл то место, где впервые обнаружил разведчика, и начал искать проход, следуя потоку ручья.

В конце концов, он нашёл источник, но это не помогло ему. Вода журчала из маленькой трещины в скале, достаточно широкой, чтобы туда протиснулся мелкий грызун, но ничего больше. Байан выругался и остановился попить, отметив, что вода мягкая и холодная. Ещё одна причина, по которой взятие Рыбацкого Города оказалось настолько трудной задачей. Если Сун могли позволить этой воде спускаться вниз с горы, значит, у них её было более чем достаточно. Пару недель назад они так же сбросили вниз с горы две ненормально огромных свежепойманных рыбыны и сотню свежесдобитых булочек, чтобы показать их продовольственные запасы.

Байан сделал ещё пару глотков, смочил шею и снова вернулся к поискам. Само наличие разведчика здесь подтверждало существование тайного прохода, который, к тому же, был неподалёку. Он ходил вперёд и назад, вверх и вниз, методично осматривая местность, но через два часа не

нашёл и следа входа в пещеру.

Наконец он решил, что лучшим способом найти вход будет дожидаться возвращения разведчика, так что он нашёл дерево потолще, расположенное рядом с источником, выбрал на нём место, считающееся наиболее подходящим, и, взобравшись на него, замер между ветвями, наблюдая за окрестностями.

Наталья была рада отсрочке, рада, что разведчик сбежал от Байана, и надеялась, что сбежит от него снова. Судя по тому, как та женщина двигалась, Наталья предположила, что она была ассасином, возможно, она даже отправилась убивать хана. Убить, чтобы остановить убийства.

Уроборос³⁰, пожирающий собственный хвост.

Разум Байана смотрел на вещи по-другому. Он смотрел на небо над головой и землю под ним, и верил, что небеса отправили его в эту страну, чтобы принести с собой наказание богов. Если бы Сун просто сдались, то их бы пощадили.

Краем глаза Байан заметил движение.

Разведчик возвращался.

Теперь её движения были более поспешными. Он мог слышать её тяжелое дыхание и хрипы, вырывающиеся из лёгких, когда она пробегала под ним.

Байан понял, что вскоре она снова сможет затеряться среди деревьев, забрав с собой местонахождение прохода, но также он понимал, что очень мала вероятность, что он сможет захватить её живой. Но ему не нужно убивать её сразу. Он может ранить её и развязать ей язык. Она может закричать, привлекая внимание стражников со стен, но он сделает всё быстро.

Он положил на тетиву стрелу и натянул лук. Рог, дерево и сухожилия согнулись, когда он прицелился в неё. Наталье хотелось закричать, но Байан отпустил тетиву, и с щелчком стрела сорвалась с места и поразила цель.

Она упала без единого звука.

³⁰ Уроборос – один из древнейших символов, при этом до сих пор не установлено его точное происхождение. Имеет множество значений. Наиболее распространённая трактовка – репрезентация вечности и бесконечности, в особенности – циклической природы жизни.

Байан спрыгнул с дерева и подбежал к ней, обнажив меч. Когда он достиг её, она уже каким-то образом стояла на ногах, с ножом в одной руке и маленьким арбалетом, закрепленном на предплечье другой, но, похоже, у неё больше не было болтов, иначе она бы уже выстрелила в него.

Его стрела промазала мимо её бедра, но вместо этого попала в колено. Боль должна быть ослепляющей, но она рычала и смотрела на него, так же, как смотрел тот воин ночью.

– Где проход? – спросил он её на языке Сун.

Она плюнула и попыталась встать в защитную стойку, но запнулась, и Байан увидел, что она сильно хромает. Также он заметил, что нож в её руке на самом деле приделан к её запястью, так же, как и арбалет на другой руке.

– Если ты скажешь мне, – сказал он, – я убью тебя быстро. Тебе не нужно так страдать.

Она отступила на несколько шагов, кровь обильно текла из её колена, заливая ногу. Какая от неё польза, если она потеряет сознание от потери крови?

Он шагнул ей навстречу:

– Покойся с миром. Твоя работа окончена. Время неповиновения твоего города подошло к концу. Небесный Отец привёл тебя ко мне.

Она моргнула и покачала головой.

Он должен нанести ей ещё пару травм, подумал он, и эта мысль привела Наталью в ужас, но она ничего не могла поделать, в то время как Байан кружился вокруг ассасина против часовой стрелки. Она поворачивалась вслед за ним, гримасничая каждый раз, когда приходилось переносить вес на здоровую ногу, пока он спокойно тянул время, планируя атаку, наблюдая за этим клинком на запястье. Может, она и была ранена, но всё ещё оставалась очень опасным противником. Он гадал, почему она не звала на помощь.

Едва Байан ринулся к ней, что-то ударило его в плечо, затем вспышка боли взорвалась в его руке, вынуждая его выронить меч, и он, споткнувшись, упал. Она опустила свой арбалет, и он понял, что она припрятала последний болт. Прежде чем он смог подняться на ноги, она ударила его ножом в бок. Прорывав от боли, он ударил её по стреле, торчащей из колена. Оперение обломилось, и она закричала, падая от боли и пятясь.

Он тоже попятился. Удар её хитрым клинком не был смертельным, но арбалетный болт, скорее всего, отравлен: он не чувствовал руку и не мог

управлять ею. Байану нужно было отступить сейчас, пока он ещё в сознании.

Встав, он развернулся и сразу же споткнулся, ему было трудно удерживать равновесие. Рана в боку отзывалась болью с каждым вздохом, и неконтролируемый вес его раненой руки нарушал баланс. Уже через несколько ярдов навалилось головокружение, и он резко упал. Удар о землю загнал болт ещё сильнее внутрь, но это было не так больно, как должно было быть. Он поскользнулся, шатался и падал, пока не достиг основания горы.

С этого момента он, накренившись, шёл вперёд, и в конце концов ползком забрался на возвышающийся земляной вал, преодолев кажущееся невозможным расстояние.

Наталья чувствовала всё это вместе с ним, находясь на удалении, и через эти нескончаемые мучения она наконец признала, что в каком-то смысле восхищается Байаном. Его воля и решимость вели его вдоль скал и грязи, пока он не достиг первой линии монгольских войск. Воины побежали к нему, крича, и он наконец упал на спину, позволив себе то ли умереть, то ли потерять сознание, ожидая, какой исход выберет для него Небесный Отец.

– Он мёртв? – спросила Наталья, чувствуя, что даже её мыслям не хватает воздуха.

– *Он не может умереть*, – ответила Виктория. – *Он жил, чтобы передать эти воспоминания. Иначе ты не могла бы их увидеть.*

– Точно, – сказала Наталья. Она совсем забыла об этом.

– *Он без сознания, но мы знаем, что он будет жить.*

– Это было...

– *Ужасно. Как ты себя чувствуешь?*

– Не уверена, – протянула Наталья. – Нехорошо.

– *Ты хочешь выйти?*

Наталья подумала об этом, но теперь, когда бой закончился, ей стало любопытно, и она хотела бы увидеть, что произойдёт с Байаном. Она не волновалась, наоборот, чувствовала себя заинтересованной, а серый туман беспмятства дал ей комнату для отдыха, где она могла передохнуть.

– Я останусь.

– *Хорошо. Если ты уверена, что готова, то я ускорю симуляцию немного.*

Наталья вздохнула и позволила себе дрейфовать в сером пространстве, с удовольствием находясь в бесформенности, что окружала её. Она знала,

что время в Анимусе относительно, и она не так долго находится здесь, как ей кажется, но она воспользовалась тем, чем могла, думая обо всём, что с ней произошло.

Как бы силен ни был Байан, этот ассасин, скорее всего, был сильнее. Она победила Байана в драке, несмотря на торчащую из колена стрелу. Наталья могла только догадываться, что может заставить человека зайти так далеко. Она гадала, вернулась ли ассасин обратно в город.

– *Вижу активность*, – сказала Виктория.

Туман начал принимать едва узнаваемые формы, которые появлялись и исчезали из вида. Лица, огонь, выпирающие рёбра шамана, его маска, всё это пронеслось в его разуме. Наталья понимала, что Байан не в состоянии понять, что с ним происходит.

Когда он пришёл в себя, сын Великого хана стоял у его кровати, одетый в шелка и золото, держащий в руках короткий арбалетный болт.

Байан попытался встать, но белый шторм боли затопил его глаза. Его бок пылал и пульсировал болью, но это было ничто по сравнению с его плечом, куда словно вставили горящую палку.

– Успокойся, – сказал Асутай. – Ты откроешь свои раны.

Байан замер, затем расслабился и лёг обратно, тяжело дыша, отводя взгляд от глаз молодого принца.

– Они достали это из тебя, – проговорил Асутай, катая арбалетный болт между пальцев.

– Я был беспечен, – сказал Байан, его голос звучал так, словно женщина выскабливает новую шкуру. – Она спрятала его.

– Ты сражался с ней?

Байан кивнул:

– Но она никогда не будет сражаться снова. Я травмировал её колено.

– Ты сделал больше, чем любой другой воин, – Асутай постучал болтом по ладони. – Мой отец мёртв.

Байан поднял голову.

– Что?

– Женщина, с которой ты сражался, убила его, пока он спал.

– Как...?

Он гадал, как это могло произойти.

Великий хан мёртв.

Неужели Небесный Отец окончательно покинул их, бросив в этом проклятом месте?

– Об этом знают немногие, – продолжил Асутай. – Генералы боятся, что вкупе со смертью Ван Дечена это окончательно подорвёт боевой дух Орды.

Байан отбросил все сомнения, чтобы сосредоточиться на том, что сейчас важно.

– Как вы сохраните это в тайне?

– Мы скажем, что он заболел и у него жар. А через несколько дней объявим, что умер от лихорадки.

План имел смысл. Смерть хана всё равно тяжело ударит по Орде, но куда тяжелее будет новость о том, что его убили Сун. Лихорадка была более удобным объяснением, нежели чем смерть Великого хана от руки убийцы во время осады, прямо посреди своего лагеря. Иначе люди могут усомниться во власти Орды, посчитать, что империи Великого хана пришёл конец.

– Завтра, – продолжил Асутай, – мы поднимем запланированную им сторожевую башню, словно мы готовимся продолжить осаду.

– Но мы ведь продолжим?

Асутай вздохнул:

– Нет. Когда вести достигнут моих дядей, то они сгрызутся за трон. Возможно, будет война за трон Великого хана между тремя братьями. Хулагу³¹, скорее всего, поддержит Хубилая³², и они выступят против Ариг–Буга³³. Орды будут отозваны.

Байан кивнул, но почувствовал что–то неправильное.

– Почему вы рассказываете мне об этом, мой господин?

³¹ Хулагу (1217 – 8 февраля 1265) – монгольский правитель и военачальник, внук Чингисхана, сын Толуя. Основатель династии Хулагуидов, правившей в созданном им Иранском ильханате в Передней Азии. Завершил монгольское завоевание Ирана, Ирака и сопредельных стран. В 1261 году Хубилай признал его правителем всех завоёванных территорий с титулом ильхана, т.е. хана части государства.

³² Хубилай (23 сентября 1215 – 18 февраля 1294) – монгольский хан, основатель монгольского государства Юань, в состав которого входил Китай. Начал свой путь военачальником у Мунке, который отдал в управление Хубилаю все территории Северного Китая. В 1252 году вёл кампанию против династии Сун на юге Китая, в итоге армия вторглась в провинции Шэньси и Сычуань, а также захватила Далийское царство в провинции Юньань. Основал Кайпин, который вначале был столицей империи Мунке, но затем стал его летней резиденцией.

³³ Ариг–Буга (1219 – 1266) – младший сын Толуя и внук Чингисхана. В отличие от своих братьев, остался в Монголии, чем сплотил вокруг себя наиболее консервативных представителей империи. Известен своим участием в междоусобной войне за престол.

После смерти Мунке встал вопрос о наследнике. Кандидатов было двое: Хубилай и Ариг–Буга. На стороне Хубилая были представители трёх из четырёх ветвей представителей правящей династии и многие представители дома Мунке. Главным среди них был Хулагу. На сторону Ариг–Буги выступила одна из жён Мунке, а также её сыновья. Кроме того, обещали помощь ему и внуки сыновей Чингисхана Угэдэй, Чагатай и Дурчи, а также влиятельные союзники не из числа чингизидов.

В итоге в мае 1260 года в Кайпине курултай признал ханом Хубилая, а месяцем спустя другой курултай в Каракоруме (столице Монгольской империи до 1260 г.) признал ханом Ариг–Бугу. Спустя четыре года кровопролитной войны Ариг–Буга признал своё поражение и сдался. Хубилай примирился с ним, что не понравилось его окружению, и Хубилаю пришлось унимать недовольных монголов различными способами: сначала он запретил Ариг–Буге показываться на глаза в течение года, затем казнил десять его приспешников.

Суд должен был состояться и над братом, но тот тяжело заболел в 1266 году и затем умер.

Принц несколько мгновений молчал, а потом поднял арбалетный болт:

– Все остальные воины, пораженные этим, умирали.

– Мне... жаль это слышать.

– Я разузнал о тебе. О твоих подвигах в минувших битвах. О твоих деяниях у врат Ху Го с Ван Деченом. О твоей попытке обнаружить секретный проход, после которого ты сразился с убийцей, а затем, полумёртвый, тащил себя многие мили до лагеря.

Байан нахмурился:

– Я не смог ни убить её, ни найти проход, мой господин.

Асутай засунул болт в карман на талии.

– Для меня это не имеет значения. Я увидел то, что мне нужно.

– Мой господин?

– Я дарю тебе имя одного из Кэшиктэнов³⁴. Ты присоединишься к моей личной страже.

Глаза Байана расширились:

– Это честь для меня, мой господин. Великая честь. Но я ранен...

– Они сказали мне, что ты исцелишься, а мне нужны люди вроде тебя.

После того, как мы объявим о смерти отца, его тело подготовят, и мы отправимся с ним эскортом в Бурхан–Халдун³⁵, чтобы его похоронили вместе с Чингисханом и его предками. Ты будешь сопровождать меня.

В его состоянии, с истощённым телом и разумом, заполненным болью, он не мог понять это предложение и не знал, как должен ответить на него. Но он медленно двинул головой, стараясь в своём положении отвесить поклон.

– Это больше, чем я заслуживаю.

– Хана воздают за содеянное, – сказал Асутай, поворачиваясь, чтобы уйти. – И ты показал, чего стоишь. Я знаю, что смогу положиться на тебя. А сейчас ты должен отдыхать.

С этими словами принц ушёл, разум Байана расслабился, и он погрузился в сон.

³⁴ Кэшиктэн – личная гвардия ханов Монгольской империи, учреждённая Чингисханом. Приобрела значение элитного подразделения монгольской армии, а также важного звена в управлении государством, являясь, по сути, главной опорой власти хана.

³⁵ Бурхан–Халдун – священная для монголов гора. Согласно «Сокровенному сказанию», первоначально Чингисхана Борте–Чино и Гоа–Марал кочевали там. Также у подножья горы находится родовое кочевье Чингисхана.

ГЛАВА 13

Шон направлялся в свою комнату с Анимусом, пребывая в раздумьях, кем ему предстоит быть сегодня. Симуляция в Ирландии была для него непростой. Даже болезненной. Он проснулся посреди ночи, в поту, думая, что Аэри горит, и он всё ещё хотел узнать, что случилось с Брэндоном и его семьёй.

Но Виктория и Исайя напоминали ему, что это произошло давным—давно, сотни лет назад. Ничего нельзя было изменить. Единственную вещь, которую можно изменить — это будущее. А какое же будущее хотел Шон?

Будущее, где правит насилие, хаос и грабёж? Где невинные страдают?

Или то, где царит мир и порядок?

Шон даже на мгновение не мог думать над ответом на данный вопрос.

Когда он достиг комнаты с Анимусом, он увидел, что компьютерные мониторы в большинстве своём выключены. Техник, стоя на коленях у открытой панели на полу, копался во внутренностях аппаратуры.

– Где Виктория? – спросил Шон.

Техник поднял голову:

– О, она ожидает тебя в конференц-зале.

– А где это?

– В главном здании, – ответил техник. – Тебя подвезти?

– Не нужно, – отказался Шон. – Я знаю дорогу.

Он выехал из комнаты и покатил в сторону главного здания, туда, где они оказались в первый раз, когда приехали в Аэри. Это была быстрая поездка по коридорам, к стеклянному переходу между зданиями, где он катился словно сквозь лес. Воздух в переходе был нагрет палящим солнцем, пробивающимся сквозь тени от деревьев.

Отсюда он попал в главное здание, с его гладким, блестящим полом и центральным атриумом, возвышающимся на несколько этажей вверх.

Он катил по полу, окружённый суетливой активностью, по направлению к главному большому конференц-залу. Виктория и Исайя были там, разговаривая, и, судя по всему, у них был довольно серьёзный спор.

Шон раздумывал, что бы это могло быть. Виктория повысила голос так, что он донёсся до него, сквозь стекло, а на лице Исайи появилось неодобряющее выражение. Ни один из них, казалось, не замечал Шона, так что он просто открыл дверь.

– ...нечестно по отношению к нему! – восклицала Виктория. – Мне не нравится то, как ты используешь его...

– Использую его? – спросил Исайя. – А разве мы не используем их всех?

– Но ты даёшь ему надежду этими исследованиями протезов. И он становится всё более зависимым от Анимуса. Мне это не нравится.

– Вы сейчас обо мне? – вмешался Шон, хотя ответ уже знал.

Она развернулись и посмотрели на него. Виктория выглядела смущенной, её взгляд перебегал со стола на стену и обратно, и, казалось, она смотрит куда угодно, только не в его глаза. В отличие от Исайи.

– Да, это так, – сказал директор. – Почему бы тебе не присоединиться к разговору.

– Вы серьёзно? – спросила его Виктория. – После всего, что я вам сказала...

– Он определённо достаточно умный и взрослый парень, – Исайя жестом показал, чтобы Шон подъехал поближе. – Виктория думает, что я слишком давлю на тебя.

– Я могу с этим справиться.

– Я знаю, что он так думает, – сказала Виктория. – Но он же...

– Прямо перед вами, – перебил её Шон. – Вам не нужно говорить о мне

в третьем лице.

Виктория поджала губы:

– Шон, в твоём возрасте ты наверняка не понимаешь весь риск использования Анимуса. Твоя жизнь безгранична...

– Я прошу прощения, – Шон поднял руку. – Я собираюсь остановить вас прямо сейчас, – указал он на свою инвалидную коляску. – Последние несколько лет я потратил на то, чтобы узнать, *как* я теперь ограничен. Я всё ещё пытаюсь понять, на какую жизнь я могу рассчитывать...

– Но, Шон, – произнесла Виктория, подойдя к нему и присев у его ног. – Независимо от твоей инвалидной коляски, независимо от твоих ног, ты по-прежнему остаёшься собой. Ты можешь жить любой жизнью, которой захочешь.

– Я слышал это раньше, – сказал Шон. – Грейс пыталась сказать мне что-то подобное на днях. Я понимаю это, правда. И ценю. Но если Абстерго сделает мне протезы, которые вернут мне ноги, тогда я выбираю такую жизнь. И если Анимус будет помогать в исследованиях, что также даёт мне возможность идти своими ногами, пусть и в чужих воспоминаниях, я также выбираю эту жизнь. И вам не нужно переживать обо мне.

На секунду показалось, что она хочет что-то сказать. Но, плотно сжав челюсти, она молча встала на ноги и отвернулась.

– Отлично сказано, – одобрительно кивнул Исая. – Именно это я и ожидал услышать от тебя.

Шон оценил доверие директора.

– Техник сказал, что вы хотели меня видеть?

– Да, – сказал Исая. – Я думаю, что ты должен присутствовать здесь.

– Здесь? Для чего?

– Мы собираемся встретиться с главным исследователем из департамента биоинженерии.

– Он работает над протезами?

– Да. Он должен быть здесь с минуты на минуту, с другими членами своей команды. Я хотел, чтобы вы встретились лицом к лицу, так как стоит рассказать новости.

Исая сел во главе стола, Виктория заняла место рядом с ним, но Шон буквально физически мог почувствовать ледяную стену, возникшую между ними. Через несколько минут пять человек вошли в комнату – двое мужчин и три женщины; все одетые в стандартные белые лабораторные халаты, что Шон и ожидал увидеть. Один из мужчин, рыжий, с густой бородой, кивнул Исаяе.

– Директор, Доктор Бюбо, – сказал он. – Рад вас видеть.

– Тоже рад вас видеть, Томас, – улыбнулся Исая. – Приветствую вас и

вашу команду.

Томас повернулся к Шону:

– А это тот молодой человек, чей мозг я так подробно знаю?

– Да, это он, – сказал Исайя. – Шон, это доктор Томас Маршалл.

Томас обошёл стол и пожал руку Шону.

– Рад знакомству.

– Взаимно.

– Я даже не могу выразить словами, насколько это захватывающе, – сказал Томас. – До сих пор результаты...

– Почему бы не показать нам? – сказал Исайя.

Томас кивнул и подошёл к столу, где вставил что-то вроде флешки в консоль. Свет в комнате потух, стеклянные стены переговорной помутнели, некоторые из них стали гигантскими экранами.

Появилось трёхмерное изображение мозга, с тысячами, возможно, миллионами маленьких электрических импульсов, путешествующих по сети клеток.

– Это ты, – сказал Томас. – Каждый раз, когда ты садишься в Анимус, наша карта твоего мозга становится всё более детальной. Точной. Миллионы разнообразных движений, которые совершают твои ноги, могут быть закодированы, а затем программным методом внесены в роботизированные двигательные устройства, которые затем будут прикреплены к твоим ногам.

– Сколько времени пройдёт до создания первого работающего прототипа? – спросил Шон.

– Быстрее, чем я поначалу предполагал. С Теменным Супрессором мы получаем более чистые данные, чем я ожидал. Я думаю, мы будем способны предоставить прототип через шесть – двенадцать месяцев.

– В самом деле?

Томас кивнул:

– Да. Если данные продолжат стекаться к нам, мы будем придерживаться графика.

– Тогда чего же мы ждём? – спросил Шон. – Дайте мне сесть в Анимус прямо сейчас.

Смешок прокатился по столу.

– У вас когда-нибудь был настолько рьяный доброволец? – спросил Исайя.

– Не припоминаю, – сказал Томас. – Но не переживай, Шон. Дай нам время, и мы поможем тебе.

Шон посмотрел вниз, на инвалидное кресло, на свои тощие ноги – те, на которых он вступал на футбольное поле, а люди приветствовали его. Он

сомневался, что протезы вернут ему все способности, но он примет всё, что они ему предложат.

– Отлично, – сказал Исайя. – Тогда сейчас нам стоит обсудить некоторые бюджетные и технические проблемы. Думаю, ты будешь более рад побыть в это время в симуляции, Шон.

– Я готов, – сказал Шон.

Исайя повернулся к Виктории.

– Не могли бы вы присмотреть за ним?

Виктория, которая, как внезапно осознал Шон, не произнесла за всё это время ни слова, молча кивнула и встала с кресла.

Шон повернулся к Томасу:

– Спасибо вам.

– С удовольствием, – сказал Томас. – Правда. Это то, чем я люблю заниматься.

Шон кивнул, поблагодарил Исайю и затем выкатился из двери, которую Виктория придержала для него, в главный атриум. Виктория шагала рядом с ним, прижимая свой планшет к груди. Она ничего не говорила, но выглядела так, словно в голове у неё было больше мыслей, чем она когда-либо сможет сказать. Он ценил её заботу о нём, хоть и считал, что в этом не было необходимости.

– Я в самом деле буду в порядке, – произнёс он, пытаясь её успокоить.

– Уточни что значит «в порядке», – сказала она.

– В порядке, – повторил он. – Знаете, это значит «нормально». Без проблем.

– Без проблем? – спросила она. – У нас у всех есть проблемы, Шон. И это нормально.

– Хорошо, тогда «обычные проблемы». А не... те проблемы, насчёт которых вы переживаете.

Она вздохнула и покачала головой:

– Надеюсь, ты прав.

Остаток пути до комнаты с Анимусом они преодолели в тишине.

Добравшись до места, Виктория включила оборудования и подождала, пока Шон не заберётся в ременную систему. Когда он забрался в неё, она начала его поднимать. Всё это время глубокая складка пролегла по её лбу. Шон не знал, что ему следует сказать, чтобы избавить её от беспокойства.

– Мы собираемся отправить тебя чуть дальше, – сказала она. – Митохондриодальная ДНК показывает, что у тебя есть предки в Скандинавии, десятый век.

– Скандинавия? Вы имеете в виду викингов?

– Да.

– Отлично, – протянул Шон. – Давайте немедленно займёмся викингami.

– Очень хорошо, – она вернулась за компьютеры. – Загрузка этого сегмента из твоих генетических воспоминаний займёт пару минут.

– Я могу подождать, – сказал он.

Через несколько минут ожидания Виктория развернулась на стуле.

– Томас ошибается. Мы не можем тебя починить, потому что ты не сломан.

– Скажите это рентгеновским снимкам моей спины.

– Но ты – это не твоя спина или кости.

– Может, и нет, но я был футболистом, а теперь это ушло. Со многими другими вещами.

Голова Виктории немного опустилась.

– То, что случилось с тобой, несправедливо.

– Нет. Это был просто парень, который так распорядился своей свободой воли, что сбил меня, – он всё ещё слышал гнев в своём голосе, когда говорил об этом, даже через несколько лет после аварии.

Виктория положила руку ему на плечо, так же, как это делала его мама.

– Я надеюсь, ты знаешь, что я правда хочу для тебя самого лучшего.

– Я знаю, – сказал Шон.

Она кивнула и повернулась к компьютерам.

– Симуляция загружена.

– Я слышал, что викинги на самом деле не носили эти рогатые шлемы.

Виктория засмеялась:

– Да, я тоже так думаю. Ты готов?

– Готов. Давайте встретимся с Тором.

Поначалу бледные облака Коридора Памяти не выглядели такими чистыми, как обычно, но потом Шон понял, что их окружает настоящий туман. Он стоял на носу длинного корабля, *дракара*, боевого корабля. Злобный змей, вырезанный на деревянном носу, скользил впереди них, рассекая океан и распыляя солёный туман в воздухе. Позади них сидящие на тридцати скамейках гребцы сражались с водой.

Удары волн под ногами сжимали скелет корабля. Его люди гребли под удары барабана, а ветер натягивал парус так туго, что грозился его порвать. Чайки, бакланы и скопы летали над головой, слышимые, но невидимые.

Шон никогда ещё не ощущал себя настолько живым, настолько свободным и настолько могущественным. Ни в одной симуляции, даже в

шкуре Томми Грейлинга.

– Как далеко? – спросила его сестра, подойдя сзади. Она куталась в серо–серебристый мех, её светлые волосы были откинuty назад, стянутые кожаным шнурком, её голубые глаза всё ещё чуть западали.

– Тебе нужно избегать ветра, Гирид, – сказал он. – Пока твои силы не вернутся к тебе.

– Я хочу увидеть его.

Внутри симуляции Шон знал, что она имеет в виду, потому что поток сознания его предка принёс ему это знание. Ей хотелось увидеть вход в гавань Йомсборга³⁶, крепости йомсвикингов³⁷. Она хотела увидеть первый проблеск её судьбы.

– Так она далеко, Бьорн? – спросила она.

– Зови меня Штирбьорн³⁸, – сказал он, понизив голос.

– Почему ты продолжаешь настаивать на этом имени? Для тебя оно звучит как оскорбление.

– Именно поэтому я этого и требую. За этим именем нет силы.

Она покачала головой. Её волосы растрепались на ветру, кожа побледнела. Если бы он знал, что она больна, то не взял бы её с собой, для её же блага прежде всего. Но он также знал, что она бы стала даже драться с ним, и, похоже, в любом случае отправилась бы с ним. Она больше не любила Эрика, даже ненавидела, хотя корона, которую носил их дядя, по праву принадлежала Штирбьорну.

– Недалеко, – он обнял её, чтобы ей было теплее. – Держи глаза открытыми.

– Я вижу больше, чем ты, – сказала она и мягко толкнула его локтем в бок.

Туман стелился над качающимися волнами, по которым взбирался и нырял корабль. Всё это продолжалось до тех пор, пока туман вдалеке не изменил свой молочно–серый цвет.

Гирид шагнула вперёд, её меховая накидка чуть сползла. Штирбьорн

³⁶ Йомсборг – крепость полулегендарного военного братства йомсвикингов, существовавшая в период между 960 и 1043 гг. в устье Одера. Существование крепости научными данными пока не подтверждено, тем не менее, в свете обнаружения останков хорошо укреплённых военных лагерей такая возможность учёными не исключается.

³⁷ Йомсвикинги – полулегендарное братство викингов, существовавшее в X – XI веках. Они были наёмниками и разбойниками и, вероятно, представляли собой первый прототип рыцарского ордена в Европе. Будучи язычниками, они поклонялись Одину и Тору.

Согласно «Саге о йомсвикингах», кандидаты подвергались жесточайшему и тщательному отбору и подчинялись жёстким правилам с целью поддержания строгой военной дисциплины в обществе. Тем не менее, история йомсвикингов крайне запутана и противоречива из-за нехватки информации, неаккуратности источников и отсутствия достоверных доказательств.

³⁸ Штирбьорн Всемогущий (умер примерно в 985 г.) – согласно сагам, являлся сыном шведского короля Олафа и племянником преемника Эрика Победителя. Согласно легенде, его настоящее имя – Бьорн, а приставка «Штир», которую он сам добавил, означала, что он был неугомонным, жестоким и сильным.

поднял руку, и его скипарии призвали гребцов прекратить. Корабль замедлился, и Штирбьорн начал изучать проступающие сквозь туман тени.

Наконец ворота гавани показались из тумана, словно вход в царство самого Нифльхейма³⁹. Деревянные ворота, вырезанные из самых больших деревьев, обитые красным ржавым железом, охраняли вход в гавань. Каменная арка, на которой висели ворота, с гордостью глядела вниз со всеми своими башнями и установленными катапультами.

Штирбьорн встал на самый нос корабля.

– Я сын Олафа! – проревел он. Его голос эхом отражался от окружающих скал. – Названный Бьорном, законный король Швеции! Я ищу аудиенции у вождя Палнатока!

С башни не последовало ответа, а корабль между тем нёсся к воротам, подгоняемый волнами и силой ветра.

Гирид посмотрела на него без страха, но с нетерпением.

– Я прошу открыть ворота гавани! – закричал Штирбьорн. – Или рискните обратить на себя мой гнев, если вы опозорите меня!

Прошло ещё несколько мгновений, а затем раздался далёкий звон цепей и металла. С гулом ворота начали открываться достаточно широко, чтобы прошёл корабль. Штирбьорн приказал загасить парус, и гребцы снова взялись за вёсла. Они прошли ворота и вошли в гавань Йомсборга, естественную якорную стоянку, достаточно большую для дюжины кораблей. Сам город, укрепленный каменной стеной и деревянным частоколом, стоял в конце бухты. Скипарий Штирбьорна приказал рулевому направить корабль туда, и гребцы налегли на вёсла.

– И как ты мне это объяснишь? – спросила Гирид.

– Мне и не придётся.

– Но йомсвикинги не пускают женщин в свою крепость.

– До сих пор, – сказал Штирбьорн. Если цель его прибытия сюда оправдает себя, здесь произойдёт множество других изменений.

Когда его дракар достиг пирса, Штирбьорн увидел делегацию мужчин, ожидающих его. Все они были гигантского роста, хоть и ниже его, и все они были выкованы и прокалены в боях, как и все йомсвикинги. Увидев их, Шон вспомнил знаменитый Бродвейский отряд полиции Нью-Йорка, в котором служил Томми Грейлинг.

– Зачем ты пришёл? – спросил один из мужчин с пристани.

Штирбьорн сошёл с корабля, когда его люди сноровисто зашвартовали корабль.

– Я ищу аудиенции у Палнатока.

– Как ты и говорил. Зачем?

³⁹ Нифльхейм – в германо-скандинавской мифологии один из девяти миров, земля льдов и туманов, местообитание ледяных великанов. Именно там бог Один низверг великаншу Хель.

– Это между ним и мной.

– Зачем ты привёл женщину в Йомсборг? – спросил другой из гигантов, глядя в сторону Гирид, стоящей на носу корабля.

– Она моя сестра, – сказал Штирбьорн. – Дочь короля.

Гиганты переглянулись, затем один из них сказал:

– Палнаторк решит её судьбу.

Штирбьорн кивнул и вернулся к Гирид, помогая ей сойти на причал. Вместе, рука об руку, они проследовали за делегацией с пирса, сначала через укрепления, а потом через сам город, который был не городом, а сбором бараков. Кузнецы работали, воины тренировались, плотники пилили и шлифовали.

Всё здесь, весь этот город дышал войной, кричал устрашающим голосом набегов, молча демонстрировал силу и гордился славой.

Как только делегация достигла главного зала, двери открылись, приглашая Штирбьорна и его сестру войти. Они вошли в длинную, тусклую комнату, посреди которой находился очаг с яркими красными углями, скамейками с разных сторон рядом с деревянными колоннами и штандартами, свисающими со стропил под потолком. В дальнем конце стоял мужчина, размером со Штирбьорна, с тёмными волосами и смуглой кожей, одетый в шкуру чёрного медведя.

– Подойди ближе! – гаркнул мужчина.

Штирбьорн и Гирид направились к нему.

– Что привело тебя в мой зал, Бьорн?

– Палнаторк, – произнёс Штирбьорн, подходя к вождю. – Я думаю, ты уже слышал о предательстве моего дяди.

– Я слышал, что он отравил твоего отца и отказал тебе в короне.

– Это правда, – сказала Гирид.

Палнаторк проигнорировал её и даже отказывался смотреть в её сторону.

– Я спрошу тебя ещё раз. Зачем ты пришёл сюда, Бьорн?

Штирбьорн пристально посмотрел вождю в глаза.

– Я пришёл забрать твою армию.

ГЛАВА 14

Чжи подождала, пока монгольский воин не скроется с глаз, и лишь после этого позволила себе рухнуть. Без этого последнего арбалетного болта, который она приберегла до нужного момента, она, без сомнения, была бы уже мертва. Ей хотелось убить его, но с болью в колене, лишаящей её равновесия и ясных мыслей, она бы не смогла задеть при ударе жизненно важные органы. Может, он сможет вернуться в свой лагерь, может, нет. Чжи сейчас предстояло возвращаться самой.

Стрела, попавшая ей в колено, сдвинула древком коленную чашечку, но удар ноги воина сломал ей ногу. Сейчас она не могла думать о повреждениях. Нужно было подняться на гору.

С каждым движением из её глаз текли слёзы. Она крепко сжимала челюсти, боясь, что сломает зубы, но молчала. В своих мыслях она кричала, и Оуэн слышал крик внутри её разума, переполненный агонией.

Она пыталась прыгать на одной ноге до входа в пещеру, но вскоре выбилась из сил и упала. Ползти невозможно. Единственным вариантом оставалось медленно тащиться вперёд, всхлипывая каждый раз, когда стрела задевала что-то, заставляя рану ещё сильнее кровоточить.

Постепенно, смахивая слёзы, заливающие глаза, она дошла до входа в пещеру. Она изо всех сил старалась осматриваться в поисках разведчиков и

шпионов. Убедившись в их отсутствии, она забралась внутрь. Холодная вода из источника приятно чувствовалась в её руках, так что она напилась и умыла лицо.

Здесь она чувствовала себя в безопасности; если она не шевелилась, то пульсация боли с каждым разом становилась всё слабее и слабее. Ей пришло в голову, что она прячется здесь, как раненый зверь, который ищет нору, чтобы забраться в неё и тихо умереть.

Она могла закрыть глаза, лечь на спину и позволить себе тихо уйти.

Но её отец не позволил бы этого. Она чувствовала его присутствие, словно он в самом деле был вместе с ней, заключенный в наручѣ на её руке, и это воодушевило её подняться и идти вперѣд.

Она возобновила свой подъѣм вперѣд, вглубь пещеры, чувствуя преследующие её отголоски своих же стонов, когда боль подобно кузнечному молоту обрушивалась на наковальню её сердца, выжигая всё внутри.

Сломанный кончик стрелы задевал стены, и в эти моменты боль огнѣм отдавалось в каждом позвонке. Она много раз останавливалась, чтобы отдохнуть, позволяя тьме окутывать её, только для того, чтобы вырываться из неё в последний момент и продолжать своё путешествие.

После стольких часов, которые показались ей днями, она заметила отблески света и напряженно двинулась им навстрѣчу; осталась финальная, самая тяжѣлая часть пути, но с трудом она всё же выбралась из пещеры и вступила в освещѣнный предрассветным светом мир.

Никто не заметил её, пока она ползла к Рыбацкому уступу и, забравшись, предалась блаженному отдыху перед хижиной Канга.

Здесь она ждала, качаясь на волнах боли, пока не услышала, как открылась дверь, как позади неё застучал посох Канга, а затем она увидела его самого, стоящего над ней.

– Я опоздала? – прошептала она.

– Нет, – ответил он. – Ты как раз...

Оуэн плавал в бесформенной пустоте, пока Чжи была без сознания, пребывая в благоговейном страхе перед силой и волей, которые она сейчас продемонстрировала, дистанцию, которую она прошла в таком состоянии, чтобы почтить честь и память своего отца. Он восхищался ей и лишь мечтал о том, что он мог бы быть таким, как она.

– Ты в порядке? – раздался голос Гриффина.

Его голос, раздающийся вне симуляции, отличался от голоса Монро. Гриффин был похож на диспетчера 911 – в его голосе ощущался спокойный профессионализм. Монро больше походил на Гэндальфа – приятный голос разума и мудрости с редкими, грустными ответами, но Оуэн едва ли скучал по этому.

- Я в норме, – ответил он.
- *Это было сильно.*
- Хуже уже не будет.
- *Нужен перерыв?*
- Нет, продолжаем.
- *Молодец.*

Так что Оуэн ждал до тех пор, пока Чжи не проснулась в своей постели от запаха рыбы. Она открыла глаза и увидела Канга, сидящего рядом, дремавшего прямо у стены. Она посмотрела на потолок, и, когда она попыталась пошевелиться, её колено напомнило ей обо всём, что произошло. Но когда она подняла голову и посмотрела на ногу, она увидела бандаж с маленькой красной точкой. Стрела исчезла.

Её голова упала обратно на подушку, и она услышала, как проснулся Канг. Вскрапнув, он открыл глаза.

- О, добро пожаловать.
- Как долго? – спросила она. Слова обжигали горло.
- Около трёх дней, – сказал он. – Тебе нужен был покой, и я давал сонные травы. Скорее всего, ты не помнишь, что произошло.

Она задумалась, но не могла вспомнить, что случилось после того, как она вышла из пещеры.

- Не помню.

Канг кивнул.

- И славно.

– Я убила его, – произнесла Чжи. – Хан Мунке мёртв.

– Я догадывался, – сказал Канг. – Но монгольская армия ещё не ушла.

- Уйдёт.

Старик улыбнулся.

– Когда я спрашивал у тебя, готова ли ты, то я не это имел в виду.

– Я знаю, – сказала Чжи. – Но теперь я знаю, что я дочь своего отца.

– И это так. Такая же своевольная, как твой отец.

– Я использовала этот клинок, чтобы убить хана, – подняла она руку, но, разумеется, наруча на ней не было. – Куда ты положил его?

Улыбка Канга поблекла, его брови грустно изогнулись.

- Я убрал его.

- Куда?
- Подальше.

Казалось, он чем-то огорчён, и Оуэн почувствовал, как страх начинает давить ему на плечи.

– О чём ты? – спросила Чжи.

– Ты не получишь его.

– ЧТО?! – Чжи подняла голову и повысила голос. – Почему?

– Потому что ты не займёшь место своего отца в Братстве. Ты не станешь ассасином, так что этот наруч больше не принадлежит тебе.

– С чего ты взял, что я не буду ассасином? – боль в колене начала расти вместе с гневом и растерянностью. – Потому что я ушла без разрешения? Я убила хана! Я не показала, что я достойна? Ты настолько жесток и мстителен, что...

– Нет, – поднял он руку и покачал головой. – Нет. Не из-за этого.

– Тогда почему?

– Твое колено, – объяснил он. – Оно... оно никогда не станет прежним.

Чжи снова посмотрела на свою рану. Она знала, что она серьёзна. Её обратный путь не прошёл для неё бесследно, но она ведь поправится.

– Я буду в порядке, – сказала она.

Плечи Канга опустились.

– Нет, Чжи, не будешь. Со временем ты сможешь ходить. Но никогда не сможешь бегать. Ты больше никогда не сможешь лазать, прыгать или драться.

Чжи тряхнула головой, вызвав новую волну боли, которую Оуэн ощущал вместе с ней.

– Я не верю тебе...

– Я вправлял твои кости сам, – сказал Канг. – Я видел много, много травм, и я знаю, о чём говорю.

Её жизнь, её честь забрали у неё. Дух отца покинул её. Что она будет делать? Кем она будет без него?

Оуэн не мог ей помочь, но злился на несправедливость, не только на травму, но и на старика, который, казалось, уже бросил её. Он посмотрел на Канга глазами Чжи и задался вопросом, что же с его ногой? Он ходит с посохом.

– Но ты же изувеченный старик, – выдавила Чжи, и Оуэн задумался, чьей была эта мысль, его или её.

– Теперь да, – сказал он. – Но я служил Братству много лет, прежде чем старость настигла меня и вынесла с поля боя.

Чжи снова посмотрела на потолок своей комнаты. Теперь этот дом – её тюрьма.

– За то, что ты сделала ради нашего народа и Братства, я благодарен тебе, – Канг встал, опираясь на посох, и, сохранив равновесие, продолжил: – Братство будет присматривать за тобой, чтобы ты ни в чём не нуждалась до конца своих дней.

– Потому что теперь я бесполезна, – сказала Чжи.

– Неправда, – возразил Канг. – Но ты больше не сможешь принести пользу Братству как ассасин. Как герой ты бесценна, несмотря на то, что другие могут не знать о том, что ты сделала.

Его слова не успокоили её. Ничто не могло заполнить ту пустоту, которую он вырезал в ней только что. Но он попрощался с ней и оставил её в одиночестве.

После того как он ушёл, она лежала и осознавала, что не Канг создал эту пустоту. Она чувствовала эту пустоту в душе с тех пор, как не стало её отца. Она наполнила эту пустоту мстью, целью и ненавистью. Но пустота с радостью приняла эти дары и пожирала их, становясь всё больше и требуя всё больше.

Оуэну были хорошо знакомы её чувства. Он нёс в себе эту пустоту тоже. Ему удалось заполнять и игнорировать её, но под тяжестью скорби Чжи эта защита начала рушиться, как картонный домик.

– Гриффин, – сказал он. – Мне нужно выйти.

– *Выйти?*

– Да.

Он не хотел объяснять почему, но Гриффин не спрашивал.

– *Дай мне минуту.*

Оуэн ждал. Чжи начала рыдать.

– *Окей, симуляция завершится... сейчас.*

На этот раз стресс от выхода из симуляции был предпочтительнее боли, когда он был в ней.

Оуэн закрыл глаза и открыл их уже в Коридоре Памяти, напоминая себе, кто он такой. Но сейчас ему было трудно избавиться от горя Чжи из-за собственных чувств, которые она невольно разбередила.

– *Готов выйти?*

– Готов, – ответил Оуэн.

Ещё одно реалистичное землетрясение в его мозгу, а затем он снова оказался лежащем в ассасинском логове, в подвале старого аварийного дома. С головы стянули шлем, и Гриффин отсоединил его. Хавьер стоял рядом, наблюдая за ним.

– Ты в порядке? – спросил его друг.

– Я не знаю.

– Мы всё видели. Это было жестоко, чувак.

Гриффин отошёл, и Оуэн сел, чувствуя себя очень тяжело.

– Да, так и было.

– И никаких следов Частицы Эдема в дальнейшем, – сказал Гриффин. – Так близко.

– Не думаешь, что возвращаться – пустая трата времени? – спросил Оуэн. Он не хотел возвращаться. – Похоже, Чжи видела Частицу в шатре, но это всё.

– Скорее всего, ты прав, – сказал Гриффин. – Нам нужна новая зацепка.

Оуэну тоже нужна была новая зацепка. Что-то. Что угодно.

Всё, о чём он мог сейчас думать – это об отце, о том, как он тоскует по нему. Он чувствовал такое отчаяние, что он, казалось, взорвётся изнутри прямо сейчас, став человеческой чёрной дырой, бесконечно разрушающей саму себя. Ничто и никто не убеждали его – ни мать, ни дедушка с бабушкой, ни тот психотерапевт, к которому они его водили – ничего не могло остановить этот процесс.

Монро облажался, когда пытался предостеречь его от Эффекта Просачивания.

– Ты голоден? – спросил Гриффин.

– Нет, – сказал Оуэн, задыхаясь, или он просто не вдохнул воздуха в грудь.

– Иди сюда, – позвал Хавьер, подойдя к большому столу. – Я хочу показать тебе кое-что.

– Что? – спросил Оуэн. Его ноги сразу корнями вросли в пол.

– Просто взгляни.

Оуэн пересилил себя и, с трудом переставляя ногами, пересёк подвал, подойдя к Хавьеру. Затем взглянул на предметы, лежащие на столе.

Файлы, бумаги и пакеты, похожие на те, которые он видел в полицейском участке. Но имя, написанное на этих пакетах фломастером, бросилось ему в глаза. Это имя его отца. Он снова взглянул на файлы и обнаружил, что на них тоже написано это имя.

– Что это такое? – спросил Оуэн.

– Улики из дела твоего отца, – сказал Хавьер. – Подумал, что ты захочешь на них взглянуть. Посмотреть если они что-то упустили.

– Как...?

– Хавьер постарался, – сказал Гриффин, и, судя по неодобрительному тону, ассасин не был рад этому. – Он вломился на полицейский склад и украл их.

Оуэн повернулся к другу.

– Это правда?

Хавьер кивнул.

– Но ты даже не представляешь, как скучно здесь было. Я хотел что-то сделать.

Оуэн не верил своим глазам. Он снова посмотрел на стол. Среди всего он заметил маленький пакет. В нём лежала ватная палочка.

– Что...?

Но Оуэн не договорил, так как понял, что это.

– Это его ДНК.

– Похоже на то, – сказал Гриффин. – Образец слюны.

– Но взята *после* ограбления, – заметил Оуэн.

Хавьер ухмыльнулся.

– Значит, у тебя будут воспоминания о том ограблении.

– Я должен попасть в эту симуляцию, – сказал Оуэн.

– погоди-ка, – произнёс Гриффин, посмотрев на обоих. – Да, с правильным оборудованием ты бы смог. Но наш Анимус на это не способен. Ему нужен живой субъект, участвующий в симуляции собственных генетических воспоминаний.

– Но где-то же должен быть Анимус, способный на это, – произнёс Оуэн.

Гриффин кивнул ему в знак согласия.

– Да. Он существует. И называется Хеликс. Абстерго разработало его после Анимуса. Но для того, чтобы использовать его, тебе придётся загрузить декодированное ДНК твоего отца в базу данных Абстерго...

– У ассасинов нет своего собственного Хеликса? – спросил Оуэн.

Гриффин жестом обвёл комнату:

– Я думаю, ты не осознаёшь, насколько этот Анимус на самом деле редок. Непохоже на то, чтобы Братство выпускало его, как скрытые клинки.

Но Оуэн снова почувствовал надежду, и она заполнила его пустоту лучше, чем ненависть и месть Чжи, которыми она заполняла свою.

Эмоциональные последствия симуляции исчезли. Оуэн теперь верил, что у него есть шанс наконец сделать всё правильно. Доказать бабушке с дедушкой, всему миру и собственной матери, что его отец невиновен. Ему только нужно найти нужный тип Анимуса.

Он повернулся к Хавьеру. Последние несколько лет Оуэн думал, что его другу всё равно. Но Хавьер рисковал собой, чтобы найти именно то, что искал Оуэн. Он взял пакет с палочкой и с маленьким подступившем комом к горлу произнёс:

– Спасибо.

Хавьер хмыкнул.

– Не переживай насчёт этого. Как я сказал, здесь было ужасно скучно.

– Что не отменяет того факта, что тебя могли поймать, – вставил Гриффин. – И это не самая главная проблема, с которой нам стоит разобраться.

Оуэн засунул пакет с палочкой в карман.

– Верно. Частица Эдема.

– Именно. Мне нужно доложить Гэвину, что эта симуляция – тупик. Может, Ротенберг сможет направить нас.

– Кто такой Ротенберг? – спросил Оуэн. – Ты знаешь?

Гриффин подошёл к другому компьютерному терминалу. Он залез в пару папок и наконец кликнул на какой-то файл. Открывшаяся картинка показывала общие человеческие черты, не было даже понятно кто это, мужчина или женщина. Гриффин показал на экран:

– Это всё, что у нас есть.

– Но ты доверяешь ему? – спросил Оуэн.

– Или ей? – добавил Хавьер.

– Да, – ответил Гриффин. – Данные Ротенберга всегда оказывались верными.

– Но этот человек может быть двойным агентом или что-то типа того? – спросил Оуэн.

– Нет, – возразил Гриффин. – Ротенберг никогда ничего не просил взамен. Если бы это когда-нибудь случилось, Гэвин порвал бы все контакты.

– И что мы будем делать, если Ротенберг не скажет нам ничего нового? Гриффин повернулся к компьютерному терминалу.

– Пока что смотреть и ждать. Оба помолчите немного. Мне нужно связаться с Гэвином.

Оуэн и Хавьер вернулись к столу. Оуэн пролистал несколько файлов и отчётов. Казалось, здесь есть всё, от пулевых осколков, до записей с камер видеонаблюдения. Это было дело против его отца, и Оуэну не терпелось начать искать в нём дыры.

– Было трудно его достать? – спросил он.

– Ничего такого, с чем я не смог бы справиться, – сказал Хавьер. – Я попрактиковался в вождении. И узнал, какую дыру в заборе сделает граната.

– Значит, это того стоило.

– Определённо.

– Тогда, это ты должен благодарить меня.

– Вероятно.

Тихий голос Гриффина доносился до них, и через плечо ассасина Оуэн увидел лицо Гэвина на экране. Он попытался услышать, о чём он говорит, но не мог разобрать. Через пару минут дисплей погас. Гриффин отошёл от компьютера и подошёл к ним.

- Ротенберг не выходил на связь, – сказал он. – Никаких новых данных.
- Тогда что нам делать? – спросил Хавьер.

Гриффин упёрся кулаками в стол.

– У нас есть предположение, что у тамплиеров есть кто-то из ваших друзей с правильными генетическими воспоминаниями. Твои не подошли Оуэн, но их – могут.

Оуэн уже понял это. Ассасинам нужен кто-то с нужной ДНК, если они хотят обойти Абстерго в гонке за Зубцом Трезубца. Но у кого из них правильное ДНК?

- Задача изменилась, – сказал Гриффин. – Цель поменялась.

- Цель в смысле Частица Эдема? Другой зубец? – спросил Оуэн.

– Нет, – сказал Гриффин. – Цель – группа лиц. Я собираюсь проникнуть в комплекс Абстерго и вытащить ваших друзей.

ГЛАВА 15

Каждую минуту Дэвид ожидал, что Исайя и эта боевая дама, Коул, придут за ним. Если они собираются *устранить* Оуэна и Хавьера, то что мешает им сделать то же самое с ним?

Страх не отпускал его ночью и продолжал преследовать днём. В какой-то момент он почти убедил себя, что это недопонимание, искажение звука, фраза, вырванная из контекста. Разговор шёл о чём-то другом, и Дэвид пропустил часть; тогда это имело смысл.

Виктория получила запись с камер видеонаблюдения, чтобы посмотреть, где той ночью бродил Дэвид. Но к счастью, это ещё не произошло. Наталья, судя по всему, подобралась ближе к Частице Эдема в своей симуляции, а Шон полностью погрузился в новые исследования мозга, так что они оба держали Викторию постоянно занятой, и это дало Дэвиду время.

И сегодня его отец приезжал навестить их.

Дэвиду предстояло принять решение, останется ли он здесь или нет. Он мог попросить отца забрать его домой. Ему даже не пришлось бы

рассказывать из-за чего. Его папа, скорее всего, ему не поверит, как и остальные. Дэвид просто мог сказать, что с него здесь хватит.

Но уедет ли тогда с ним Грейс?

Это была самая трудная часть. Грейс, скорее всего, захочет остаться, и Дэвид не знал, захочет ли он оставлять её.

Когда он вошёл в комнату отдыха, Грейс уже сидела там, завтракая, так что он сел рядом с ней.

Шон был здесь, Наталья тоже.

– То есть ты её видела? – спросила Грейс.

Наталья съела ложку ягодного йогурта и кивнула.

– Ты уверена, что это Частица Эдема? – спросил Шон, немного нахмурившись, будто завидовал.

– Ага, – сказала Наталья. – Это кинжал, такой же, как в Нью-Йорке.

Дэвиду не казалось, что она счастлива, найдя его, особенно учитывая, что это главная причина, по которой они все здесь.

– Тогда у нас уже есть два зубца, – сказала Грейс.

– Остался ещё один, – добавил Шон.

Дэвид переводил взгляд с Грейс на Шона. Они говорили об этом так, словно это была гонка, и они шли к финишной прямой ноздря в ноздрю. С этого момента он понял, что Грейс отсюда не уйдёт. Она никогда не избегала соперничества.

– Мы всё ещё не знаем, где первый зубец, забыли? – одёрнула их Наталья. – Может, он у Монро, но может, и нет. И я на самом деле не знаю, куда, в конце концов, денется второй.

– Где он сейчас? – спросил Шон.

– Мой предок с группой телохранителей сопровождают тело хана обратно в Монголию для его захоронения. Это где-то тринадцать сотен миль пути. Но я видела кинжал с доспехами хана в огромной повозке.

– Они собираются захоронить всё это вместе с ним? – спросил Шон.

Наталья пожала плечами:

– Наверное.

– Так мы её и найдём, – сказала Грейс.

– Так *Исайя* её найдёт, – поправила Наталья.

Грейс обернулась к Шону:

– Какая у тебя симуляция сейчас?

– Я – викинг, – произнёс Шон, откинувшись на спинку своего инвалидного кресла, выпрямившись, словно старался казаться выше, когда

говорил об этом. — Я вызвал на поединок другого парня за право вести за собой Йомсвикингов.

— Каких—каких викингов? — переспросил Дэвид.

— Йомсвикингов. Лучшие из лучших.

— Исайя думает, что Частица Эдема там? — спросила Грейс.

— Не уверен, — ответил Шон. — Но...

Виктория вошла в комнату, улыбнулась и произнесла:

— День посещений. Грейс, Дэвид, ваш отец здесь.

Они оба встали из-за стола и направились к дверям. Дэвид всё еще не знал, что ему следует сказать. Они вышли из здания и пошли по стеклянному коридору. День был пасмурным, и здесь, на горе, облака казались ближе и тяжелее.

Прежде чем они дошли до конца, Грейс остановилась и взялась за руку Дэвида:

— Ты же не собираешься выкинуть что-то глупое?

Он повернулся к ней лицом:

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду всю эту сумасшедшую историю.

— Это не история. Это правда.

— Не мог бы ты на минутку забыть о ней? Прислушайся к себе.

Оглянись вокруг. Ты в самом деле думаешь, что люди здесь убивают детей?

— Помнишь Босса Твида? Тогда, в Нью-Йорке? — сложил Дэвид руки на груди. — *Эти люди* занимаются тем же самым.

— Занимались, — кивнула она. — Сто пятьдесят лет назад. Многие люди тогда убивали других людей. Таких, как мы. Помнишь?

Её вопрос ударил его, сдавив тисками грудь. Его предок, Абрахам, был убит во время Бунтов Призыва кучкой расистских ирландских бандитов. Он старался не вспоминать об этом. Эти воспоминания заставляли его чувствовать боль, злобу и бессилие. Ни одного из этих чувств он не желал.

— Не приплетай это, Грейс.

— Прости. Я просто пытаюсь помочь тебе увидеть правильный путь.

Он отвернулся от неё и продолжил идти:

— Я на правильном пути, Грейс.

Она поспешила догнать его.

— Но ты ведь не собираешься говорить ничего отцу? Верно?

— Я ещё не решил.

— Дэвид...

— Я же сказал, что ещё не решил. — Он толкнул дверь, и они вошли в огромный атриум главного здания Аэри. Помещение было большим и

достаточно открытым, чтобы поглощать любое эхо. Дэвид прошёл мимо растений и спустился по широкой лестнице в главный холл. Грейс шла следом, и он знал, что она хотела продолжить спор, но не могла, потому что она не хотела начинать спор, когда они уже прошли двери, иначе отец обязательно спросит, что происходит.

Пройдя холл, они приблизились к отцу, который встал с одного из кресел, улыбаясь. Он был в своём тёмно-синем костюме, белой рубашке с пуговицами и без галстука.

— Рад вас видеть, — сказал он медленно направляясь к ним, широко разводя в сторону руки.

Дэвид и Грейс обняли его, каждый со своей стороны, и после этого они втроём сели за один из столов.

— Ну и как вы оба? — их отец положил руки на стол, его крепкие руки сварщика сжались вместе. — Дэвид?

Грейс коротко бросила на Дэвида многозначительный взгляд, который он пытался игнорировать.

— Я в порядке.

— А ты, Грейс?

— Я тоже, — ответила она. — Ты сбрил бороду.

— Ага, — он потёр щёку и челюсть. — Ты всё ещё в симуляции нашего вангарийского предка?

— Больше нет.

Отец неодобрительно поджал губы, в таком виде он был большую часть времени, хоть сам не осознавал этого.

— Досадно. Я думал, что это будет хорошим опытом для тебя.

Образовательная система в наши дни считает, что наша история началась с рабства. Но до этого существовали королевства в Африке, где...

— Я знаю, папа, — сказала Грейс.

Он повернулся к Дэvidу:

— А как твой прадед?

— Он пилот — ас, — сказал Дэвид.

— Да, это так. Он заслужил уважение у каждого офицера, под началом которого служил. Однажды он дал мне примерить свою лётную куртку. Она была для меня такой огромной.

— На мне сидит идеально, — пошутил Дэвид. Его отец рассмеялся.

— Ты знаешь, его отец летал с Гарлемскими Адскими Бойцами⁴⁰ во время Первой мировой войны. Может, тебе дадут пережить эти воспоминания тоже.

⁴⁰ Гарлемские Адские Бойцы — прозвище 369-го пехотного полка, воевавшего в обе мировые войны и также состоявшего преимущественно из афроамериканцев. Адовыми их прозвали немцы из-за их жесткости и того, что они не потеряли ни одного бойца в плену. Был первым полком, который полностью изменил мнение белых американцев об афроамериканских солдатах.

– Может быть, – сказал Дэвид.

Затем их отец стал серьёзен.

– Я всегда говорил вам, насколько важно, откуда вы. Кто вас окружает. Кто ваша семья. Чего стоило, чтобы вы стали теми, кто вы есть сейчас. Но эта возможность лучше всего того, чему я когда-либо обучал вас самостоятельно. Вы... вы живете этим. – Он взял паузу и прочистил горло. – Мне хотелось бы, чтобы вы начали эти приключения вместе с Абстерго. Я так понимаю, что они ещё не поймали Монро.

– Нет, – подтвердил Дэвид.

– Это настоящее преступление – то, что он сделал с вами и остальными. Я бы никогда не позволил вам переживать события Бунтов Призыва. Есть вещи, которых вы не должны никогда видеть, даже в симуляции. Я довольно чётко разъяснил об этом директору и доктору Бюбо.

– Мы в порядке, пап, – сказала Грейс.

Дэвид промолчал.

– Ты счастлива здесь? – спросил её отец. – Грейс, ты присматриваешь за братом?

– Пытаюсь, – сказала она с намёком, который Дэвид едва распознал.

– Я знал, что могу положиться на тебя, – улыбка вернулась на его лицо. – Поэтому я и согласился на всё это, и теперь я доволен этим соглашением.

Дэвид почувствовал, что сейчас идеальный момент, чтобы попросить отца забрать его. На самом деле их отец был вполне открыт для разговора о невозможности их пребывания здесь. Но у Дэвида не было правдоподобной причины, которую он мог бы предоставить своему отцу. В другом случае ему пришлось бы рассказать про заявления Исайи об убийствах, которые, как показала Грейс, звучит слишком неправдоподобно и невероятно.

– Пойдёмте перекусим, – предложил отец.

– Куда? – спросила Грейс.

Этот момент прошёл.

И Дэвид понял, что он застрял в Аэри. Пока что.

Он и Грейс провели несколько часов со своим отцом. Тяжелые облака разразились дождём, который, проходя сквозь деревья, чувствовался туманом, стелящимся сквозь листву, наполняя воздух запахом мокрых листьев и сосновой хвои.

Все вместе они съездили к подножию горы, где посетили китайский ресторанчик, а затем отец подвёз их обратно к комплексу и попрощавшись, уехал.

После они провели остаток дня, предоставленные самим себе. В выходные, когда обычно приезжали родители, сессии в Анимусе не проводились. Определённо, это была идея Виктории. Дэвид считал, что, будь воля Исайи, они проводили бы в симуляциях абсолютно всё время, 24 часа 7 дней в сутки без перерывов и выходных. Так что Дэвид и Наталья сели смотреть фильм в комнате отдыха. Чуть позже приехал Шон, потом Наталья, и все вместе они отправились на ужин. Никто не говорил о Частицах Эдема, как было днём ранее.

Сегодня повара Аэри приготовили великолепный суп с картофелем и сардельками. Дэвид навернул уже две тарелки и подумывал о третьей, когда в комнату вошёл Исайя и Виктория следом за ним.

С первого взгляда было заметно, что что-то не так.

Исайя был зол, и живот Дэвида внезапно свело, в голове промелькнула мысль, что лучше бы он ничего не ел.

– Я надеюсь, вы хорошо провели время вместе со своими родителями, – сказал Исайя, но в его голосе не было и намёка на заботу. Он даже не стал дожидаться ответа. – Но сейчас мы должны обсудить более важные вещи.

– Какие? – спросил Шон.

Исайя взглянул прямо на Дэвида:

– Юношеское любопытство.

Теперь на Дэвида уставились Грейс, Наталья и Шон.

– Думаю, Дэвид знает, о чём речь, – продолжил Исайя. – Возможно, он даже рассказал обо всём вам.

Не было смысла скрывать или отрицать это. Они просмотрели записи с камер видеонаблюдения, определённо.

Дэвид наклонился вперёд и, уперев локти в стол, скрестил руки.

– Я сказал им.

– Что ты им сказал? – спросила Виктория.

– Это неважно, – ответил Исайя. – Важно то, что Дэвид покинул свою комнату посреди ночи и скрытно проник в закрытую зону. Это крайне небезопасно. Гараж не освещён полностью, а машины в нём могут перемещаться в любое время суток. Что если бы тебя сбили? Что если бы ты случайно заперся где-нибудь? Правила созданы не для того, чтобы скрывать что-то от вас, а чтобы вы были в безопасности. Это наша главная забота.

Дэвид не был уверен, как ему вести в этой ситуации. Пока что всё шло как лекция в ответ на нарушение правил, а не как приказ на ликвидацию. Он немного расслабился и подумал, что, возможно, он всё-таки неправильно понял разговор, который невольно подслушал.

– Так что же мы будем делать? – спросил Исая. – Вы знаете, насколько вы важны, и как важно то, чего мы всё пытаемся достичь. Мы пока что не нашли местоположения остальных Частиц Эдема и до сих пор точно не знаем, что именно нашёл Монро в ваших ДНК. Но в то же время я не буду ставить под угрозу безопасность этого комплекса. Обычно такие проступки служат основанием для увольнения. Для всех вас.

– Что? – взгляд Шона, метнувшегося молнией в сторону Дэвида, был ещё хуже, чем Грейс. – Но мы не имели никакого отношения к его ночным прогулкам!

– Я в курсе, – согласился Исая. – И я не думаю, что Дэвид на самом деле хотел причинить какой-либо вред. Как я и сказал, юношеское любопытство.

– Так вы не отправите нас домой? – спросила Грейс.

– Я бы хотел этого избежать. Так что давайте назовём это испытательным сроком.

– С какими условиями? – спросила Наталья.

– Ваши комнаты теперь будут заперты на ночь. В случае чрезвычайной ситуации они автоматически откроются. Но в нерабочее время вы будете находиться там.

– Как домашний арест, – сказал Дэвид.

Исая поднял брови и кивнул:

– Можете думать об этом в таком ключе. Аналогия понятна.

– То есть мы заключенные, – сказала Наталья.

– Разумеется, нет, – сказал Исая. – У вас есть выбор. Можете позвонить своим родителям, и они заберут вас. Но если вы хотите остаться и продолжать быть частью важной работы – то это мои условия.

Исая посмотрел в глаза каждому. Виктория стояла позади него, и Дэвид не мог прочитать её выражение лица. Взгляд Шона в сторону Дэвида чуть смягчился, но не слишком. Наталья не выглядела рассерженной на него, в отличие от Грейс. Он знал, о чём его сестра думала. В её голове она кричала на него за то, что он опять втянул её в неприятности. В конце концов, Дэвид не был виноват в том, что их отец всегда заставлял Грейс чувствовать ответственность за него. Дэвид никогда не просил об этом.

– Так что скажете? – спросил Исая. – Должен ли я позвонить кому-то из ваших родителей? Думаю, они смогут приехать и забрать вас до наступления ночи.

– Я остаюсь, – сказал Шон. – Я всё равно не планировал покидать комнату ночью.

– Я тоже, – сказала Грейс. – И прошу прощения за моего брата.

Дэвид закатил глаза. А Виктория посмотрела на Наталью.

– Что насчёт тебя? – спросил у Натальи Исая.

– Я остаюсь, – сказала она. – Но я всё ещё чувствую себя пленницей.

– Надеюсь это изменится, – сказал директор. Он повернулся к Дэвиду. – А что насчёт тебя? Наш автомобильный энтузиаст?

Это подтвердило то, что Дэвид и ожидал: они видели, как он забрался в реактивный автомобиль на записях с камер видеонаблюдения. Но, может, Исая думал, Дэвид не мог слышать их с Коул разговор внутри машины, поэтому не предпринял никаких более решительных мер, нежели запираание дверей на ночь.

Если Дэвид хочет заставить Исайю поверить в это, то ему надо показать, что он ничего не боится и хочет остаться.

– Всё в порядке, – сказал Дэвид.

– Больше никаких ночных экскурсий? – уточнил Исая.

– Нет, если моя дверь будет закрытой, – ответил Дэвид.

Исая кивнул:

– Я рад, что мы пришли к пониманию. А теперь я вас покину.

С этими словами он развернулся и вышел из комнаты.

Виктория улыбнулась:

– Увидимся завтра утром перед симуляциями.

Они ушли, и, как только дверь закрылась, Грейс поднялась на ноги:

– Когда ты наконец повзрослеешь?

– Когда ты наконец отстанешь? – спросил в ответ Дэвид.

– Когда ты наконец перестанешь вести себя как ребёнок!

– Так, послушайте, – прервал их Шон. – Мне абсолютно плевать, повзрослеешь ли ты, Дэвид, или нет. Но ты больше не подставишь нас всех. Понял? Кто-то воспринимает всё это серьёзно. Например, я.

– И я тоже, – поддержала его Грейс.

Дэвид покачал головой. Он мог чувствовать, как его уши полыхали огнём и пересохли губы.

– Пофиг.

– Пофиг? – повторила Грейс. – Ты не можешь мне говорить «пофиг».

– На самом деле, – ответил Дэвид. – Я думаю...

– Меня уже начинает тошнить от ваших ссор, – снова прервал его Шон. – Я хочу знать лишь одно: что ты больше не доставишь мне проблем. Или остальным из нас. Окей?

Дэвид поправил очки и уставился в стол.

– Окей? – вслед за Шоном спросила Грейс.

Дэвид кивнул. Еле–еле.

– Отлично, – сказал Шон. – Тогда я в свою комнату. Увидимся утром. – и он уехал из комнаты отдыха.

– Я тоже собираюсь, – сказала Грейс. – С меня на сегодня хватит.

Она тоже ушла, и Дэвид остался наедине с Натальей.

Он сидел с ней несколько минут и, когда чуть успокоился, обратился к ней:

– Ты молчалива.

– Я думала.

– Насчёт чего?

– Моей симуляции.

– А что насчёт неё?

Она колебалась, но всё же сказала:

– Думаю, я приняла решение. Я не хочу, чтобы Исайя нашёл Частицу Эдема.

ГЛАВА 16

Хавьеру нравилась идея спасательной миссии, но не идея остаться при этом в стороне, ничего не делая, а в настоящий момент Гриффин не выглядел так, словно собирался взять их с собой.

– Мы нужны тебе, – ответил Хавьер.

– Да? – усмехнулся Гриффин. – С чего бы это?

– Наши друзья не знают тебя. С чего ты взял, что они сбегут с тобой? Что, если тамплиеры убедили их, что ассасины «плохие парни»?

Оскал Гриффина мало походил на усмешку.

– Поверь мне, я могу забрать людей против их воли.

– Четырёх подростков? – вступил в спор Оуэн. – Это будет непросто.

– Выполнимо, – произнёс Гриффин.

– Но проще с нами, – сказал Хавьер. – Они пойдут с нами.

– О, ты в этом так уверен? – спросил Гриффин.

– Да, – хором ответили Оуэн с Хавьером.

Ассасин покачал головой:

– Это не полицейский склад, в который ты вломился. Это исследовательский комплекс Абстерго. Безопасность там выше, чем у некоторых глав государств.

– Ещё одна причина взять нас с собой, – сказал Хавьер. – Как ты собираешься вызволить оттуда четырёх человек, которые не доверяют тебе?

– Вы ещё не обучены до конца, – Гриффин отвернулся и подошёл к столу, стоящему под стеной, увешанной оружием, – и будете обузой.

– Ты взял нас с собой на гору МакГрегор, – заметил Оуэн.

– Потому что вы нужны были мне для опознания Частицы Эдема.

– А теперь мы нужны тебе, чтобы наши друзья опознали *нас*, – сказал Хавьер.

Гриффин вытащил из наруча что-то, напоминающее аккумулятор, и заменил его другим. Хавьер понял, что это элемент питания электроклинка. Затем ассасин стал устанавливать на наруч другие приспособления. Стреляющее дротиками оружие, какие-то электронные устройства с антеннами и сенсорными экранами.

– В прошлый раз, когда я взял тебя с собой, ты ослушался прямого приказа, – проговорил ассасин, обращаясь к Оуэну.

– Это не повторится, – пообещал Оуэн.

– Кроме того, – сказал Хавьер. – Я думаю, мы нужны тебе. Ты был зол, когда Ребекка ушла, потому что, как мне кажется, ты волновался. Не думаю, что ты в восторге от идеи проверить это всё в одиночку.

Гриффин кивнул.

– Может, ты прав насчёт этого.

– Так позволь нам помочь, – сказал Хавьер. – Ты тренировал нас. Так дай нам воспользоваться этим.

Гриффин рассовал по карманам своей кожаной куртки ещё несколько гаджетов и различное оружие и наклонился над столом.

– Хорошо.

– Хорошо? – переспросил Оуэн.

– Да, – кивнул Гриффин. – Экипируйтесь.

Хавьер с Оуэном переглянулись и присоединились к Гриффину, склонившемуся над столом. Хавьер выбрал свой привычный набор снаряжения. Он действительно пристрастился к пистолетному арбалету, но в этот раз Оуэн взял такой же.

– Чжи использовала похожий, – сказал он. – В каком-то смысле я использовал его. Он спас её жизнь.

– Тогда лучше взять, – ответил Хавьер. Затем он взял несколько обычных гранат, которые он использовал до этого. Но на столе и стене были гаджеты и оружие, которое они не видели в гараже Гриффина. Он взял один из контейнеров, размером с банку газировки. – Что это?

– Болевая граната, – пояснил ассасин. – Высвобождает немного энергии в диапазоне сверхвысоких частот. Поджаривает верхний слой кожи. Боль, словно лежишь на кровати из гвоздей, но не летально, даже если думаешь, что сейчас умрёшь.

Хавьер сунул её в карман.

– А это? – спросил Оуэн, взяв в руки пистолетоподобный девайс.

– Лазерная указка, – ответил Гриффин. – Направь в лицо цели – и временная слепота обеспечена.

– Большинство из этого оружия нелетальное, – заметил Хавьер.

– Потому что ассасин – сам по себе оружие, – ответил Гриффин. – Государства убивают без разбора своими дронами и бомбами. Тамплиеры готовы пойти на жертвы невинных ради достижения своих целей. Но мы другие. Ассасины убивают только тех, кого намерены убить, и только в соответствии с нашим Кредо. Перед лицом нашей цели мы честны, не отрицаем того, что делаем, и не трусим. В тот момент, когда мы позволим кому-то или чему-то убивать вместо нас, мы становимся не лучше тех, с кем сражаемся.

Хавьер увидел в этом своеобразный кодекс чести.

– Заканчиваете экипироваться. Пора выдвигаться.

Хавьер прихватил ещё несколько гранат и стрел к арбалету, а оглянувшись, увидел, как Оуэн стоит над столом с уликами из дела своего отца.

– Эй, – подошёл к нему Хавьер. – Мы займёмся этим, когда вернёмся. Окей?

– Верно, – кивнул Оуэн. – Окей, идём.

Они проследовали за Гриффином вверх по лестнице и пересекли заросшую лужайку, подойдя к сараю, где Хавьер припарковал машину.

– Полагаю, ты не заправил машину, так ведь? – уточнил Гриффин.

Хавьер ничего на это не ответил, но схлопотал тычок локтём от Оуэна за это.

– Залезайте, – сказал Гриффин.

Оуэн сел на переднее пассажирское сидение, Хавьер забрался назад, став ждать, когда Гриффин заправит машину из большой канистры. Покончив с этим, ассасин сел за руль, завёл двигатель, и они тронулись.

Уже довольно давно перевалило за полдень, и, по расчетам Гриффина, они должны были добраться до комплекса Абстерго за несколько часов.

– Он называется Аэри, – сказал Гриффин.

– Аэри? То есть – орлиное гнездо? – спросил Хавьер. – Это же вроде ваша орлиная тема? Ну знаешь там, Орлиное зрение и всё такое.

– Уверен, что тамплиеры знали об этом, когда называли так комплекс.

Они съехали на шоссе и повернули на север, недолго проехав вдоль предгорья, и вскоре вновь повернули на восток, направляясь через холмы к горам. Пока они забирались всё выше и выше, деревья становились всё выше и толще, а небо затянуло облаками. Вскоре по лобовому стеклу забарабанили капли дождя, и настал вечер.

Достигнув высоты, на которой в ушах у Хавьера стало шуметь, Гриффин съехал с дороги и остановил машину.

– Отсюда пойдём пешком, попытаемся обойти охрану Абстерго.

Хавьер выглянул из окна. Вода потоком катилась по склону асфальтированной горной дороги.

– Надеюсь, эти капюшоны не пропускают воду.

– Не пропускают, – подтвердил Гриффин. – В отличие от нытья.

– Хорошо подмечено, – произнёс Оуэн ровным голосом.

– Послушайте, – Гриффин прочистил горло. – С этого момента всё ваше внимание переключается на меня, вы делаете всё в точности, что я вам скажу. Мы в нескольких милях от объекта, но вскоре начнутся зоны с камерами и электронными сенсорами. Мы должны их избежать.

– Каким образом?

– Орлиное зрение. Похоже, оно есть у вас обоих. Используйте его, чтобы найти системы обнаружения и избежать их.

– Понял, – сказал Хавьер, несмотря на то, что внезапно он начал нервничать. Ему ещё не удавалось использовать своё Орлиное зрение так же легко, как это делал Оуэн.

– В этом комплексе пять зданий. Ваши друзья в одном из них. Давайте вытащим их.

Открыв двери, они ступили под дождь. Гриффин оказался прав: куртка и толстовка с капюшоном не пропускали воду, только случайные капли попадали на щёки и нос.

– Нам нужно двигаться быстро, – сказал Гриффин. – Вы уже видели технологии против ассасинов по отслеживанию наших призрачных сигнатур. Нам нужно обойти их.

Воздух здесь был более холодным и чистым, не загрязненным выхлопными газами и испарениями города. Хавьер сделал глубокий вдох и словно очистился.

- Готовы, парни? – спросил Гриффин.
- Готов, – кивнул Оуэн.
- Готов, – кивнул Хавьер.
- Тогда идём, – сказал Гриффин.

Он помчался к лесу, и Оуэн с Хавьером последовали за ним. Земля была довольно ровной и мягкой, сосновые иголки и листья толстым слоем укрывали поверхность. Высоко выросшие деревья широко раскидывали ветви, которые немного защищали от дождя. Тут и там они взбирались по большим серым камням и пересекли несколько несущихся потоков, раздувшихся из-за дождя.

Как только они двинулись, Хавьер активировал своё Орлиное зрение. Эта способность не была тем, что он мог вызвать силой. Тут всё дело было в расслаблении своего внимания, словно ты играешь в футбол и готовишься к пенальти. В такие моменты Хавьер отгораживался от давления, которое на него оказывали крики, погода, другие игроки. Он просто позволял телу сделать всю работу. Так же было и сейчас. Его разум собирал образы, запахи, звуки и ощущения окружающей его среды, информацию, которую Хавьер даже не осознавал.

Когда они достигли первой инфракрасной камеры, Хавьер знал, что она там. Он подумал, что, может быть, он сможет почувствовать зону, которую она просматривала, и избежать её.

И втроём они смогли сделать это.

Они прошли через деревья, ступая тише дождя, и Гриффин указал на группу проводов, стелящихся по земле. Хавьер кивнул и поднялся по стволу дерева к веткам наверху, что оказалось проще, нежели карабкаться на здание.

Отсюда они перепрыгивали с ветки на ветку до тех пор, пока не обнаружили способную обнаружить их камеру. Спустившись, они преодолели ещё несколько миль. Разыгравшаяся буря скрыла солнце.

Гриффин остановил их у основания довольно крутого склона.

- Вы оба молодцы, – подбодрил он их. – Аэри на вершине этой горы. Хавьер поднял голову и не увидел вершины.

– С этого момента системы безопасности будут попадаться чаще, и их будет не так просто избежать, – продолжил Гриффин. – Так что мы пойдём медленнее. Будьте внимательны. Помимо беспилотных систем слежения, мы можем столкнуться с вооруженной охраной.

Хавьер с Оуэном кивнули, и Гриффин стал взбираться по склону. Земля была мокрой, Хавьер поскальзывался, и порой ему приходилось двигаться на четвереньках, чтобы не упасть. Вскоре они столкнулись с новым препятствием – серией камер, покрывающих деревья на опушке леса.

Заняв укрытие за деревьями, Гриффин принялся что-то набирать на тачскрине, закреплённом на наруче.

– Приготовьтесь бежать, – прошептал он, прицелился в одну из камер, и к ней понеслась тонкая полоска пульсирующего света.

– Сейчас! – прошипел Гриффин.

Втроём они побежали в образовавшийся разрыв из-за одной отключившейся камеры. Как только они вбежали под прикрытие деревьев, Хавьер заметил, что камера продолжила движение влево-вправо.

– Что это было? – спросил Оуэн.

– Лазерные помехи, – ответил Гриффин. – Это непростые камеры, запрограммированные на отслеживание движений. Я послал сигнал, из-за которого её программа заглянула не несколько секунд.

Гриффин двинулся дальше, а Хавьер восхищённо прошептал Оуэну:

– Я должен достать один их таких наручей.

Они продвинулись ещё на несколько метров вперёд, избегая остальных камер и сенсоров. Хавьер заметил несколько турелей, установленных на деревьях и готовых ожить в любую минуту. Дождь не ослабевал и вскоре Хавьер обратил внимания на облачка пара, вырывающиеся из его рта с дыханием.

– Тепловая разница наших тел с окружающей средой может стать проблемой, – сказал Гриффин. – Эти куртки скрывают тепло, но сейчас слишком холодно, и наше тепло на фоне окружения скрыть нельзя.

– Так что же нам делать? – спросил Хавьер.

Гриффин покачал головой:

– Старайтесь оставаться спокойными и держать свою температуру и пульс под контролем. Если мы потревожим систему безопасности сейчас, то будет труднее вытащить ваших друзей.

Наклон опустился на несколько градусов, и подниматься стало легче, но деревьев стало меньше, а, следовательно, и укрываться от чаще попадающихся камер стало тяжелее. Их продвижение превратилось в

серию рывков и перекатов от укрытия к укрытию, медленно выверая каждое движение.

Наконец они достигли высокого шестиметрового забора, не сетчатого, как тот, который окружал полицейский склад. На десять метров по обе стороны от него деревья и кустарник были вырублены, а сам забор представлял собой толстые брусья с частой решёткой между ними. Вариант прорезать или взорвать его даже не рассматривался. Кроме того, чувствовалось, что ограда под напряжением и наверняка с датчиками, реагирующими на давление.

Гриффин уставился на него, двигая уголком рта, и поднял наруч:
– Посмотрим, что можно узнать.

Хавьер и Оуэн стали ждать. За забором они могли различить здание, которое, казалось, было выполнено целиком из стекла. Оно светились внутренним светом, и все офисы и коридоры были хорошо видны. Если они подойдут чуть ближе, то наверняка смогут увидеть своих друзей.

– Выяснил я немного, – наконец сказал Гриффин. – Но мои предположения следующие. Полезем на него – они узнают. Перережем его – они узнают. Отключим его – они узнают. Нам нужно перелезть его, не задев. Если мы не хотим объявить всем в округе, что мы здесь.

– Здание не так далеко, – сказал Хавьер.

– Да, но сам комплекс большой, – сказал Гриффин. – Это только одно из пяти.

– Ты сможешь перепрыгнуть его? – спросил Оуэн.

Гриффин покосился на забор:

– Нет. Я собираюсь запустить верёвку между деревьями, но я более чем уверен, что они всё равно обнаружат нас.

– Похоже, у нас выбора нет, – сказал Хавьер.

Гриффин взглянул на окружающие их деревья, затем на деревья на другой стороне и наконец, казалось, решился на что-то. Забравшись на стоящее рядом дерево, он поднялся на высоту выше уровня забора и выстрелил через забор тонкой верёвкой, которую Хавьер едва различал в темноте.

Гриффин негромко свистнул им, и они забрались к нему. Хавьер посмотрел на забор сверху и на тонкую линию, исчезающую в деревьях в двадцати метрах дальше. Орлиным зрением он заметил несколько камер и не смог придумать, как их избежать, когда будет перебираться на другую сторону.

– Двигайтесь, быстро, – Гриффин прикрепил к верёвке что-то наподобие шкифа с ручкой. – Одной рукой держитесь за это, другой толкаете себя. Если раздастся тревога, продолжайте двигаться, – он кивнул на Оуэна. – Ты первый.

Оуэн глубоко вздохнул и схватился за рукоять.

– Увидимся на той стороне, – сказал Хавьер.

Оуэн кивнул:

– Верно.

– Оттолкнись от дерева, – сказал Гриффин.

Оуэн развернулся, упёрся ногами в ствол дерева и сжался.

– Окей, – сказал он. – Начали...

Внезапно протрубила сирена, настолько громко, что Хавьер чуть было не свалился со своей ветки. Яркие огни вспыхнули вдоль всего забора, отдалённо стали слышны крики.

– Это мы? – спросил Хавьер.

– Вряд ли, – сказал Гриффин. – Камеры не заметили верёвку, а Оуэн ещё даже не пересёк забор. Что-то другое взбаламутило охрану. Аэри сейчас оцепят, и станет сложнее действовать внутри.

– Так что же нам делать? – спросил Оуэн.

– Поехал. Быстро.

Оуэн кивнул, вновь сгруппировался и оттолкнулся. Другой рукой он оттолкнулся от верёвки и быстро преодолел расстояние, исчезнув в деревьях.

Гриффин прикрепил новый шкиф:

– Теперь ты.

Хавьер схватился за рукоятку и последовал вслед за Оуэном. Движение давалось сложнее, чем выглядело, и всё время Хавьер чувствовал себя уязвимо. Если бы кто-то увидел его, то легко бы подстрелил, пока он был в воздухе. Он толкал себя и скользил, толкал и скользил, пока не достиг деревьев на другой стороне.

– В иных обстоятельствах, – сказал Оуэн, – это было бы весело.

Сирены замолкли, но огни всё ещё горели.

– Интересно, что же это? – спросил Хавьер.

Крики раздались из-за деревьев, а затем группа агентов Абстерго вышла из леса на открытое пространство, недалеко от Оуэна и Хавьера. Они были одеты всё в ту же чёрную военную униформу, с противоассасинскими шлемами и оружием. Восемь человек, один из них вскоре показал рукой на верёвку, и все они посмотрели в сторону Гриффина.

– Нам нужно валить отсюда, – сказал Хавьер.

Оуэн уже достал ЭМИ – гранату и кинул в сторону агентов. Но когда она приземлилась, ничего не произошло.

– Гриффину нужно будет найти другой способ пересечь забор, – сказал Хавьер. – Если мы останемся здесь, нас поймают.

Оуэн кивнул, и они так быстро, как могли, перебрались на другое дерево, а потом ещё на одно и ещё, как можно быстрее удаляясь от агентов. Наконец, когда им показалось, что они в безопасной зоне, они рискнули спуститься на землю.

Стеклянное здание стояло совсем рядом, и теперь Хавьер заметил ещё два строения вдалеке, соединенные друг с другом закрытыми стеклянными коридорами.

Они проникли в Аэри, но теперь они сами по себе.

ГЛАВА 17

Грейс лежала на кровати, но чувства внутри неё никак не могли улечься. Она не устала, по крайней мере, настолько, чтобы заснуть. Но она устала от Дэвида. Не так давно она чувствовала ответственность за него, но, что более важно, она даже не была против этого. Дэвид был её младшим братом, и она была счастлива присматривать за ним.

Но затем Монро втянул их в секретную войну, длящуюся тысячелетиями, и её единственной целью стала выбраться самой и помочь выбраться брату их всего этого. Когда они начали симуляцию в Нью-Йорке, она прежде всего думала о безопасности Дэвида, так же, как и дома. Но стремительно развивающаяся симуляция окончательно всё запутала.

В симуляции Дэвид был Абрахамом, а Грейс – Элизой, его дочерью. Роли неожиданно поменялись, и Дэвид стал тем, кто присматривал за ней. Эта симуляция тоже что-то изменила в нём, потому что с тех пор он больше не слушался её так, как раньше. Он стал принимать собственные решения.

Как, например, проникновение в запрещённую зону ночью и причинение им неприятностей затем.

Она не знала, как воспринимать его историю. Она склонялась к тому, что его воображение стало гораздо лучше. Он был слишком юн для Анимуса, для него это была лишь игра. Она так устала от него и уже не хотела быть ответственной за него. Она была слишком опустошена. Пережив воспоминания Масире, она стала желать, чтобы у неё был такой же брат, как и у него.

Брат, на которого можно положиться.

Снаружи всё ещё шёл дождь. Грейс лежала, слушая, как барабанят по окну капли, и гадала, куда она отправится дальше. Память какого из её предков она будет переживать теперь? Может, в этом раз именно она будет той, кто найдёт Частицу Эдема. А не Шон со своими викингами.

Мысли стали неспешно бродить, и вскоре она почувствовала, как начинает засыпать, убаюканная звуками шторма. А затем кликнувший замок на её двери заставил её очнуться.

Она взглянула на дверь и вздохнула. Ей не нравилась идея быть запертой. Да и кому бы понравилось? Но теперь было именно так, спасибо Дэвиду. Она встала с постели, чтобы почистить зубы. Свет в её маленькой ванной был резок и холоден. Она решила переодеться в пижаму, но прежде, чем она разделась, раздалась тревога.

Это было громко. Словно сирены завывали во всём комплексе разом.

Чрезвычайная ситуация?

Она посмотрела на дверь, ожидая, что она откроется, как и обещал Исая, но она не открылась. Прошла минута, ещё одна, а она всё не открывалась, а сирена между тем и не думала замолкать.

Грейс почувствовала, как внутри неё взметнулась паника. Оно подошла к окну и выглянула из него, но увидела лишь огни, которые включались и выключались в отдалении.

Пожар? Несчастный случай? Или учебная тревога?

Она попробовала открыть дверь, просто на всякий случай, но она не поддавалась. Она стала ходить по комнате, но через несколько минут сирены просто затихли.

Грейс остановилась и прислушалась, но ничего не слышала, лишь огни в отдалении перестали мигать. Что бы это ни было, оно закончилось, и Грейс подумала, что это была какая-то тренировка. В следующий раз предупреждение от Виктории или Исая было бы очень кстати.

Она оставила свет в ванной включенным и легла в постель, не переодевшись в пижаму, просто на всякий случай, если ей придётся вставать посреди ночи ещё из-за одной тревоги. Прошло довольно много времени, прежде чем она смогла успокоиться и снова заснуть.

Очередной клик, раздавшийся со стороны двери, разбудил её. Она села на кровать.

Что-то было не так. Она огляделась, вслушиваясь, стараясь понять, что же случилось, и наконец обратила внимание на ванную комнату. Света не было. Точнее, света не было во всём Аэри и даже снаружи.

Дверь скрипнула, и она подскочила на кровати.

– Грейс? – донеслось до неё.

– Дэвид?

Дверь открылась, и её брат вошёл внутрь.

– Что происходит? – спросила она у него.

– Я не знаю, – сказал он. – Моя дверь просто открылась.

– Моя тоже, – сказала Грейс. – Электричество вырубилось.

– Нужно проверить Наталью и Шона.

Она согласилась с ним, и они вышли из комнаты, отправившись дальше по коридору. Было темно и тихо, лишь лунный свет пробивался сквозь капли дождя на окнах. Видимо, шторм прошёл дальше.

Завернув за угол, они наткнулись на Наталью, которая, тихо взвизгнув, отскочила назад, прежде чем поняла, что это были они.

– Ты в порядке? – спросил её Дэвид.

– В порядке, – сказала она, потирая грудь. – А вы, ребят?

– Мы в норме, – сказала Грейс. – Ты слышала сирены?

– Ага.

– Ты видела Шона? – спросил Дэвид.

– Думаю, он всё ещё в своей комнате.

Втроём они прошли немного дальше и обнаружили, что замок в комнату Шона тоже открыт.

– Шон? – прошептала Наталья.

Без ответа.

– Шон, – позвал Дэвид более громко.

Грейс слышала звук сминаемых простыней, а затем раздался сонный голос Шона:

– А? Чего?

– Шон, – снова позвал Дэвид. – Это мы. Электричества нет.

– Минуточку, – затем раздался знакомый треск инвалидной коляски Шона, и через мгновение он открыл дверь. – Ребят, что вы здесь делаете? Вы должны быть в своих комнатах.

– Электричество вырубилось, – повторил Дэвид.

– И? – протянул в ответ Шон.

– Ты не слышал сирены? – спросила Грейс.

– Какие сирены? – не понял Шон.

– Ты серьёзно?

Шон закатил глаза.

– Я понятия не имею, о чём вы.

Грейс знала, что что-то произошло. Даже несмотря на то, что Шон выглядел абсолютно непонимающим, она не могла представить, что кто-то будет способен спать во время такого. Оглянувшись по сторонам, она подумала, что им делать.

– Стоит ли нам остаться здесь? – спросила Наталья, вероятно, думая о том же.

– В смысле «стоит»? – спросил Шон. – Конечно, мы должны оставаться здесь.

– Я не знаю, – сказал Дэвид. – Что-то не так.

Шон развёл руками:

– Что? Всего лишь перебои в электропитании.

– А сирены?

– Какие сирены? – всё ещё недоумевал Шон.

– Я пойду осмотрюсь, – сказала Наталья, развернувшись.

– Я тоже, – сказал Дэвид, присоединившись к ней.

Шон посмотрел на Грейс, он приоткрыл рот, но сразу закрыл, и Грейс поняла, о чём он думает. Именно так они и получили проблемы в прошлый раз, и в этот раз он не хотел вылететь из Аэри. Она тоже не хотела.

– Без меня, – сказал он, вкатившись обратно в комнату. – Я не хочу быть частью этого, ребят.

С этими словами он закрыл дверь.

Наталья и Дэвид остановились в нескольких шагах и обернулись к Грейс.

– Ты идёшь? – спросил Дэвид.

Она тоже не хотела. Но, в отличие от Шона, она слышала сирены. Электричество вырубилось, и она знала, что что-то происходит, и спустя мгновение осознала, что не хочет сталкиваться с чем-бы это ни было в одиночку.

– Куда идём? – спросила она, присоединившись к остальным.

– Недалеко, – сказала Наталья. – Я просто хочу посмотреть, что с другими зданиями. Есть ли там электричество или нет.

В этом был смысл. Так что они тихо пошли дальше, перешёптываясь, словно боясь нарушить окружающую их тишину. Дойдя до коридора между зданиями, они увидели, что в другом здании тоже темно.

– Давайте проверим ещё одно, – предложил Дэвид.

Они вернулись обратно и пошли к противоположному коридору, который вёл в другое здание. Грейс так напряжённо вслушивалась и всматривалась, что ей стали казаться раздающиеся снаружи в лесу крики. Или, может, они были реальными, что окончательно сбивало с толку.

Отсюда она просто не могла ничего слышать.

Когда они достигли второго коридора, дверь была закрыта, а замок, в отличие от замков на их комнатах, не поддавался. Но через окна Грейс могла видеть, что и в следующем здании нет света.

– Что происходит? – спросил Дэвид. – Где все?

– Может, был пожар, – предположила Наталья. – Поэтому сирены выключились и поэтому нет света.

– Может, – сказала Грейс. – Но...

И тут закрытая дверь внезапно кликнула и немного приоткрылась. Прежде чем Грейс собралась дать дёру, фонарь осветил её лицо и переместился на Наталью и Дэвида. Втроём они замерли на месте по мере того, как неясная за светом фигура открывала дверь.

– Вот вы где, – сказал мужчина.

Грейс узнала этот голос. Он словно током ударил в её голове.

– Монро? – спросил Дэвид.

Луч фонаря опустился, освещая коридор во всех направлениях, и они увидели, что это был он.

Он был одет в такую же чёрную военную форму, как и агенты Абстерго, его длинные волосы были завязаны в хвостик, бородка стала немного длиннее, а лицо более измождённым, чем в прошлый раз.

– Вы в порядке? – спросил он.

– Да, – ответила Грейс. – Что...

– Это всё ты устроил? – спросил Дэвид, помахав рукой на окружающую темноту.

– Электричество? Ага, это я. И сейчас я собираюсь забрать вас отсюда, ребятки. Где остальные?

– Шон в своей комнате, – сказал Дэвид.

– Оуэн и Хавьер? – спросил Монро.

– Не знаем, – ответила Наталья. – Они сумели удрать тогда, несколько недель назад.

Монро поднял голову и нахмурился.

– Окей, тогда только вас ребят, после того, как заберём Шона...

– Он не пойдёт, – сказала Грейс.

– В смысле? – спросил Монро.

– Он хочет остаться здесь. Я это знаю.

– Ты уверена насчёт этого? – уточнил Монро.

– Уверена.

Монро задумался на секунду и кивнул:

– Это его выбор.

Грейс не знала, что думать о Монро, особенно после того, что Исая говорил о нём. Монро был ненадёжен. К тому же он был изгоем. Грейс не знала, стоит ли ему доверять или пойти против него, и ей не нравилось то, что ей нужно сделать выбор.

– Тебе не стоило приходить сюда, – сказала она.

Дэвид повернулся к ней.

– Это ещё почему?

– Всё в порядке, – ответил Монро. – Я предполагал, что это может произойти. Исая может быть необычайно убедительным. Он знает, что вы хотите услышать, и он даёт вам именно то, что вы хотите услышать.

– Он рассказал нам о тебе, – сказала Грейс.

– Уверен, что он рассказал вам обо мне, – ответил Монро, гнев прорезался в его голосе. – В этой истории есть много недосказанного. Но сейчас нет времени что-либо объяснять. Выбирайте прямо сейчас: остаться здесь или пойти со мной.

– Я иду с тобой, – сказала Наталья. Её заявление удивило Грейс. Она думала, что Наталья с охотой работает с тамплиерами, двигаясь к той же цели, что и все они, будучи при этом ближе всех к ней.

– Я тоже иду, – сказал Дэвид.

– Что? – развернувшись к нему Грейс. – Нет, ты не пойдёшь!

– Пойду, – твёрдо сказал он. – Я знаю, что ты не веришь мне, но это только вопрос времени, когда Исая запудрит тебе мозги окончательно. Он уже закрывает тебя на ночь. Тебе нужно пойти с нами.

– Она сделала свой выбор, – сказал Монро. – И нам нужно принять его. Я не собираюсь давить на кого бы то ни было. Но если вы идёте со мной, то нужно идти сейчас.

– Куда? – спросила Наталья.

– Меня ждёт машина, – сказал он. – Идём.

Он развернулся и пошёл обратно по коридору, через который пришёл.

Наталья пошла за ним, Дэвид сделал пару шагов и, пройдя дверь, развернулся к Грейс.

– Ты идёшь? – спросил он.

Грейс не знала. Она чувствовала себя будто забетонированной в пол. Она не знала, может ли она доверять Монро, но Дэвид тоже был прав. У неё были опасения насчёт Исаяи. И тем не менее, как она может просто взять и уйти от всего, что Абстерго и тамплиеры предложили ей? А как же её брат?

– Грейс? – повторил Дэвид.

– Я не...

Огни начали загораться, замки на дверях кликнули и заблокировались. Грейс и Дэвид обернулись, снова посмотрели друг на друга, а затем дверь медленно стала закрываться.

– НЕТ! – закричал Дэвид, бросаясь к ней.

Грейс тоже бросилась к двери, но она закрылась, прежде чем кто-то из них успел достигнуть её.

Дверь разделила их. Грейс подёргала ручку, но она не открывалась, а следом загорелся экран сенсорной панели электронного замка.

– Дэвид, ты можешь открыть её со своей стороны? – крикнула она через дверь.

– Нет! – донесся до неё через секунду его приглушенный крик. – Она не открывается!

– Чёрт, – услышала она Монро. – Прости, но нам нужно идти, сейчас.

– Грейс! – крикнул Дэвид. – Разбей стекло!

– Она не сможет, – сказал Монро. – Оно пуленепробиваемое. Его практически не сломать.

Другого пути пройти через дверь не было, и если они, каждый со своей стороны, не уйдут отсюда, их поймают. И если Дэвида и Наталью поймают вместе с Монро, Грейс боялась, что может произойти с ней. Она не хотела верить в то, что Исайя как-то навредит им, но сейчас её маленький брат стоял по другую сторону двери, и она не могла допустить даже малейшего риска, что это произойдёт.

– Иди, – сказала она.

– Что? – опешил Дэвид.

– Иди. Вали отсюда, пока можешь.

– Я не брошу тебя.

– Нет, бросишь, – сказала она. – Я всегда старалась избавить тебя от неприятностей, так что не намерена останавливаться. Иди!

– Но...

– Дэвид, – услышала она голос Монро. – Сейчас или никогда.

Бесконечная секунда молчания.

– Иди, – повторила Грейс.

– Мы вернёмся и вытащим тебя, – сказал Дэвид. – Обещаю!

Грейс даже не знала, хочет она этого или нет. Если бы эта дверь была открыта, то она даже не знала, смогла бы она пройти через неё или нет. Может, она и её брат были на разных путях. Абстерго и Анимус изменили всё. Единственное, что она знала, это то, что ей следует держать Дэвида подальше от неприятностей. После этого она сможет позаботиться и о себе.

– Пока, – сказала она. – Иди.

Ещё одна пауза.

– Пока, Грейс.

Она слышала шаги, отдаляющиеся от двери.

Затем наступила тишина, и он исчез.

ГЛАВА 18

Оуэн и Хавьер крались снаружи зданий Аэри, избегая камер и датчиков, надеясь, что Гриффин вскоре появится. Оуэн всё ещё не понимал, из-за чего сработала тревога, но теперь тамплиеры были начеку. Агенты Абстерго патрулировали округ, но, к счастью, не все из них были одеты в противоассасинские костюмы.

– Почему ЭМИ – граната не сработала тогда? – спросил Оуэн.

– Защищенные электронные компоненты, – сказал Хавьер. – Медью, скорее всего. Они, должно быть, усовершенствовались.

– Что ж, дерьмово.

– Так что будем делать? – спросил Хавьер. – Думаю, надо идти внутрь.

Оуэн был согласен с ним. Гриффин, скорее всего, будет вне себя, но его здесь не было, а у них было задание.

– Дверь в этом здании, – сказал Хавьер, указав на неё, и Оуэн кивнул.

Они двинулись к ней, избегая камер и охраны, и достигнув её, Оуэн заметил электронный замок на ней. Судя по нему, для входа нужен был отпечаток пальца. Оуэн достал очередную ЭМИ – гранату.

– Опять? – спросил Хавьер. – Ты выучил только один трюк?

– Стоит попробовать, – сказал Оуэн и, зарядив гранату, разрядил её ударом об замок, но, как и с агентами, ничего не произошло.

– Защищено, – заметил Хавьер.

– Надо бы выучить новые трюки.

– Нужно найти способ попасть внутрь.

– Разобьём стекло?

– Слишком громко.

– Крыша?

– Попробуем.

Но не так-то просто забраться на полностью стеклянное здание, и Оуэн подумал, что это могло быть заложено в основу дизайна. Всё это место, казалось, было построено, чтобы не дать ассасинам преимуществ. Наконец они нашли дерево, стоящее достаточно близко к углу здания, и они забрались на высоту балкона на втором этаже, но всё равно расстояние между деревом и балконом оставалось слишком широким.

– Есть ещё одна верёвка? – спросил Хавьер.

– Думаю, я смогу допрыгнуть.

– Серьёзно?

Оуэн надеялся на это. В симуляциях Вариуса и Чжи он перепрыгивал расстояния и побольше, но это были воспоминания полноценно тренированных ассасинов, и он ещё не проверял, получил ли он эту способность с помощью Эффекта просачивания или нет.

Но они теряли время и возможности. Он приготовился совершить прыжок.

– Оуэн, – предупредил Хавьер. – Если не допрыгнешь, падать высоко.

– Есть другие...

– Шшшш, – Хавьер поднял руку и указал вниз.

Оуэн посмотрел вниз и увидел агента Абстерго, подходящего к их дереву. Улыбка появилась на лице Хавьера, и Оуэн сразу понял, что у него появился план действий, и он даже знал, что это за план. Хавьер жестами показал, что им нужно спуститься, что они и сделали, тихо выйдя на позиции. Хавьер достал свой арбалет. Оуэн сделал то же самое, и, когда агент оказалась прямо под ними, они оба набросились на неё.

Она повалилась на землю со стоном, и прежде чем смогла снова встать на ноги или достать своё оружие, Оуэн и Хавьер направили на неё свои арбалеты.

– Руки вверх, – приказал Оуэн.

Она послушалась, и Хавьер снял с неё шлем. Она была довольно молодой блондинкой с прямыми волосами, полными губами и острым подбородком. На её бейджике было написано «Коул».

– А я вас повсюду ищу, – сказала она.

Хавьер достал из кармана болевую гранату:

– Знаешь, что это такое, Коул?

Она судорожно выдохнула и кивнула. Оуэн улыбнулся.

– Делай, что мы говорим, и, может быть, мы не поджарим тебя.

– И каков ваш план? – спросила она.

Оуэн вдавил арбалет ей в спину:

– Вставай.

Она кивнула и, все ещё держа руки поднятыми, пошла впереди Оуэна. Она двигалась медленно и нехотя, но они всё равно дошли до двери.

– Открывай, – приказал Хавьер.

Она отказалась, и Оуэн посильнее вдавил арбалет ей между лопатками.

– Открывай, – повторил Оуэн.

Коул покачала головой, её мускулы подёргивались. Затем она положила большой палец на сканер и ввела код. Замок пискнул, и дверь открылась.

– Что вы собираетесь здесь делать? – спросила она.

– Узнаешь, когда проснёшься, – ответил Хавьер и выстрелил в неё снотворным дротиком. Она поморщилась, спустя пару секунд её глаза закатились, и она завалилась на землю.

Оуэн пнул её носком ботинка. Она в отключке.

Он открыл дверь, и Хавьер двинулся следом. Здание, ярко освещённое, было сделано из стекла как снаружи, так и внутри. Они шли по холлу, мимо офисов и комнат, с оружием наготове. Оуэн позволил Орлиному зрению вести их. Стекланные панно отражали их силуэты, и начинало казаться, что они не одни.

В конце коридора они вышли в ненормально огромный атриум. Оуэн посмотрел вверх и увидел несколько этажей над собой, эскалаторы и лестницы, забирающиеся с этажа на этаж, с которого открывался вид на огромное свободное пространство посередине.

Пока ассасины прятались в ветхих домах и гаражах для хранения, тамплиеры работали над достижением своих целей здесь или в похожих местах. Власть и могущество, излучаемое этим местом, казалось, делало цели ассасинов мелкими и незначительными.

– Куда? – спросил Хавьер.

– Не знаю, – ответил Оуэн. – Давай немного осмотримся.

Но после того, как они сделали три шага по глянцевому полу атриума, свет выключился, весь разом, и показалось, что здание издало электрический вздох.

– Кто-то вырубил электричество, – сказал Хавьер.

Глаза Оуэна ещё не приспособились к темноте, но его Орлиное зрение показало, что его друг стоит в паре шагов от него.

– Может, это Гриффин, – предположил Оуэн.

– Будем надеяться.

Они решили продолжить путь, и Оуэн почувствовал себя более защищённым без света, заливающего всё вокруг, и в конце концов его глаза привыкли к темноте. На первом этаже они нашли только переговорные комнаты и большую гостиную. По лестнице они попали на второй этаж, но прежде чем они прошли дальше, они поняли, что на этом этаже только офисы.

– Это не похоже на место, где могли бы держать Грейс и остальных, – сказал Оуэн.

– Может, они в других зданиях? – спросил Хавьер. – Мне показалось, что я видел несколько стеклянных коридоров между зданиями.

– Пойдём проверим.

Так что они спустились на первый этаж и пересекли атриум, где нашли несколько ответвлений. Одно из них не было закрыто, и они открыли дверь. Хавьер взглянул на Оуэна, и тот кивнул.

Они вошли в стеклянный коридор, ведущий в другое здание, и поспешили достигнуть его другого конца, войдя в другое здание поменьше.

Внешние стены были сделаны из стекла, но не внутренние. Они прошли несколько коридоров, и Оуэн попробовал открыть одну из дверей. Внутри была небольшая гостиная. Но, пройдя дальше по коридору, они нашли за одной из дверей что-то похожее на Анимус, но более продвинутую модель. У него была подвесная ременная система, соединенная с большим металлическим кольцом и шлемом.

– Думаю, мы на верном пути, – сказал Оуэн.

За следующими дверями были такие же Анимусы, по одному на каждую комнату. Место было похоже на какую-то фабрику симуляций.

– Их шесть, – заметил Хавьер.

– Нас шесть, – заметил, в свою очередь, Оуэн. – Если бы тамплиеры поймали бы всех нас.

Они продолжили путь и вскоре они обнаружили что-то вроде спальни, но она была пуста, кровать в беспорядке, будто кто-то в спешке вскочил с неё, штаны женской пижамы свисали с изголовья.

– Это здесь, – сказал Оуэн.

– Тогда где все? – спросил Хавьер.

Прежде чем Оуэн смог ответить на его вопрос, свет зажёгся. А это значило, что кто-то снаружи, например, агенты, бродящие в лесу, могут их увидеть.

– Попробуем следующее здание, – сказал Оуэн.

Хавьер согласился, и они пошли дальше, держась в стороне от коридоров, ища другой путь. Они достигли другого коридора между зданиями, но он оказался закрыт на такой же электрический замок, который открыла им Коул. Вот только она валялась без сознания снаружи, и у них не было возможности открыть замок.

– Кто-то идёт, – сказал Хавьер.

Оуэн тоже услышал. Много тяжёлых шагов с противоположной стороны двери. Они успели прыгнуть за угол, прежде чем она открылась, и высокий мужчина в угольно-чёрном костюме прошёл в сопровождении одетых в форму охранников.

– Убедитесь, что они заперты в своих комнатах, – сказал он.

– Есть, сэр.

– И найдите Коул! – крикнул он им в спину.

Оуэн не знал, кто это, но было очевидно, что он здесь главный, и, казалось, он тоже не знает, где Грейс и остальные. А через несколько секунд он обнаружит, что их нет в своих комнатах.

Хавьер постучал по плечу Оуэна и указал на дверь. Она была открыта, но медленно закрывалась, и у них оставалось всё меньше времени, чтобы успеть.

Оуэн достал свой арбалет и выстрелил.

Болт застрял в резиновом уплотнителе двери и не позволял ей закрыться.

– Сработало, – прошептал Оуэн, удивившись.

Они бросились к двери и, выдернув болт из двери, закрыли её с обратной стороны. Они побежали по коридору, который был длиннее первого, и после поворота стал спускаться вниз к основанию горы. Они прошли по лестнице вниз, пока не достигли очередной двери.

– Идём? – спросил Хавьер.

– Будем искать, пока не найдём их, – сказал Оуэн.

– Интересно, добрался ли Гриффин до них первыми.

Оуэн этого не знал, но он открыл дверь и зашёл внутрь. Коридор был пуст, и они вошли внутрь. Дальше по коридору двойные двери вели в гараж, где машины и фургоны выстроились рядами. Оуэн и Хавьер крались

дальше. Оуэн задействовал все чувства, позволяя Орлиному зрению вести его и предупреждать об угрозах.

Когда они достигли дверей гаража, Оуэн просканировал комнату.

Более десятка агентов рассредоточились в группы по трое и четверо. Но они были не одни. Оуэн ощущал присутствие других людей, прячущихся в одном из фургонов, чьё практически неразличимое движение выдало их.

– Это они, – прошептал он Хавьеру, указав на фургон. – Должно быть.

– Их прижали, – сказал Хавьер.

И ситуация станет только хуже, когда агенты узнают, что их пленники сбежали.

– Нужно отвлечь их, – сказал Оуэн.

– Нам не справиться со всеми.

– Выхода нет. Используй болевую гранату на той группе. Я ослеплю другую лазерным пистолетом. А затем ты используешь на них арбалет.

Хавьер покачал головой:

– Надеюсь, это сработает.

– Я тоже. Готов?

Хавьер кивнул и достал гранату. Оуэн зарядил лазерный пистолет.

– Постарайся бросить это подальше от нас и от фургона с нашими друзьями, – сказал Оуэн. – По твоему сигналу.

Хавьер примерился к броску.

– Сейчас.

Оуэн поднял пистолет и прицелился в тот момент, когда болевая гранат приземлилась на бетонный пол гаража. Раздался короткий гудящий звук, а затем четыре агента стали кататься по земле, крича.

Оуэн ворвался в гараж, одновременно стреляя лазером в других агентов, отвлечённых гранатой, и Хавьер присоединился к нему, стреляя дротиками со снотворным из своего арбалета.

Они по полной использовали элемент неожиданности, в один момент выведя их игры девять или десять агентов, но остальные, перегруппировавшись, заняли укрытия.

– Прячься! – крикнул Оуэн, а затем они нырнули за стоящие рядом машины.

В шлемах агентов была рация, они могли переговариваться между собой, но Оуэн не мог слышать их и предугадать их действия, а с новой защитой он не мог вырубить их электронику. Но его Орлиное зрение позволило ему узнать, что шесть врагов рассредоточились по своим позициям с оружием наготове и, в отличие от него и Хавьера, оно было летальным.

Оуэн подобрался и бросил усыпляющую гранату, а следом дымовую, чтобы прикрыть их отход. Он услышал, как упали два или три агента без сознания, но затем раздался звук выстрела, заполнивший весь гараж. Оуэна не задело, но из-за шока он выронил свой арбалет. Он бросился в сторону, кинув ещё одну дымовую гранату, чтобы выиграть немного времени, и достиг машин на другой стороне гаража.

Хавьер не двинулся со своей позиции, и, когда дым рассеялся, Оуэн увидел, что четверо агентов всё ещё в строю. Они приближались к его другу, блокируя его, и Оуэн ожидал прибытия подкреплений в любую секунду.

Он не знал насколько далеко стреляет лазерный пистолет, и к тому же агенты не были обращены к нему лицом. У него не было больше дымовых гранат, и без арбалета он не знал, как помочь и дать агентам другую цель. Он уже собирался крикнуть им, когда услышал другой выстрел. Один из агентов упал, остальные бросились врассыпную, таща за собой раненого товарища.

Выстрел раздался с другой стороны гаража, от фургона, где прятались остальные.

Хавьер двинулся, используя этот момент. Он бросил свою дымовую гранату и через облако пронёсся туда, откуда раздался выстрел.

— Оуэн! — прозвучал глубокий, знакомый голос.

Оуэн застыл:

— Монро?

— Можешь добраться до нас? — раздался голос Хавьера.

Оуэн слегка отошёл выглянуть из своего укрытия, но почти сразу же он услышал выстрел. Пуля попала в машину, стоящую рядом, и ушла рикошетом. Оуэн поспешил убраться обратно:

— Меня прижали!

В гараже осталось ещё три агента, и любой из них мог выстрелить. Его Орлиное зрение показывало ему где они, улавливая биение их сердец и вибрации воздуха от их частого дыхания. Но у Оуэна не было возможности поразить их чем-нибудь, а от Хавьера и Монро их закрывали машины.

– Монро? – позвал Оуэн.
– Здесь, – крикнул он.
– Что ты здесь делаешь?
– Я пришёл помочь вам сбежать отсюда, ребят. А что ты с Хавьером делаешь здесь?
– То же самое.
– Почему Хавьер одет как ассасин?
– Потому что нас тренировал ассасин.
Прошло несколько секунд.
– Ясно.
– Так у тебя есть план?
– Может, я...

Шаги донеслись из коридора. А вот и подкрепление.
– Убирайтесь отсюда! – воскликнул Оуэн. Он был довольно близко от двери, чтобы использовать лазерный пистолет. – Я прикрою вас. Идите!
– Ни за что! – крикнул Хавьер.
– Валите отсюда! Уведите остальных!
Агенты выскочили из двери, и Оуэн ослепил их. Они повалились обратно в коридор, сразу же высунулись остальные, но Оуэн выстрелил и по ним.
– БЫСТРЕЕ! – проревел Оуэн.

Он стрелял и стрелял, и стрелял, не давая агентам выйти.

Затем он услышал шум двигателя, но не обычного. Что-то более, гораздо более мощное, словно гул лавины. А затем показалась чёрная машина, стремительно мчащаяся к выходу.

Оуэн продолжал стрелять до тех пор, пока источник энергии пистолета не опустел. И группа агентов сразу же вбежала в комнату. Но двери гаража были открыты, и машина вылетела из них, прежде чем агенты смогли заблокировать ей путь или выстрелить в неё.

Затем в гараж вбежал мужчина в костюме. Его взгляд обежал помещение.

– Докладывайте!
Один из стоящих рядом с ним агентов поднял руку к уху.
– Сэр, займите укрытие. Здесь один или две неопределённые цели.
Мужчина пригладил свои светлые волосы и повысил голос:

– Кто бы вы ни были, выходите сейчас! Мы уже поняли, что другой ассасин только отвлекал нас, и я вызвал всех сюда. У меня ещё сотня агентов в пути. Сдайтесь, и вам не причинят никакого вреда.

Другой ассасин? Это, должно быть, Гриффин, занявший тамплиеров на время, чтобы Оуэн и Хавьер могли найти остальных!

Оуэн выдохнул. По крайней мере, они смогли уйти.

– Исайя! – крикнул Монро.

Оуэн резко поднял голову, услышав голос Монро. Он ещё здесь? Почему не сбежал с остальными?

– Монро? – спросил высокий мужчина. – Не могу поверить, это действительно ты?

– Я выхожу, – объявил Монро. – Безоружным.

Оуэн увидел его, идущего между машин, с поднятыми в воздух руками. Толпа агентов набросилась на него, повалила на пол и вскоре связала ему руки за спиной.

Высокий мужчина, Исайя, подошёл к нему с улыбкой на лице:

– Это было неожиданно.

– Прикажи своим людям опустить оружие.

– Зачем?

– Затем, что он ещё ребёнок.

Исайя оглянулся вокруг:

– Опустите оружие.

Агенты выполнили указание, направив стволы винтовок и пистолетов в пол.

– Можешь выходить Оуэн, – позвал Монро, не сводя глаз с Исайи. – Они не причинят тебе вреда.

Оуэн и не видел другого выхода, так что он сделал то, что Монро просил, выйдя из укрытия.

Когда он приблизился, Исайя повернулся к нему, его зелёные глаза остро взглянули на него.

– Ты Оуэн?

Оуэн кивнул.

– Тогда предположу, что Хавьер – тот, кто угнал мою машину?

В ответ Оуэн хмыкнул.

– Отведите Оуэна в мой офис, – отдал приказ Исайя. – И запирайте Монро в камере. Я проверю Грейс и Шона.

Значит, Грейс и Шон ещё здесь. Оуэн думал, что они в чёрной машине.

– Где вы их заперли? – спросил он.

Брови Исайи прыгнули вверх в удивлении:

– Запер? Нет, Оуэн. Грейс и Шон решили остаться.

Оуэн не знал, как это возможно, или, может, это была ложь, но теперь он без борьбы позволил агенту застегнуть наручники на своих запястьях.

ГЛАВА 19

Дэвид сидел на заднем сидении реактивного автомобиля, Наталья на переднем, а Хавьер за рулём. Мощность двигателя заставляла Дэвида стучать зубами, как только они вылетели из гаража, а после того, как Хавьер прибавил газу, невидимая сила сдавила шею Дэвида и вдавила спину в кресло.

– Извините, – сказала Хавьер. – Эта штука – зверь.

Он вырулил на дорогу, идущую сквозь весь комплекс, и Дэвид смог увидеть все пять зданий. Агенты тамплиеров были повсюду, но никто из них не осмелился встать на пути машины. Несколько агентов выстрелили в них, но, похоже, автомобиль был пуленепробиваемым, и больше никто не поднял своего оружия.

Как только они проехали поворот на дорогу, Хавьер нажал педаль тормоза, из-за чего Дэвида ударило о переднее сидение, больно вдавив очки в нос при этом, а Наталью отбросило на приборную панель.

– Извините, – повторил Хавьер.

– Почему мы остановились? – спросила Наталья.

– Из–за него, – ответил Хавьер, указав на мужчину, одетого в такую же куртку и жилет, как и Хавьер. Что–то похожее на электрический клинок вспыхнуло у его запястья и тут же исчезло.

Хавьер открыл дверь и выскочил из машины:

– Ты за рулём.

Незнакомец забрался на переднее сиденье, Хавьер перебрался на заднее, сев рядом с Дэвидом. Спустя секунду машина взревела двигателем и рванула вперёд.

– Так–то лучше, – незнакомец стянул с головы капюшон, обнажив бритую голову, и осмотрел приборную панель. – Где Оуэн?

– Тамплиеры схватили его – ответил Хавьер.

Незнакомец выругался.

– А это кто?

– Наталья, – ответила она, немного отодвинувшись от него.

– Я Дэвид.

Незнакомец кивнул:

– Я Гриффин.

Наталья посмотрел на Хавьера, затем перевела взгляд на Гриффина:

– А вы...?

– Ага, – сказал Хавьер. – Он ассасин.

– Кого–то из вас это беспокоит настолько, чтобы я вытащил их? – спросил Гриффин.

Дэвид ничего не ответил, а Наталья посмотрела вперёд. Если бы Хавьер не был здесь, то она точно никуда не отправилась бы с этим Гриффином. Но похоже, что Оуэн и Хавьер знали ассасина и, возможно, были с ним всё это время.

Гриффин нажал несколько иконок на тачскрине. Один был похож на экран радара, другой – на простую GPS–карту, но с подробными топографическими данными. Были и другие экраны, показывающие состояние других систем реактивного автомобиля. Гриффин нажал что–то, и через рёв двигателя стал пробиваться какой–то шум, искажающий звук.

– Что это? – спросил Хавьер.

– Стелс–режим, думаю, – сказал Гриффин. – Для вертолётов.

– Вертолётов? – Дэвид надел очки и посмотрел в окно.

– Три вертолёта направляются к нам, – сказал Гриффин. – Но они не смогут нас заметить. Вы выбрали хорошую машину, ребята.

– Идея Дэвида, – ответил Хавьер.

– У Дэвида хороший вкус, – усмехнулся Гриффин. – Рассказывай мне, что произошло до этого.

И Хавьер рассказал, что после того, как они разделились с ассасином, они решили сами найти Дэвида и остальных. Они вломились внутрь, угрожая Коул, а потом рыскали по всему комплексу, пока не нашли всех в гараже.

– Что насчёт тебя? – в свою очередь, спросил Хавьер.

– Парни, вы сделали именно то, на что я надеялся, – сказал Гриффин. – Я знал, что нужно расчистить вам путь, поэтому дал понять тамплиерам, где я, и какое-то время держал их занятыми.

Хавьер повернулся к Дэvidу:

– Где твоя сестра?

– Мы разделились, – ответил тот.

– Не думаю, что она бы пошла в любом случае, – сказала Наталья. – Шон тоже не пошёл.

– Погоди, они остались по собственному желанию? – спросил Хавьер.

Наталья кивнула.

– Хотел бы я, чтобы это меня удивило, – произнёс Гриффин.

– Почему они остались? – спросил Хавьер.

– Ты не знаешь, как там, – ответила Наталья. – Они мастера в том, чтобы заставлять людей делать то, что им нужно. Контролировать их.

Она была права. Исайя настроил Дэвида против своей сестры, и её против него. Но в тот последний момент, у двери, Дэвид бы ни за что не ушёл, если бы она не сказала ему.

Он беспокоился о ней. Что Исайя будет делать, когда узнает, что они сбежали? Как он объяснит всё их отцу? Нужны ли они Исайе, чтобы найти Частицу Эдема, настолько, чтобы быть в безопасности?

– Монро был там, – сказал Хавьер.

Гриффин кивнул:

– Я догадывался. Должно быть, именно он открыл огонь, чтобы отвлечь тамплиеров, то же самое сделал и я. Исайя, скорее всего, понятия не имел, что произошло.

Машина двигалась к подножию горы и Дэвид продолжал смотреть вверх. Вертолёты кружили в небе, но в стороне от них. В конце концов они спустились с горы, выехали на шоссе и направились на юг.

– Так что будем делать? – спросил Хавьер.

– Пока что сидеть тихо. У нас не будет возможности совершить вторую подобную вылазку.

– Так мы попросту оставим Оуэна там? – спросил Хавьер.

– И Грейс? – добавил Дэвид.

– Пока да, – сказал Гриффин. – Пока. Будем ждать ответного шага Исайи, и затем сделаем свой ход. Может, Ротенберг сможет помочь нам.

– Ротенберг? – спросила Наталья.

– Информатор ассасинов у тамплиеров, – пояснил Хавьер.

– В любом случае, – продолжил Гриффин. – есть Частица Эдема. Как близок Исайя к тому, чтобы найти следующую?

– Спросите Наталью, она видела её, – сказал Дэвид.

Наталья выглядела очень жёстко, но Дэвид не мог понять, чем это вызвано: гневом или страхом.

Гриффин посмотрел на неё.

– Это правда?

– Я видела её, – ответила она. – Но я не знаю, где она.

– Решаемо, – сказал Гриффин. – Что насчёт третьего зубца?

– Исайя без понятия, – сказал Дэвид. – Он просто посылал нас в прошлое к разным предкам, пытаюсь найти его.

– Это может измениться, – сказал Гриффин.

– В смысле? – спросила Наталья.

– Теперь у Исайи есть Монро. И Оуэн.

– Оуэн не заговорит, – сказал Хавьер.

– Исайя может быть очень убедительным, – сказала Наталья.

Хавьер хмыкнул:

– Ты не знаешь Оуэна.

– И ни один из вас не знает тамплиеров, – вставил Гриффин.

Последняя фраза вызвала в машине какую-то мрачную атмосферу, и никто больше не проронил ни слова. Они проехали на юг по шоссе, затем свернули на восток, направляясь к холмам. В конце концов Гриффин съехал на грунтовку, по которой они проехали милю или около того, пока не подъехали к дому, у которого со всех сторон было написано «Не входить!».

Дом выглядел так, словно обрушился бы в любой момент, если бы ты наступил не туда. Отец Дэвида сказал бы, что этот дом стоит только благодаря краске, вот только на этом доме краски не было.

Гриффин закатил машину в сарай и затем повёл всех ко входной двери. Высокие сорняки и трава достигали колен Дэвида, и он мог чувствовать, как они покалывают его через штаны.

У входной двери ассасин ввёл код в неожиданно возникший перед ними электронный замок.

– Давайте быстро. Берём, что надо, и сваливаем.

– Повторяю, – начал Хавьер, – Оуэн не...

– У Оуэна может не быть выбора, – прервал его Гриффин. – Тамплиеры могут использовать наркотики для допроса, или даже подорвать Хеликсом и ДНК. Нам нужно считать, что это место скомпрометировано.

Хавьер замолчал, и Гриффин пустил их всех внутрь. Дэвид обнаружил, что снаружи дом не отличается от того, что он увидел внутри. Когда-то давно этот дом был довольно неплохим местом, и Дэвид представлял себе отголоски той жизни, кипящей здесь, пока Гриффин вёл их к двери под лестницей.

– Смотрите под ноги, – предупредил ассасин.

Хавьер спустился вниз, в подвал, который больше соответствовал Аэри. У Гриффина был Анимус с компьютерами и мониторами, большой переговорный стол с разложенными на нём папками и файлами и, конечно же, арсенал.

– Посидите тихо минутку, – сказал Гриффин. – Мне нужно позвонить.

– Сюда, – позвал Хавьер и показал Дэвиду и Наталье следовать за ним.

Он привёл их в угол комнаты с какими-то ящиками и мини-холодильником. Он достал из него несколько бутылок воды, и втроём они сели куда придётся.

– Так здесь вы были последние недели? – спросила Наталья.

Хавьер покачал головой:

– Мы здесь только пару дней. До этого мы прятались в гараже.

– Ты серьёзно? – не поверил Дэвид.

– К сожалению, да. Похоже, у вас, ребята, были условия получше.

Дэвид согласился с ним.

– Чем вы занимались всё это время? – спросила Наталья.

– Тренировались, – сказал Хавьер. – А ещё Оуэн сидел в Анимусе.

– Тренировались? – спросила Наталья. Она нахмурилась и выглядела встревоженной.

– Так ты теперь ассасин? – спросил Дэвид.

– Нет, если у него спросить, – Хавьер махнул бутылкой в сторону Гриффина, который сидел спиной к ним, разговаривая с бородатым мужчиной по видеочату.

– Кто это? – спросил Дэвид.

– Гэвин, – ответил Хавьер. – Думаю, он глава Братства или что-то в этом роде.

– Они так себя называют? – переспросила Наталья. – Братством?

Хавьер кивнул.

– Так вы тоже были в Анимусах? И где?

— Большинство времени я был пилотом времён Второй Мировой войны, — сказал Дэвид. — Наталья была монгольским воином.

— Оуэн сражался с монголами, — заметил Хавьер. — Он был китайским ассасином.

— Правда? — Наталья поставила бутылку с водой на пол. — Это... это был он?

Что-то расстроило её, но она никогда не говорила Дэвиду многого о своей симуляции.

— В смысле «это был он»? — спросил Хавьер.

Наталья покачала головой, и на её глазах стояли слёзы.

— Я... сражалась с китайским ассасином. Молодой девушкой. Я ранила её. Тяжело.

— Тогда да, это был он, — сказал Хавьер. — Но не *в самом деле* он, к тому же ты не знала. Ты же не была в общей симуляции, как в тот раз.

После того, как он сказал это, Наталья немного успокоилась.

— Да, правда, — прошептала она.

— Так в чём дело с Шоном и с твоей сестрой? — спросил Хавьер у Дэвида. — Они тамплиеры?

— Шон, вероятно, да, — сказал Дэвид. — Но не Грейс.

— Тогда почему они остались?

Наталья подобрала свою бутылку с водой:

— Я говорила же, ты не знаешь, как там было. Ты чувствуешь себя, будто в тюрьме, но ни решёток, ни оков нет.

— Но прошлой ночью, — продолжил Дэвид. — Они стали запирать нас в своих комнатах.

— Это стало для меня последней каплей, — закончила Наталья.

Дэвид уже понял это. Её решение перестать работать с Исайей совпало с анонсом директором новых правил безопасности.

— Но я волнуюсь за Шона, — сказала Наталья. — Исайя манипулировал им больше, чем всех нас вместе взятых.

Экран монитора, за которым сидел Гриффин, выключился, и ассасин встал из-за стола, повернувшись к ним.

— Ротенберг вышел на связь, — объявил он. — Он не в восторге от нашего рейда. Совсем. Он почти порвал с нами все контакты, но Гэвин уговорил его успокоиться.

— Что он сказал? — спросил Хавьер.

— Исайя мобилизуется. Он в ярости, что у нас Наталья, и собирает экспедицию в Монголию, — Гриффин подошёл ближе. — Он знает, где Частица?

— Нет, — сказала Наталья. — Но он знает место, где надо искать.

– И что это за место?

– Бурхан–Халдун, – ответила Наталья. – Гора, где покоятся некоторые Великие ханы.

– Довольно большая зона, – заметил Гриффин. – Но Исайя, похоже, в отчаянии.

– Он знает об этом укрытии? – спросил Хавьер.

– Сейчас он сосредоточен на Частице Эдема. До поры до времени мы здесь в безопасности. Ротенберг предупредит нас, если что–либо изменится, – Гриффин взял из холодильника бутылку воды для себя. – Силы Исайи не будут готовы к перелёту в Монголию ещё несколько дней. Знаю, что прошу тебя о многом, Наталья. Знаю, что тамплиеры использовали тебя. Но можешь подумать о возвращении в Анимус? Нам нужно сузить зону поиска и добраться до Частицы прежде, чем это сделает Исайя.

Наталья не ответила. Она встала и подошла к столу с файлами, размышляя.

Так что все ждали.

Дэвид понял, что это не из–за того, что тамплиеры контролировали её. Она не хотела, чтобы ассасины контролировали её тоже. Может, как и Монро, она не хотела, чтобы кто бы то ни было вообще находил зубец Трезубца. Но что сделает Гриффин, если она откажется помогать?

Через секунду она повернулась к ним и подняла голову:

– Я помогу вам, но при одном условии.

– Каком? – спросил Гриффин.

– Вы возьмёте нас с собой в Монголию.

– Это... – Гриффин хмыкнул и потёр рукой по лицу. – Это решение не в моей компетенции. Возможно, я даже не поеду в Монголию. Решение за Гэвином.

– Вы возьмёте нас с собой, или я не буду помогать вам, – сложив руки на груди, сказала Наталья спокойным голосом, в котором звенела сталь. – И после этого Исайя найдёт зубец. Гарантирую.

Чем старше Дэвид становился, тем лучше понимал свою старшую сестру. Она была очень упрямой и волевой, как их отец. Но теперь, увидев новую сторону Натальи, он понял, что она может поспорить в этом с Грейс, а может даже превзойти в этой игре. Он был впечатлён.

– Ладно, – сдался Гриффин.

– Что «ладно»? – спросила Наталья.

– Поможешь мне – я беру тебя с собой в Монголию.

Наталья повернулась к Хавьеру:

– Я могу доверять ему?

Хавьер кивнул.

– Да. Он держит слово.

– Тогда договорились, – сказала Наталья.

Гриффин вздохнул:

– Даже не знаю, как объяснить это Гэвину.

– Просто позвольте ему поговорить с Натальей, – сказал Дэвид. – Он поймёт.

Ассасин ухмыльнулся на это. Подойдя к закрытой двери, он открыл её и достал несколько спальных мешков, надувных матрасов, подушек и одеял.

– Прежде чем отправиться в симуляцию, вам нужно отдохнуть. Особенно тебе, Наталья. Усталость и Анимус не сочетаются. Сегодня ночью я потерял Оуэна, и теперь не собираюсь рисковать твоей нервной системой, Наталья. Мы можем отдохнуть пару часов и начать утром.

Дэвиду стало казаться, что Гриффин за последний час проявил к ним столько искренней заботы, сколько Исая не смог сделать все те несколько недель. Но он не мог сказать такого о Виктории. Дэвид всегда верил в её искренность и гадал, где она была во время сегодняшних событий в Аэри.

Дэвид встал и, подойдя, взял спальный мешок и подушку, а потом использовал ручной насос, чтобы накачать воздуха в матрас. Остальные сделали то же самое, и Дэвид подумал о разнице между этим убежищем и комплексом, из которого они сбежали.

Пока ты не оказался на побеждённой стороне, ты не понимаешь, почему тамплиеры выглядят так привлекательно.

Они обещали и предлагали гораздо больше, чем ассасины, а именно: благосостояние, безопасность и стабильность.

Гриффин подошёл к столу и стал рассматривать лежащие на нём бумаги.

– Что это? – спросила Наталья, приготовив свою постель. – Я видела имя Оуэна.

Хавьер сделал то же самое и лёг на кровать.

– Это улики, которые использовали для доказательства вины отца Оуэна.

– Вины в чём? – спросил Дэвид.

– В убийстве, – сказал Хавьер, пристраивая подушку поудобнее. – Во время ограбления банка.

Наталья легла рядом с ним:

– Но почему они у Гриффина?

– Потому что я украл их с полицейского склада, – сказал Хавьер. – Оуэн говорит, что его отец невиновен, и я верю ему. Нам нужно только доказать это.

– Его отец всё ещё в тюрьме? – спросил Дэвид.

– Нет. Он там умер.

Дэвид замолк, не зная, что сказать. Его собственный отец всегда был рядом, надёжный и любящий, и он всегда принимал это как должное.

– Я не знала, – прошептала Наталья.

– Это не то, о чём говорят кому угодно. Но вы ребят больше не кто угодно. – Хавьер вздохнул. – Так Монро и вышел на нас. Оуэн хотел просмотреть воспоминания своего отца, но у Монро не вышло.

Дэвид вспомнил как Грейс говорила ему, что Анимус – не игрушка. Он знал, что она права, но теперь он осознал, насколько личными и важными генетические воспоминания могут быть.

Одно дело отправиться в западную Африку или Нью-Йорк или даже стать пилотом самолёта. Но с Оуэном было абсолютно иначе. Воспоминания его отца были важны для него, не так, как Частицы Эдема.

Может, именно это Грейс и его отец пытались донести до него.

Может, симуляции Грейс что-то значили для неё, но он не обратил на это внимание.

Может Шон нашёл в них что-то для себя тоже.

Может, именно из-за этого они и остались.

ГЛАВА 20

Вскоре после того, как остальные сбежали, Исайя в сопровождении агентов вошёл в комнату Шона. Шон перелез с кресла на кровать и лёг на спину, закинув руки за голову и смотря в потолок.

– Всё в порядке, Шон? – спросил Исайя, не став поворачиваться и включать свет.

– Что происходит? – спросил Шон.

Исайя прошёл дальше в комнату.

– Всё под контролем. Ты видел остальных?

Шон не хотел предавать их, но ему также не хотелось, чтобы директор думал, что он с ними заодно.

– Я не говорил с ними, а они не говорили со мной.

Исайя помедлил:

– Достаточно честно. – Он повернулся к стоящему рядом агенту. –

Проверьте остальные комнаты.

– Да, сэр.

Агент ушёл, и Исайя подошёл ближе к кровати Шона:

– Я полагаю, что сегодняшняя ночь была решающей во многих смыслах.

Шон ожидал продолжения в темноте.

Исайя продолжил:

– Линии были нарисованы и наконец пересеклись. Ты сделал хороший выбор, Шон.

– Я чувствую, что сделал выбор уже давно, – Шон посмотрел на свои ноги. – Просто не знал этого.

– Возможно, так и есть.

– Но это не выбор между добром и злом, – сказал Шон. – Они всё ещё мои друзья. Они хорошие люди. Это не значит, что они не могут ошибаться.

– Именно.

Агент вернулся:

– Сэр, Грейс в своей комнате. Дэвида и Натальи нет.

На секунду повисла тишина, а затем Исайя вздохнул:

– У меня есть дела, которым нужно уделить внимание, Шон. Оставайся здесь и постарайся не волноваться. Всё будет сделано правильно.

Шон кивнул, и Исайя с агентом ушли, вновь погрузив комнату и всё здание в тишину. Дождь перестал, но снаружи раздавались крики. Шон игнорировал их, но не мог заснуть.

Он не мог принять на свой счёт то, что остальные оставили его. Дело было не в их взаимоотношениях. Дело было только в нём, в том, как сложилась его жизнь.

И это было тем, что заставляло его желать лучшего мира для себя и других, таких же как он. У ассасинов был свой путь, но Шон верил, что их путь приведёт только к хаосу. Злодеи, повстанцы, террористы, пытающиеся перевернуть мир вверх дном.

Абстерго и тамплиеры предлагали кое-что получше.

Кто-то постучал к нему в дверь.

– Да?

– Шон?

Это была Грейс.

– Входи, – позвал он.

Дверь открылась, и Грейс шагнула в комнату.

– Можно, я посижу с тобой?

Шон сел.

– Э, конечно, – он переместил свои ноги, свесив их на пол, чтобы Грейс смогла сесть рядом.

– Дэвид ушёл, – сказала она, садясь рядом с ним.

– Я слышал, – ответил он, сложив руки на коленях. – Мне жаль.

Она начала плакать.

Шон не знал, как ему следует поступить, но он чувствовал, что знает её достаточно для того, чтобы обнять её. Когда он сделал это, она повернулась к нему и уткнулась лицом в его плечо. Он почувствовал, что она пахнет сладким миндалём.

– Может, Исайя остановит их, – сказал он.

Грейс покачала головой.

– Я не хочу этого, – она отстранилась, вытирая слёзы. – Дэвид хотел уйти, и часть меня не хотела больше быть ответственной за него.

Шон кивнул:

– Кажется, я понимаю.

– Ты не думаешь, что это делает меня плохой сестрой?

– Нет, я думаю, что нам нужно отвечать за самих себя. Дэвиду тоже. Он сделал свой выбор, ты сделала свой. Это нормально, что каждый из вас пошёл по своему пути.

Грейс кивнула.

– Я не знаю, что сказать своему отцу.

– Оставь это Исайе, – сказал Шон и посмотрел в пол. – Могу я спросить, почему ты осталась?

Грейс не отвечала несколько секунд, а Шон ждал.

– Думаю... Думаю, я ещё этого не осознала.

– Это нормально. Я здесь, если ты захочешь поговорить об этом.

После этого они просто сидели рядом ничего не говоря, до тех пор, пока в дверях не появился агент и не постучал, привлекая внимание.

– Да? – произнёс Шон.

– Исайя хотел бы видеть вас обоих в своём офисе.

Грейс встала и отступила в сторону, пока Шон втаскивал себя в кресло. Затем они втроём отправились по коридору, но не в тот офис, в котором они обычно встречались с директором. Агент привёл их в главное здание и пересёк атриум, подойдя к лифту. Там он использовал сканер отпечатка пальца и ввёл код, чтобы вызвать его, и, войдя внутрь, нажал на четвёртый этаж.

Шон даже не знал, что здесь есть четвёртый этаж. Он посмотрел на Грейс, но та лишь подняла брови и покачала головой.

Когда лифт остановился, агент вышел из него и показал направо:

– Исайя ждёт вас.

Шон вкатился в открытые двери и попал в коридор, закругляющийся кольцом вокруг атриума, выполненный целиком из стекла, первый этаж был виден далеко внизу.

Они повернули направо и добрались до очередной открытой двери. Услышав раздававшиеся из-за неё голоса, они вошли внутрь.

Длинная комната напоминала современную церковь. Стол Исайи, стоящий в дальнем конце, был оформлен в виде алтаря, витраж из стекла, образующий крест, висел на стене позади него, пол был сделан из полированного светло-розового мрамора.

Многочисленные стулья стояли рядами, столь плотно, что были похожи на скамьи, и на одном из них кто-то сидел.

– Оуэн? – воскликнула Грейс.

Шон присмотрелся и понял, что она права. Это был Оуэн, одетый в кожаную куртку и военного кроя штаны, его руки лежали на коленях. Исайя стоял перед их другом, смотря на него сверху вниз.

– Шон, Грейс, спасибо, что присоединились к нам. Пожалуйста, подойдите поближе.

Шон покатил себя по проходу, Грейс пошла за ним, и вскоре они дошли до Оуэна. Тот посмотрел на них и улыбнулся.

– Что вы здесь делаете, ребят? – спросил он.

– Могу то же самое спросить у тебя, – сказал Шон.

– Оуэн совершил нападение на Аэри, – ответил за Оуэна Исайя. – Вместе с Хавьером и ассасином по имени Гриффин.

– Что? – опешил Шон. Оуэн каким-то образом стал ассасином?

– Это правда? – спросила Грейс.

Оуэн кивнул:

– Чистая правда.

– Зачем? – спросил Шон более грубым тоном, чем он ожидал.

– Мы пытались спасти вас. Очевидно, нам не стоило тратить своё время.

– И что это должно значить?

– Джентльмены, – вступил Исайя. – Я позвал вас не для того, чтобы вы затеяли конфликт. Напротив. Я надеялся, что Шон и Грейс помогут понять Оуэну, что мы не враги.

– Скажите это своим парням, которые стреляли в нас внизу, – сказал Оуэн.

– А что, по-твоему, им оставалось делать? – спросил Исайя. – Они не знали, кто вы. Они разумно предполагали, что ваши намерения враждебны, а оружие летально. Я не могу винить их за эти действия.

– Так же, как и я, – сказал Шон, несмотря на то, что в его голову закралась мысль, что его там не было. Но Оуэн слишком его разозлил, и ему было плевать. С чего он решил, что его надо спасти? Кто он такой, чтобы считать его беспомощным?

А Исайя вернулся к столу, открыл ящик и достал файл.

– Пожалуй, настало время дать Оуэну немного правды.

Оуэн расхохотался.

– Правды? От вас? Разве не это называют оксюмороном?

Исайя проигнорировал его и вернулся с открытым файлом.

– Твой отец, – сказал он. – Кошмарное дело.

Это изменило выражение лица Оуэна моментально. Улыбка и смех исчезли, сменившись взглядом, который излучал только ярость.

– Ты сейчас собираешься обсуждать это?

– О да, – Исайя взмахнул файлом. – Именно это мы и собираемся обсудить.

– Что это? – спросила Грейс.

– Доказательства, – сказал Исайя. – Суд постановил, что отец Оуэна виновен в ужасном преступлении, и отправил его в тюрьму, где тот впоследствии умер. И Оуэн верит в то, что его отец невиновен.

– Он невиновен! – закричал Оуэн.

Часть гнева Шона пропала без следа, когда он осознал, через что Оуэну пришлось пройти.

– Так и есть, – согласился Исайя. – Твоего отца ложно обвинили в убийстве.

Эти слова словно заморозили время на несколько секунд. Даже Шон почувствовал это. Он затаил дыхание и ждал, наблюдая, как для Оуэна мир переворачивается с ног на голову.

– Что ты сейчас сказал? – прошептал Оуэн.

– Здесь у меня доказательства, – сказал Исайя. – Ничего из этого нельзя представить суду, но, может быть, это успокоит твою душу.

– Покажи мне, – сказал Оуэн.

Исайя закрыл папку.

– Если я доверюсь тебе и срежу ленты, согласишься ли ты мне в ответ?

– Покажи мне доказательства, – повторил Оуэн. – Тогда и поговорим.

Исайя немного поколебался и наконец сказал:

– Кажется, я должен сделать первый шаг.

Он достал нож из кармана и коротким движением перерезал связывающие запястья Оуэна пластиковые ленты. Затем он положил папку ему на колени.

– Что там? – спросил Шон.

Глаза Оуэна отчаянно бегали по всему документу, и он ничего не сказал.

Шон повернулся к Исайе:

– Что там?

– Отец Оуэна был марионеткой ассасинов, – ответил Исайя. – Они заставили его совершить ограбление отделения Мальтийской Банковской Корпорации, которая является финансовым подразделением Абстерго.

– Зачем? – спросила Грейс.

– Это удобно. Позволяет отвлечь внимание от их основной деятельности. Ассасины периодически атакуют активы Абстерго для того, чтобы ослабить Орден. В этом случае отец Оуэна отвлекал нас от гораздо более крупного вторжения. Похоже на их стратегию, которой они придерживались сегодня ночью.

– Но как они его вынудили? – спросил Шон.

– Похоже, что у отца Оуэна была игровая зависимость. Ассасины воспользовались этим, и как только он задолжал им большую сумму, они стали угрожать ему жизнями и здоровьем его жены и детей, если он не заплатит. Разумеется, у него не было столько денег, так что они предложили ограбление банка, как способ рассчитаться с долгами.

Оуэн закрыл папку и покачал головой:

– Я тебе не верю.

– Почему?

– Потому что ты лжёшь. Вот что ты делаешь.

– Спроси у этих двоих, – сказал Исайя. – Шон, Грейс, я солгал вам?

– Нет, – ответил Шон.

Грейс поколебалась, но сказала:

– Не думаю.

– Как это может быть доказательством? – спросил Оуэн, тряс папку. – КАК?

– Какое доказательство тебя устроит? – спросил в свою очередь Исайя.

В ответ Оуэн потянулся к куртке, словно к оружию, и Исайя стремительно бросился к нему с ножом, остановившись в шаге от него и приготовившись.

– Я доверяю тебе, сынок. Не разочаровывай меня.

– Я тебе не сынок, – процедил Оуэн и достал из кармана прозрачный пакет.

– Что это? – спросила Грейс.

– Образец ДНК моего отца. Они взяли образец после того, как его арестовали.

Исайя отступил назад:

– Я понял. Ты хочешь того, чего ни Монро, ни Гриффин не смогли дать тебе. Ты хочешь использовать Хеликс.

— Я хочу попасть в эти воспоминания, — сказал Оуэн. — Только в это я поверю.

Исайя протянул ему руку:

— Могу предоставить тебе эту возможность. Но это другое устройство, в отличии от Анимуса.

Оуэн смотрел на директора несколько секунд, а затем положил в протянутую руку пакет.

— Когда?

— Завтра, — сказал Исайя, убрав пакет во внутренний карман. — Потребуется много времени, чтобы извлечь именно те воспоминания, которые тебе нужны.

Оуэн закатил глаза, но потом кивнул.

Исайя вернулся к столу:

— Может, после этого ты доверишься мне.

— Не думаю, — сказал Оуэн.

— Шон, Грейс, — обратился к ним Исайя. — Заберёте с собой Оуэна? Поможете ему занять комнату рядом с вами?

— Эм, конечно, — сказал Шон, а Грейс кивнула.

— Спасибо вам. Я встречу с вами тремя утром в комнате отдыха после того, как вы выспитесь и позавтракаете.

Шон был немного в смущении из-за настолько подробных указаний директора и того, как он легко позволил Оуэну разгуливать на свободе. Но затем он понял, что после всего этого Оуэн не так уж и свободен. У директора было именно то, что хотел Оуэн, и он ни за что не упустит свой шанс.

На следующее утро Шон проснулся, удивившись, что он вообще заснул. Прошлой ночью, когда они вернулись в свои комнаты, стояла напряжённая тишина, и он долго лежал в постели, неспособный уснуть из-за неясного беспокойства. Но теперь он проснулся, забрался в кресло, закатил себя в ванную и, устроив себе быстрый душ, оделся и выкатился в коридор, направляясь в комнату отдыха.

Там он обнаружил Грейс, которая завтракала чашкой кофе и бубликом, и Оуэна, сидящего рядом с ней, без какой либо еды рядом с собой.

— В чём дело? — спросил Шон. — Боишься, что еда отравлена?

— Что с тобой не так? — раздражённо ответил Оуэн. — Я просто не голоден.

Шон покачал головой:

– Ладно.

– Оглянись. Дэвида и Натальи нет. Тебе это ни о чём не говорит?

– Это говорит мне о том, что Дэвид и Наталья совершили ошибку, – ответил Шон, но посмотрел при этом на Грейс, переживая о том, что она может почувствовать при этих словах.

Она перестала есть, но её лицо, напротив, осталось безразличным.

Шон снова повернулся к Оуэну:

– Ты думаешь, что всё знаешь, но это не так. Тамплиеры не такие, как ты думаешь. Единственное, что ты видел – это симуляцию в Нью-Йорке. Ты думаешь о Боссе Твиде и Каджеле Кормаке. Но мы пережили здесь нечто абсолютно другое.

– Так ли это? – спросил Оуэн.

– Да, – ответила Грейс. – Это так.

Оуэн не ответил, а затем Исая вошёл в комнату вместе с Викторией. Она выглядела уставшей, с красными глазами и с улыбкой, которая, казалось, требовала усилий.

– Доброе утро, – поприветствовал их Исая. – После сегодняшней бурной ночи, надеюсь вы хоть немного отдохнули.

– Всё готово? – тут же спросил Оуэн.

– Конечно. Я же тебе говорил. Я провожу тебя, идём.

– Что делать нам? – спросил Шон.

– Учитывая всё, что произошло, доктор Бюбо и я подумали, что привычный порядок вещей будет полезен для вас. Так что, если хотите, то можете вернуться к своим симуляциям. Но мы не настаиваем.

– Я бы хотел, – вызвался Шон.

– Очень хорошо, – сказала Виктория и повернулась к Грейс. – Как ты себя чувствуешь?

– Я не уверена, – ответила та. – Я все ещё думаю над всем этим.

– Это нормально, тебе нужно время, – Виктория обратилась к Шону. – Идём со мной?

Шон кивнул и покатил к ней, но, когда он проезжал мимо Оуэна, то остановился и сказал ему:

– Я не из плохих парней, и я не думаю, что ты из таких же. Надеюсь, что твоя симуляция даст тебе то, что ты ищешь.

Оуэн выглядел немного озадаченным, но Шон не стал ждать и уехал прежде, чем Оуэн ответил.

И немногим позже он снова был в Анимусе, в воспоминаниях Штирбьорна, и события нынешней ночи в симуляции отодвинулись на века от его разума. Сейчас он шёл к месту их с Палнатоком поединка за звание

лидера Йомсвикингов. От такого вызова нельзя было отказаться, но и бросить его было непросто.

Но Штирбьорн знал, что он победит, и если его сестра боялась за него, то сам он был спокоен. Она шла позади него, склонив голову, переживая за него.

– Что, если тебя убьют? – спросила она.

– Палнаторк уважает традиции, – ответил Штирбьорн. – Он не будет пытаться убить меня, и если я проиграю, то заплачу выкуп, и мы удалимся. Но, Гирид, я не проиграю.

Похоже, его слова не уняли её тревогу.

Когда они достигли перекрёстка, где всегда проходили подобные поединки, Штирбьорн обнаружил, что толпа уже собралась. Уже были проделаны борозды, образующие квадратный ринг, и четыре деревянных столба уже были установлены по углам. Он снял свою меховую накидку и, передав её сестре, стал разминать руки и спину, готовясь.

Вскоре мужчины принесли дуэльное полотно – квадрат ткани со сторонами по три метра, который расстелили на земле между столбов. Затем появился Палнаторк в сопровождении дюжины своих Йомсвикингов, каждый из которых смотрел на Штирбьорна с открытой ненавистью. Этого следовало ожидать, и Штирбьорн изучил их лица, чтобы вспомнить их потом.

И, наконец, настало время поединка. У Штирбьорна было три щита наготове, один из его людей стоял с одним из них, и он ступил на ринг. Палнаторк сделал то же самое, и их поединок начался.

Палнаторк ударил первым, его лезвие быстро и мощно ударило в подставленный Штирбьорном деревянный щит, расколов его на две части. Удар заставил пошатнуться Штирбьорна и заставил кости вибрировать, как после удара колокола. Но он отбросил сломанный щит и взял другой; в этот раз он будет готов.

Палнаторк атаковал вновь, но Штирбьорн парировал и контратаковал. Палнаторк подался в сторону, уклонившись, и бросился вниз, чтобы ударить по ногам Штирбьорна, но промахнулся, и затем они оба вернулись в исходное положение.

Штирбьорн не привык к такому типу церемониального боя. Это было медленно, методично и слишком близко. Он предпочитал открытое поле боя, с его безумием, кровью и хаосом, но он вовлёк себя в этот древний

ритуал, потому что должен был. Если бы он просто убил Палнатока, то Йомсвикинги никогда бы не пошли за ним.

Штирбьорн бросился с рёвом, и в этот раз сломался щит Палнатока, развалившийся у него в руках на куски. Шон почувствовал прилив адреналина и ярости, взметнувшийся в его предке, когда битва остановилась. Щит был заменён, и они снова сошлись.

Ударить, парировать, увернуться.

Ударить, подставить щит, парировать.

Их битва продолжалась, и вскоре у Штирбьорна сломался второй, а затем и третий щит, оставив ему для защиты лишь меч. Обычно за этим следовало быстрое поражение в поединке, но Штирбьорн всегда был искусным фехтовальщиком.

Когда Палнаток самоуверенно атаковал его, Штирбьорн взмыл так высоко в воздух, что его ноги поравнялись с плечами Палнатока, и обрушил свой меч ударом вниз, отрезав командиру Йомсвикингов ухо.

Кровь капала из раны, заливая ткань под ногами, и эти начертанные красные символы объявили, что поединок закончился.

Ни один человек в толпе не высказал одобрения, пока оба мужчины покидали ринг. Палнаток прижимал окровавленную тряпку к голове, а Штирбьорн старался не тревожить руку.

– Йомсвикинги под твоей командой, – проговорил Палнаток, тяжело дыша. – Куда ты прикажешь отправиться нам? В Швецию? Сражаться с твоим дядей?

– Нет, – произнёс Штирбьорн, и Гирид встала рядом с ним.

– Нет?

Он вернул свой меховой плащ себе на плечи, пока Шон наслаждался чувством победы.

– Сначала мы сразимся с датчанами, – сказал Штирбьорн, – чтобы я заполучил флот этого христианина, Харальда Синезубого⁴¹.

⁴¹ Харальд I Синезубый (930–е – 1 ноября 986 г.) – король Дании и Норвегии. По распространённой версии, получил прозвище Синезубый из-за тёмного цвета зубов. Унаследовал трон от своего отца Горма Старого.

При нём Дания официально приняла христианство. Это решение было продиктовано скорее политическими причинами – чтобы наладить отношения со Священной Римской Империей и иным православным миром. По причине религии у него было множество разногласий. В 970 году объединённое войско Харальда и ярла Хокона II победило короля Норвегии Харальда II Серая Шкура, после чего Харальд I стал практически королём Норвегии, и Хокон признавал его, но ровно до 986 года, когда Харальд попытался принудить Хокона принять христианство.

Согласно раннесредневековому источнику, Харальд был убит во время войны со своим сыном Свенем, и опять из-за религии (Свен был язычником). По другой версии, Харальд умер в Йомсберге.

Именно в его честь и была названа технология Bluetooth, так как ему удалось объединить враждующие датские племена в единое королевство, и подразумевается, что Bluetooth делает то же самое с протоколами связи.

ГЛАВА 21

Наталья позавтракала гранолой и заняла место в кресле Анимуса. Он был отдалённо похож на тот, который они использовали в Аэри, но не настолько удобный. Гриффин подключил к ней датчики и провода, и она закрыла глаза:

– Ненавижу эту часть.

– Какую часть? – спросил он.

– Вход в симуляцию.

– Почему?

– Теменной Супрессор.

– Аа, – протянул Гриффин, подойдя к компьютерной консоли. – Мы не будем использовать его.

– Не будем?

– Нет. И ты будешь в кресле, так что симуляция будет менее надёжной. Проще десинхронизироваться, так что поосторожнее.

– Поняла, – вздохнула Наталья, радуясь, что хотя бы этой боли удалось избежать.

– Теперь, – сказал Гриффин, вводя какие-то данные. – Мы знаем дату смерти хана Мунке. Как далеко от этого момента мы должны начать?

– У них неблизкий путь. Асутай идёт тридцать или сорок миль в день, так что... месяц? Пять недель?

– Тогда начнём с четырёх недель, а потом, если понадобится, прыгнем дальше. Ты готова?

– Да.

– Тогда начинаем.

Несколько секунд спустя Наталья лежала в абсолютной темноте, и затем голос Гриффина раздался у неё в ушах:

– *Я готов запустить Коридор Памяти, как только скажешь.*

– Я готова, – сказала Наталья.

– *Окей. Тогда три, два, один...*

Ослепительный свет прорезал тьму, но в этот раз не было ощущения, что в черепе у Натальи что-то взорвалось, а через секунду она стояла в бесформенном облаке. Гриффин был прав, это не ощущалось так *реально*, как при использовании Теменного Супрессора. Где-то на заднем плане Наталья понимала, что она всё ещё лежит в кресле Анимуса, в подвале старого ветхого дома, и именно эта часть держала её в стороне от полного принятия симуляции.

– *Я всё загрузил. Месяц с момента смерти хана.*

– Окей.

Коридор памяти разнёсся в стороны, снова без попыток вскрыть её мозг, и через мгновение Наталья обнаружила себя верхом на коне, двигаясь в колонне воинов Хешига, с повозкой с телом Великого хана посреди них.

Наталья почти потеряла баланс и чуть не выпала с седла. Симуляция начала размываться.

– *Воу, ты в порядке?*

– Да, я просто... – Наталья успокоила свои мысли. – Мне нужно сориентироваться.

– *Здесь всё будет, как в Анимусе Монро.*

Наталья поняла это. Это было непросто, но она пересилила себя и выпустила на сцену своего разума Байана, как она делала с Аделиной, позволив ему управлять лошадью и разделить с ней мысли и воспоминания.

Их маленькая армия двигалась на север через долину Чёрной реки, воздух был благословенно прохладен и сух, ясное небо широко разносилось из стороны в сторону. Рисовые поля снова выросли, когда инженеры изменили русло реки, затопившей равнины. Фермеры, в грязи по колено, молча смотрели, как монгольская процессия проходит мимо них, неся знамёна и громко трубя в боевые горны. Чен Лун, этот тангут, был из этих

мест, и пусть это не родные степи Байана, но они были ближе к дому, чем проклятые долины Сун.

Его плечо и бок медленно исцелялись, но всё ещё болели, и иногда он думал о воине Сун, который победил его. Он не был настолько ослеплён ненавистью, чтобы не отдать должное её силе и способностям. И с осознанием неудовольствия Небесного Отца, часть его начала надеяться, что она выжила, и иногда даже сожалеть, что он причинил ей такую тяжёлую травму.

– Байан! – Асутай крикнул ему из главы колонны.

Он пришпорил лошадь и догнал молодого принца, склонив голову и приблизившись.

– Мой господин?

– Мы достигли города Ирия⁴². – Он был одет в свою украшенную золотым орнаментом броню, его шлем ярко сверкал на солнце. – Я бы хотел, чтобы ты был рядом со мной.

– Конечно, мой господин.

Байан всё ещё не понимал, почему сын хана одарил его своим вниманием и был так благосклонен к нему, но он принимал это с необходимой покорностью.

– Проедем вперёд со мной.

Асутай двинул лошадь вперёд рысью, и Байан последовал за ним, до тех пор, пока они достаточно не отделились от главной колонны, но всё равно лучшие лучники и воины были в четырёх метрах впереди.

– Восемнадцать лет назад великий генерал Чингисхана, Субэдэй⁴³, выиграл битву против Королевства Польского.

Байан кивнул.

– Среди пленников, захваченных в Легнице⁴⁴, был молодой солдат, принадлежащий Ордену, зовущемуся тамплиерами.

⁴² Иньчуань – город в Китае, культурный и политический центр Нинся–Хуэйского автономного округа. Монголы называли его Ирий. Коренные жители – представители народности хуэй, китайские мусульмане. До 1205 года входил в состав различных китайских государств, пока на него не начали совершать набеги монголы. Тангуты, представленные тогда государством Си Ся, в итоге были вынуждены перенести столицу из Иньчуаня в Хара-Хото, но это не остановило их от разгрома армией Чингисхана. В итоге страну разделили на несколько провинций.

Сейчас город является кладом достопримечательностей: например, там до сих пор сохранились гробницы императоров тангутов, и они признаны экспертами как самые крупные захоронения, которые к тому же отлично сохранились.

⁴³ Субэдэй (1176 – 1248) – известнейший монгольский полководец и соратник Чингисхана. Участвовал во всех основных монгольских походах XIII века – северный Китай (империя Цзинь), участвовал в битве при Калке против русско-половецкого войска, со второй попытки в 1236 году покорил волжских булгар. И, наконец, был фактически командующим в западном походе Батыя, когда монголы покорили Русь.

⁴⁴ Битва при Легнице – одно из ключевых сражений западного похода монголов 1236–1242 гг. и конкретно монгольского похода 1240–1242 гг, целью которого были владения Даниила Галицкого, Польша и Венгрия. Битва произошла 9 апреля 1241 года, между монгольской армией и объединённым польско–немецким войском, и в результате, несмотря на оказанное сопротивление, монголы разбили противника и продолжили поход.

– Воинское общество? – спросил Байан.

– Не только воинское, – сказал Асутай. – Наши цели и амбиции лежат выше военных достижений. Война просто очень эффективный инструмент.

Принц только что назвал себя членом Ордена тамплиеров, но Байан никак не прокомментировал это, позволив Асутаю продолжить.

– Мой отец стал членом Ордена до меня. Так он получил власть, победив и задавив вероломных наследников брата моего деда, Угэдэя. Теперь я займу место моего отца как тамплиер, хоть и не на троне.

– Какова цель этого Ордена? – спросил Байан.

Асутай кивнул в сторону долины, где показался город:

– Ирия. Бывшая столица Империи Си Ся.

Байан наблюдал, как по мере приближения колонны воинов Хешига становились видны разрушения. Даже после тридцати лет длинные секции стен не были перестроены, и сгоревшие постройки стояли почерневшими предупреждениями предательства.

Байан был мальчишкой в те времена, но он слышал истории. Орда *не оставила в городе никого*, вырезав его обитателей и жителей сельской местности, почти искоренив народ тангутов. Но разрушенный город больше не был пустым. Поля вокруг него снова заросли рисом. На данный момент царила тишина.

– Мы принесли мир, – сказал Асутай. – Мы принесли порядок в этот хаос, с нашим правительством, нашей валютой, нашими дорогами. Мы поддерживаем терпимость к тем, кто поклоняется другим богам, а наши суды несут железную справедливость.

Байан кивнул, и позади его разума Наталья снова почувствовала взметнувшийся ужас. Монгольский принц говорил об убийстве миллионов, словно это было необходимо и оправданно.

И это был мир Ордена тамплиеров – уничтожение города, который лишь спустя десятилетия смог вернуться к жизни.

– Зачем вы мне это рассказываете? – спросил Байан.

– Я бы хотел, чтобы ты присоединился к нам, – ответил Асутай. – Большинство воинов Хешига тамплиеры, хоть и не все. И, как я сказал раньше, нам нужны люди наподобие тебя.

Байан колебался, и в этот момент Наталья почувствовала идущую в нём нравственную борьбу. Когда Байан считал, что это божественная воля управляет ордой, он чувствовал себя правым, убивая, сея смерть и обновляя земли. Но теперь, узнав об Ордене – группе людей, которая контролирует все эти войны, он чувствовал, что его словно сбросили с седла.

– Вы оказываете мне честь, – сказал Байан. – Дадите ли вы мне время обдумать это?

– Конечно. Я спрошу тебя ещё раз, когда мы достигнем Бурхан–Халдуна.

– Спасибо вам, мой господин.

Байан отстал, его голова была склонена, и он присоединился к колонне, которая проходила мимо Ирии, скорее призрака города, чем самого города. Теперь, смотря на него, Байан не видел в нём символ возмездия Небесного Отца.

Он видел только смерть.

– *Я думаю, мы можем прыгнуть дальше.*

Натаалья согласилась.

– *Я загружу тебе Коридор Памяти для начала, чтобы сделать переход проще.*

– Спасибо.

Дорога, повозка с телом хана, и колонна воинов словно растворились в невидимом тумане, прокатившемся по дороге, забирая с собой её лошадь, и затем Натаалья осознала, что она стоит в непроглядном тумане.

– *Давай попробуем пять недель. Всё ещё семь сотен миль до Бурхан–Халдуна.*

– Лучше шесть.

– *Ты здесь босс. Дай мне секунду, чтобы перекалибровать.*

Натаалья ждала с растущим беспокойством. Была высока вероятность того, что следующая симуляция даст информацию о том, где находится Частица Эдема. Это было смыслом всего, но теперь эта миссия становилась для неё часами Судного Дня⁴⁵, сначала с Исайей, а теперь и с Гриффином, отсчитывающим время до конца мира. Как и Монро, она хотела, чтобы *ни одна из фракций* не получила зубец.

Они обе принесли только смерть и разрушение этому миру. Но она не знала, как помешать ассасинам найти его.

⁴⁵ Часы Судного дня – проект журнала Чикагского университета «Бюллетень учёных–атомщиков», начатый в 1947 году создателями первой американской атомной бомбы. Периодически на обложке публикуется изображение часов, показывающих без несколько минут полночь. Время, оставшееся до полуночи, символизировало напряжение в международной обстановке, а полночь – момент ядерного катаклизма. Решение о переводе стрелок принимает совет директоров журнала при помощи приглашённых экспертов, среди которых 18 лауреатов Нобелевской премии.

Самое близкое расположение стрелки к полуночи было установлено, что поразительно, в 2017 году после заявлений президента США Дональда Трампа о ядерном оружии и отрицании климатических изменений, а также росте национализма в европейских странах – 2.5 минуты. Ранее самым минимальным значением было 3 минуты, и оно устанавливалось три раза: в 1949 (испытание атомной бомбы СССР), 1984 (эскалация конфликта между СССР и США, политика Рейгана) и 2015 (модернизация США и Россией ядерной триады, конфликт между Украиной и Россией и отсутствие прогресса в сокращении ядерных арсеналов и угрозы, связанной с изменением климата).

– *Мы готовы.*

Наталья вздохнула:

– Окей.

Коридор Памяти снова распался, и мир вернулся на другую дорогу. В этот раз было проще уступить бразды правления Байану. Через его глаза она опознала священные горы, которые защищали Чингисхана, когда его ещё звали Тэмуджин, пик Бурхан–Халдуна, покрытый снежной шапкой, виднелся вдали.

Похороны хана Мунке начались несколькими днями ранее, и теперь маленькая процессия близких членов семьи и избранных воинов Хешига несла его тело к гробнице в горе, неся с собой огромное количество шёлка, золота и драгоценных камней.

Дороги перед ними были пустынные, потому что люди опасались, что если они увидят захоронение, то их предадут смерти, как предавали ей всех тех, кто видел похороны Чингисхана.

Байан ехал позади Асутая, который вёл воинов Хешига вверх по холмам, позади его дядей, и в конце концов они выехали с дороги и пошли по земле, двигаясь на север, вдоль реки по долине.

Сосновые деревья здесь источали пряный аромат, и зелёные пастбища и поля манили их, пока они шли по этим священным землям, а Бурхан–Халдун становился всё выше и выше.

Наталья чувствовала, как в ней растёт чувство мрачной неизбежности по мере того, как миля за милей проходит под копытами её лошади. Кинжал был вместе с ханом, как и несколько наборов доспехов, мечей и луков, и скоро они прибудут в гробницу. Она станет свидетелем места захоронения Частицы Эдема.

– *Я думаю, мы приближаемся к моменту истины,* – раздался голос Гриффины.

И он чувствует это тоже. Наталья в ответ промолчала.

– *Ты готова к этому?*

– А это имеет значение?

– *Звучит как «нет».*

– Я не говорила этого.

– *Ты не сказала «да».*

– Я просто пытаюсь пройти через это и покончить с этим.

– *Окей. Оставляю это на тебе.*

Воины Хешига достигли небольшой долины у подножия горы, через которую текла река. Окружающие долину холмы сделали из этого места убежище, близкое к богам. Колонна пересекла реку по мелководному броду, а затем спустилась по склону в почтительной тишине. Байан посмотрел вверх, на то место, откуда они пришли, и увидел природное

образование камней в форме бычьего рога. Байан был более чем уверен, что видит перед собой место могилы Великих ханов.

– Байан, – сказал Асутай, подъехав к нему на лошади. – Мы скоро прибудем. Я рад, что ты здесь.

– Спасибо вам, мой господин.

– Если бы ты был Хешигом раньше, то мой отец, возможно, всё ещё был бы жив.

Байан не знал, как ответить на это.

– И каков твой ответ?

Наталья знала, что Байан хочет принять его предложение.

Это был единственный почётный ответ, который он только мог дать. Независимо от того, сражались ли монголы за Небесного Отца, или за Орден тамплиеров, или просто из-за богатства и жажды крови, они были народом Байана. Он был человеком степи, воинов, всадником, лучником, и он будет жить и умрёт так же, среди Орды.

– Мой господин, я...

Наталья боролась с сознанием Байана, удерживая его от ответа, и симуляция пошла искажениями.

– *Возьми себя в руки.*

Наталья не хотела брать себя в руки. Она не хотела, чтобы Байан становился тамплиером.

– *Наталья? Ты же знаешь, что не сможешь изменить этого.*

Она знала. Но что более важно, она узнала, где хан скоро будет похоронен, в отличие от Гриффина. И если она десинхронизируется прямо сейчас, то он и не узнает.

– Я знаю, – сказала она и повернулась к Асутаю, который смотрел на неё, нахмурившись, во всё более искажающейся симуляции.

– Нет, – твёрдо сказала она ему, и мир развалился на части.

Монголы рассыпались, как листья, Бурхан–Халдун сложился сам в себя, забрав с собой каменное образование в виде бычьего рога, и шторм сильнее воздействия теменного подавителя прорвался в разум Натальи.

Когда он прошёл, она стояла в Коридоре Памяти, тяжело дыша.

Гриффин крикнул ей прямо в ухо:

– *Что ты творишь?!*

– Я потеряла контроль.

– *Ничего подобного! Это был саботаж!*

Наталья закрыла глаза, её живот тяжело вздымался, стараясь справиться с последствиями десинхронизации.

– *Я отправляю тебя обратно.*

– Нет, – прошептала она.

– *Да!*

– Нет! – крикнула она. – Если вы пошлёте меня обратно, я сделаю это снова.

– *Почему? Мы так близко!*

– Потому что я не хочу, чтобы вы знали, где это. Я не хочу, чтобы кто-бы то ни было знал, где это.

Гриффин замолчал, надолго. Наталья почувствовала холод, словно в коридоре памяти до этого было тепло, но кто-то выключил его.

– Выпустите меня, – нарушила молчание Наталья.

– *Хорошо. Приготовься.*

Спустя секунду, без предупреждения, её разум накренился снова. Симуляция выдавила её обратно в кресло Анимуса. Она сняла шлем и закашляла, боль, пульсирующая у неё в голове ударила вновь с силой бейсбольной биты.

– Ты задолжала мне объяснение, – сказал Гриффин.

У Натальи слишком сильно кружилась голова, и её тошнило. Она не ответила.

– Она ничего тебе не должна, – услышала Наталья голос Дэвида.

– Не лезь в это, парень.

– Нет. Мы только что свалили от тамплиеров, потому что они пытались контролировать нас. Теперь ты собираешься делать то же самое?

– Это по другой причине.

Дэвид хмыкнул:

– Ты думаешь, это делает тебя лучше?

– Да! – крикнул Гриффин. – Мы не...

– Остановись. – Наталья оценила, что Дэвид встал на её сторону, но она могла сама постоять за себя. – Просто остановись.

– Это и был твой план с самого начала? – спросил Гриффин.

Наталья покачала головой.

– Нет. У меня не было плана. Я просто...

– Просто что?

– Оставь её в покое, – вступил Хавьер.

Наталья закатила глаза. Если ей не нужен был Дэвид в защитниках, то он – тем более.

– С чего я должен оставить её в покое? – спросил Гриффин. – Всё, что я знаю – это то, что она продолжает работать на Исайю, и всё это было подстроено. Всё, что я знаю...

– Я не работаю на Исайю! – крикнула Наталья, сразу же пожалевав об этом, когда боль в её голове усилилась вновь. Но она проигнорировала её, отказываясь отступать, и села обратно в кресло Анимуса. – И точно так же я не работаю и на вас. Я не ассасин и не тамплиер.

Гриффин закрыл рот и отошёл в сторону, став бить кулаком одной руки в ладонь другой.

– Ты говоришь как Монро.

– Может, он прав насчёт этого, – сказала Наталья.

Гриффин указал на цементный пол подвала:

– Это война!

– Но не *моя* война.

– Не важно! Тебя бросили на поле боя, нравится тебе это или нет, но ты уже посередине него. Знаешь, что происходит с людьми, которые замирают посреди поля боя и ничего не делают?

Наталья рисковала встать на ноги, но решила подняться.

– Умирают, – продолжил Гриффин. – Если вы хотите пройти через это, то должны выбрать, на чьей стороне вы будете сражаться. Вы не можете оставаться нейтральными. Монро не нейтрален, что бы он вам ни говорил.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Хавьер.

– Он работал на Абстерго, – пояснил Гриффин. – Он был тамплиером. Ты думаешь, от этого так просто избавиться?

Наталья действительно не думала об этом. Это, конечно, не изменило её решения, но заставило побеспокоиться.

Гриффин продолжил:

– Спросите самих себя, почему Монро не с нами? Почему он не сел в ту машину с вами?

Дэвид посмотрел на Хавьера и Наталью:

– Он сказал, что остаётся ради Оуэна.

Гриффин кивнул:

– Может, так и есть. А может, у него иная причина.

В подвале повисла тишина, нарушаемая лишь гулом компьютерных вентиляторов.

Но у Натальи не было настроения для дальнейших манипуляций. Не важно, что делал Монро, или зачем он это делал. Она десинхронизировалась не для него или кого-то ещё. Гриффину не удастся добраться до неё так легко.

– И что? – спросила она.

Гриффин повернул голову:

– И что?

– Именно, и что? И что с того, что у него есть своя причина для этого? Как это связано со мной?

– Прекрасно, – произнёс Гриффин. – Пока вы тут боретесь с проявлениями подросткового мятежа, я собираюсь в Монголию.

Он подошёл к стене арсенала и начал отбирать оружие.

– Мы ведь тоже идём? – спросил Дэвид.

– Да, – сказала Наталья. – Он дал нам слово.

– Выбор, о котором я теперь сожалею, – согласился Гриффин и тихо пробормотал: – Кроме того, ты не выполнила свою часть сделки.

– Я найду гробницу, когда мы будем в Монголии, – сказала Наталья, тщательно подбирая слова.

Гриффин в ответ только хмыкнул, но Наталья знала, что он возьмёт их с собой. На самом деле ей не очень хотелось в Монголию. Но ей нужно было как-то удержать Гриффина и Исайю от нахождения Частицы Эдема, и она знала, что не сможет это сделать в подвале заброшенного дома посреди ничего.

ГЛАВА 22

Оуэн стоял снаружи банка, смотря на часы. Он получил инструкции и, если он сделает это, он сможет вытащить себя из ямы и встретиться со своей женой и сыном снова. Если облажается, то они потеряют дом и жизнь, ради достижения которой он так долго и упорно трудился. Но вне зависимости от результата они будут в безопасности. Он был уверен в этом.

Секунды сменяли друг друга, и в 4:23 он вошёл в банк. Несколько минут он стоял у стойки, словно заполняя депозит, сопротивляясь страху, который уже сломил его, покрыл потом с головы до ног и высушил рот до состояния опилок. Затем он прошёл в уборную, где забрался в среднюю кабинку, закрыл дверь, оставив небольшую щель, и взгромоздился на унитаз.

После этого он просто стал ждать.

И ждать.

Его бёдра горели, а голени полыхали огнём, но он оставался на месте. Резкие запахи промышленного средства для уборки и вишнёвого

освежителя воздуха глубоко засели в его носу и уже чувствовались на языке.

В 5:03 он услышал, как дверь в туалет открылась, и по звону связки ключей он мог сказать, что это охранник. Если бы мужчина следовал протоколу, он бы проверил каждую кабинку, но, поскольку двери были открыты, он пропустил этот шаг, о чём Оуэн и молился всё это время.

Охранник погасил свет, и дверь туалета закрылась.

Оуэн слез с туалетного сидения и начал двигаться в практически полной темноте, только тусклые красные огни табличек с обозначением аварийного выхода светились над дверью.

Затем он снова стал ждать.

В 5:17 он вышел из туалета и повернул направо, направившись к дальним банковским офисам, где он открыл дверь эвакуационного выхода, впустив своего сообщника, который уже отключил тревогу. Мужчина был одет в чёрную джинсовую куртку поверх кофты с капюшоном, его лицо было затемнено.

Затем вдвоём они прошли к передней части банка, где кассиры всё ещё пересчитывали деньги, прежде чем убрать их на ночь в сейф. В вестибюле сообщник Оуэна повысил голос и начал размахивать пистолетом. Не важно, что он говорил. Оуэн всё равно не слушал. Вместо этого он наблюдал за кассирами и служащими банка, выискивая любой знак предстоящих проблем. Но только удивление и страх были на их лицах. Он подумал, что, работая в банке, они должны были быть лучше подготовлены к подобным ситуациям. Ещё лучше. Но вместо этого они просто подняли руки и сжались, словно ожидали удара. Кроме тех, кто наполнял мешки деньгами.

Оуэн снова стал молиться. В этот раз о том, чтобы никто из них не сделал ничего глупого.

Но там, наверху, его не слышали, охранник появился словно из ниоткуда.

— Стоять! — закричал он.

Факт, что он крикнул *это слово*, показал Оуэну, как будут разворачиваться дальнейшие события, и он ощутил отчаяние от того, что он не в силах ничего изменить.

Его сообщник выстрелил охраннику в грудь, и все закричали. Один из кассиров замер с сумкой в руках, перестав засовывать в неё деньги, и другой кассир вырвал её у него из рук, продолжив работу.

Охранник упал на пол и ворочался около минуты, кровь вытекала из него, расплываясь во все стороны, и вскоре он перестал шевелиться. В оцепенении Оуэн наблюдал за этим. Он не ожидал, что до этого дойдёт, но взвалил на себя столько сумок, сколько смог, так же поступил его сообщник, и они направились к эвакуационному выходу, где их ждала машина.

Раздался голос Исайи:

– *Ты увидел всё, что хотел?*

– Да, – ответил Оуэн.

Симуляция начала распадаться на фрагменты, как древний свиток, рассыпающийся в пыль из-за воздействия солнечного света и воздуха. Через секунду Оуэн осознал себя стоящим в Коридоре Памяти.

– Это был не он, – сказал Оуэн.

– *Но он по-прежнему остаётся грабителем банка.*

– Да, но они заставили его. У него не было выбора. И не он был тем, кто застрелил охранника. Он никого не убивал.

– *Он всё равно бы отправился в тюрьму.*

– Возможно, – сказал Оуэн. Но это было не так важно, как понимание, которое он обрёл только что, всё, что произошло в тот день обрело смысл. Его отец был жертвой, так же, как и застреленный охранник. Никто не верил в это, особенно дедушка и бабушка Оуэна, но это не имело значения. Оуэн узнал правду и внезапно осознал, что именно этого он и хотел всё это время.

– Этим сообщником был ассасин? – спросил он.

– *Возможно.*

– Я готов выходить.

– *Хорошо. Три, два, один...*

Коридор памяти исчез во вспышке света, и через секунду Оуэн открыл глаза в Аэри. Исайя стоял над ним, отсоединяя его от устройства. Оуэн почти почувствовал в себе порыв сказать тамплиеру спасибо, но не смог заставить себя. Пока нет. Вместо этого он сказал:

– Я хочу увидеть Монро.

Исайя кивнул.

– Я определённо могу это устроить.

– Что ты с ним сделал?

– Что ты имеешь в виду?

– Где он?

– В камере.

– Ты не... Ты ничего с ним не сделал?

– Например?

Оуэн знал, что у Монро была информация, которая была необходима и ассасинам, и тамплиерам. Монро декодировал что-то общее в их ДНК, что-то, связанное с Трезубцем Эдема. Оуэн просто не знал, насколько далеко Исайя зайдёт, чтобы получить эту информацию от Монро.

– Ты пытал его? – спросил Оуэн.

Исайя хмыкнул:

– Умоляю. Может быть, я и зол на Монро, но пытки всегда контрпродуктивны. Это неизбежно наносит урон мозгу, а в моей работе я забочусь о сохранности ума. Но скоро ты сам убедишься, что он невредим. Пойдём, я провожу тебя в комнату отдыха.

С этими словами он вместе с Оуэном прошёл по коридорам и залам Аэри, вернувшись в комнату, где Грейс и Шон завтракали утром. Грейс всё ещё сидела здесь, разговаривая с Викторией, женщиной, которая была здесь утром. Исайя ушёл, и Оуэн сел в стороне от Грейс, чтобы не влезать в разговор, развернувшись к большому окну.

Ночной шторм озеленил окружающую Аэри растительность. Деревья, кусты и трава освещались островками солнечного света, пробивавшегося через рваные облака. Для него казалось странным, что несколько часов назад он бежал через этот лес, чтобы проникнуть в этот комплекс, а теперь он сидит и смотрит на всё изнутри.

– Оуэн, – позвала его Грейс.

Она и Виктория, обе смотрели в его сторону.

– Получилось? – спросила она.

– Да, – ответил Оуэн. – Получилось.

– И как ты себя чувствуешь? – спросила Виктория, и Оуэн подумал, что она, должно быть, какой-то мозгоправ.

– Я в порядке, – сказал он. – Ты была в симуляции сегодня, Грейс?

Она покачала головой.

– Эта ночь была тяжёлой для всех, – сказала Виктория. – И все справляются с этим по-своему.

Определённо мозгоправ. Оуэн видел парочку подобных, когда его отец умер.

– Ты не против, если я пойду проверю Шона? – спросила Виктория.

Грейс кивнула, и женщина оставила их одних. Оуэн встал и подошёл к столу Грейс.

– Не возражаешь? – спросил он.

– Неа.

Он выдвинул стул, развернул его и сел, положив руки на спинку.

– Итак, – начала она. – Ассасины подставили твоего отца?

Его плечи напряглись:

– Похоже на то.

– Мне жаль.

Он не винил никого в смерти отца до сегодняшнего дня. Он не знал, как Гриффин был ко всему этому причастен, и это волновало его сейчас больше всего.

– Полагаю, это не должно было быть сюрпризом.

– Почему?

И Оуэн рассказал ей о Чжи, о том, как Братство выбросило её после ранения, даже несмотря на то, что она в одиночку спасла всю империю.

– Похоже на то, что именно так они всегда поступают, – сказал он. – Используют людей.

– Это неправильно, – сказала Грейс.

– Конечно, неправильно.

– Но, по крайней мере, она почтила память своего отца, верно? И что-то вроде этого сделал и ты.

Это было правдой. Оуэн на самом деле чувствовал, что должен что-то Чжи за это. И также он должен Хавьеру. Без украденного образца ДНК, Оуэн по-прежнему был бы прежним собой – запутавшимся, одиноким и без ответов.

– Так ты теперь тамплиер? – спросила Грейс, улыбнувшись.

Оуэн фыркнул:

– С чего ты взяла?

– Я не знаю, – сказала она. – Исайя может быть очень убедительным.

Оуэну всё ещё было сложно довериться ему и не менее сложно забыть тот ущерб, который нанесли Нью-Йорку тамплиеры типа Босса Твида, вне зависимости от того, как Шон говорил об этой организации сейчас.

– Я не тамплиер, – наконец ответил он.

– Но и не ассасин.

– Нет. Но я думаю, что начал этот путь.

– Я тоже. Если ты помнишь.

Конечно, он помнил. Его предок в Нью-Йорке тренировал предка Грейс, учил её, как быть ассасином. Вариус и Элиза провели много времени вместе и стали ближе. Остатки этой близости и доверия всё ещё были между Оуэном и Грейс, если он обращал на это внимание.

Грейс откинулась на спинку стула:

– Эта ситуация приводит в беспорядок твоё сознание.

– Да, это так, – сказал Оуэн. – Похоже на пазл в мозгу. Сложно расставить всё по местам. Все воспоминания. Личности. Ты можешь потеряться.

– Тебе нужно найти всего лишь одну настоящую вещь, – сказала Грейс. – Виктория как-то сказала мне об этом. Тебе нужно найти одну настоящую, стоящую вещь и держаться за неё.

Оуэн подумал об этом.

– Для меня это мой отец. Что насчёт тебя?

– Дэвид.

Оуэн опустил взгляд на стол. Он всё ещё не понимал, что произошло между Грейс и её братом, и как они оказались по разные стороны баррикад, но он лучше всех на свете знал, что не стоит давить. Если бы она захотела чем-то поделиться, то сделала бы это.

После этого несколько сотрудников Аэри принесли подносы с сэндвичами, пакетами чипсов и фруктами.

– Ланч, – сказала Грейс. – Не так хорош, как обычно.

– Всё нормально, – ответил Оуэн. – Я говорил, что прятался в гараже для хранения?

– В самом деле?

– Ага. – Он поднялся и взял сэндвич с жареной говядиной. – Поверь мне, это деликатес.

Пока они ели, Шон вернулся в комнату отдыха. Он поздоровался с ними и присоединился к еде за столом, но выглядел отрешенно. Это был другой парень, не тот, которого встретил Оуэн на складе Монро несколько недель назад.

– Как ты? – спросил Оуэн.

– А?

– Как ты, спрашиваю?

– А, я в порядке, – откликнулся Шон. – Я выиграл поединок викингов. Брови Оуэна взметнулись вверх:

– Серьёзно?

Шон кивнул.

– Я взял под командование Йомсвикингов, и теперь мы плывём к берегам Дании.

– Это круто, – сказал Оуэн, положив сэндвич. – Но как *ты*? Шон перестал жевать и стал выглядеть немного растерянно, словно он не совсем понял вопроса.

– Я?

– Да, ты.

– Я... я в норме, – сказал он. – Даже лучше, чем в норме.

Оуэн посмотрел на Грейс, и она пожала плечами. Шон выглядел довольно потеряннным в своём разуме, и Оуэн не думал, что тот хочет быть найденным.

На следующее утро Виктория встретила всех в комнате отдыха. Она проверила свой планшет и предложила Шону продолжить симуляцию своего предка–викинга, которого звали Штирбьорн. Грейс всё ещё не была уверена, что готова вернуться, а насчёт Оуэна Виктория сказала, что он может внести свой вклад, используя собственную симуляцию. Это только заставило его чувствовать, словно они пытаются отвлечь его.

– Я не сделаю ничего, что помогло бы вам до тех пор, пока не увижу Монро, – сказал он.

– Я не уверена, что это возможно.

– Почему нет? Исайя обещал мне, что я могу поговорить с ним.

Виктория взглянула в свой планшет:

– Боюсь, я ничего не знаю об этом.

Тамплиер солгал ему.

– Тогда идёмте к Исайе.

– Боюсь, что он занят.

– Занят? – немного повысил голос Оуэн. – Чем же?

– Это не ваша забота, – сказала она. Раздражение, прорвавшееся в её голосе, дало трещину в её миролюбивом облике.

– Он уезжает, не так ли? – сказала Грейс. – После того, что случилось прошлой ночью, он собирается отправиться за зубцом.

Виктория покачала головой:

– Я не говорила, что...

– Тогда он отправится в Китай, – перебил её Оуэн. – Или Монголию.

– Откуда ты знаешь об этом? – спросил Шон. – Ты же не разговаривал с Натальей.

Оуэн посмотрел в глаза Виктории:

– Потому что я был там.

Женщина тут же отбросила остатки своей принуждённой доброты.

– Ты знаешь, где зубец?

– Нет. Моя симуляция привела в тупик, иначе зубец был бы уже в руках ассасинов.

Виктория пристально посмотрела на него.

– Твоё воссоединение с Монро подождёт до возвращения Исайи. Тем временем я буду здесь вести тебя во время симуляций. Исайя сказал мне, что особенно надеется на твоего нынешнего предка, Шон.

Шон поднял голову.

– Правда?

Виктория снова набрала что-то на планшете.

– Да. Мы полагаем, что Птомелейский зубец был тем, который вы все видели в Нью-Йорке. Селевкидский – тот, что мы надеемся найти в Монголии. Остаётся Македонский. Наши исследователи смоделировали возможные пути этого зубца, и с высокой долей вероятности им владел кто-то в Скандинавии.

В ответ на это Шон улыбнулся, вот только его улыбка напоминала оскал. Он становился похож на наркомана.

– Когда Исая уедет? – спросила Грейс.

Виктория развернулась и подошла к дверям. Открыв её, она сказала:

– Он мог уже уехать. Коул сейчас за главную.

И ушла.

Как только дверь закрылась, Оуэн повернулся к остальным:

– Монро где-то в Аэри. Вы знаете, где он может быть?

– Зачем? – спросил Шон, но Оуэн проигнорировал его.

– Здесь пять зданий, – сказала Грейс. – Мы даже не видели их все.

– Я видел три из них ночью, – сказал Оуэн. – Я думаю, что они держат Монро в четвёртом или пятом.

– Подождите! – Шон повысил голос, в котором явно угадывалась тревога. – Что вы собрались делать?

– Успокойся, – сказал Оуэн. – Просто сиди здесь.

– Чего?

– Ничего. – Оуэн повернулся к Грейс. – Что насчёт тебя?

Она твёрдо посмотрела на Оуэна и выдержала паузу, прежде чем ответить:

– Зачем? Ты думаешь вытащить его?

– Именно. Если Исая собирается в Монголию, я знаю, что не останусь здесь.

Она пожевала уголок губы, и Оуэн улыбнулся:

– Мы уже знаем, что мы отличная команда.

– Элиза и Вариус были отличной командой. Ты и я? Это непростой вопрос.

Оуэн тоже чувствовал разочарование в ней. Он видел его на её лице, когда Виктория сказала, что Исая, возможно, уже уехал.

– Я знаю, что ты не хочешь оставаться, – сказал он. – Кроме того, высоки шансы, что Гриффин отправится туда же, и Дэвид будет с ним. Я знаю, что ты ещё переживаешь за него.

– Это удар ниже пояса.

Оуэн поднял руки:

– Это правда.

Грейс смотрела на него больше минуты, и Оуэн просто оставил вопрос висящим в воздухе, терпеливо дожидаясь её ответа.

– Окей, – сдалась она. – Я в деле.

Оуэн кивнул.

– Хорошо, – сказал он и повернулся к Шону, который всё это время молчал. – Что насчёт тебя?

– О, я, пожалуй, останусь здесь, – сказал Шон.

– Конечно, останешься, – Оуэн и не ожидал от него другого решения. – Но, по крайней мере, мы можем довериться тебе, что ты не сдашь нас?

Шон пожал плечами.

– Вы не говорили со мной. Я не говорил с вами.

Оуэн решил, что этого будет достаточно.

– Тогда окей.

Грейс уткнулась в сгиб локтя и, вздохнув, спросила:

– У тебя есть план, как это проверить?

– Думаю, да.

– И что я делаю в этом плане?

Оуэн улыбнулся.

– Скорее всего, тебе не понравится.

ГЛАВА 23

Хавьер определённо мог сказать, что Гриффин всё ещё зол на Наталью за то, что она сделала в симуляции, но, вероятно, он принял тот факт, что ничего не сможет с этим поделать, и занялся подготовкой их поездки в Монголию.

Он тратил много времени в видео-чате с Гэвином и другими членами братства, пока Хавьер упаковывал оружие и снаряжение, к большинству из которого Наталья прикасаться отказывалась, а Дэвиду постоянно приходилось напоминать, чтобы он ничего не трогал.

– Так как мы попадём туда? – спросил Хавьер. – Тамплиерская тачка может летать?

Гриффин ничего не ответил на это. Просто промолчал.

– Я договорился о самолёте.

– В смысле? Типа частный самолёт?

Ассасин замер:

– Да. Именно.

Хавьер кивнул и продолжил своё занятие, загружая в ящик всё, что он мог в него запихнуть. Каждый из них к тому же собирал рюкзаки. Они брали еду, спальные мешки и тёплую одежду, несмотря на то, что большая часть одежды была большой для Натальи и Дэвида. Закончив, они

перетащили всё в сарай, а затем Гриффин выключил всё и закрыл подвальное убежище.

В машине было отделение для груза – два отсека сзади, по обе стороны от реактивной турбины. То, что не поместилось, они загрузили на заднее сидение или положили на колени. Хавьер сидел впереди, рядом с Гриффином, Наталья и Дэвид расположились сзади.

Был ранний вечер, когда они выехали из сарая и свернули на грунтовку. Хавьер повернулся, чтобы кинуть последний взгляд на дом–призрак, прежде чем они повернули, и дом скрылся за деревьями. Гриффин вывез их на шоссе, и они повернули на юг, к аэропорту, который был в часе езды. Встречные водители машин смотрели на них, когда они проезжали мимо, и Хавьер улыбался им поначалу, а потом просто наблюдал, как солнце будто в замедленной съёмке скрывается за горизонтом, почти заснув, но вскоре Гриффин съехал с дороги, разбудив его.

– Это не аэропорт, – подал голос Дэвид.

– Конечно же, он, – ответил Гриффин.

Дэвид указал в окно:

– Нет, я же вижу, что терминал там.

– А нам нужен не совсем такой самолёт.

Хавьер нахмурился, но решил помолчать и посмотреть, чем всё закончится.

Гриффин проехал мимо нескольких складов и промышленных зданий, наконец заехав в небольшой, пустой ангар. Двое мужчин ждали их внутри, рядом с транспортом аэропорта для перевозки багажа.

Гриффин остановил машину, выйдя из неё.

– Спрячь её где–нибудь, я вернусь за ней, – сказал он одному из мужчин.

– Будет сделано.

Второй мужчина помог им загрузить их багаж и снаряжение в транспорт, и после того, как они закончили, Хавьер наблюдал за тем, как первый парень выехал на их машине из ангара. Гриффин показал всем забраться на транспорт, и вскоре они выехали на асфальт. Хавьер всю дорогу дышал выхлопом и морщился от неприятного и громкого звука двигателя, особенно после тихого урчания реактивного автомобиля.

Здесь было не так много самолётов, и Хавьер гадал, на котором из них они могут полететь. Но когда транспорт остановился у большого грузового самолёта, Хавьер понял, что полёт будет проходить не так, как надеялся Дэвид.

– Что это такое? – спросил Дэвид, поправляя очки.

– Твой частный самолёт, – сказал Гриффин.

Дэвид покачал головой:

– Это не он.

– Конечно же, он, – указал Гриффин на крылья самолёта. – Здесь реактивные двигатели, и он в нашем полном распоряжении. Если не считать посылки.

– Посылки?

– Посылки.

– Ты посылаешь нас в Монголию почтой? – спросил Хавьер.

– Через Китай, – ответил Гриффин и хлопнул по спине Хавьера. – Прячься на виду⁴⁶.

Изнутри самолёт соответствовал идее частного реактивного самолёта ещё меньше, чем снаружи. Сиденья были сделаны из брезента, натянутого на металлический каркас, болтами прикрученный к полу и внутренней обшивке. Но трюм был герметичен, в нём регулировалась температура и даже был туалет. Гул двигателей заставлял немного повышать голос, но он был не настолько силён, как Хавьер думал.

После того, как они провели в воздухе несколько часов, Наталья и Дэвид каким-то образом умудрились уснуть. Хавьер же наклонился к Гриффину и спросил у него, кто были те люди в ангаре, и как Братству удалось организовать перелёт.

– У Абстерго много врагов, – сказал Гриффин, – и не все из них ассасины. Иногда мы работаем вместе ради достижения общей цели.

– Враг моего врага – мой друг? – спросил Хавьер.

– Можно сказать и так, – он задержал взгляд на Хавьере и кивнул, будто самому себе. – Несмотря на твои безрассудства, ты впечатлил меня.

– Это сложно сделать?

– Очень.

Хавьер тоже кивнул, но свои решения он принимал не для того, чтобы впечатлить Гриффина.

– Я говорил с Гэвином насчёт тебя, и он согласился. Если ты ищешь своё место и цель в жизни, то можешь найти их у нас.

– В Братстве?

Гриффин кивнул.

⁴⁶ Примечание переводчиков: в оригинале, как вы знаете, “Прячься на виду” это “Hide in plain sight”, и именно так и написано в книге, но интересно, как Кирби обыграл эту фразу: “plain” является паронимом (похожим образом созвучным) слову “plane”, который переводится как “самолёт”.

– Это официальное приглашение?

– Если хочешь так считать – да.

Хавьер осознал, что идея понравилась ему больше, чем он ожидал. Ассасины представляли выбор. Равные права для каждого, каждый свободен выбрать свой путь. Это видение мира Хавьеру было больше по нраву, лучше того мира, в котором он жил – мира, в котором он не чувствовал себя свободным.

– Будет посвящение? – спросил он полушутя.

– Будет. И тогда начнётся твоё настоящее обучение.

Хавьер кивнул:

– Я подумаю над этим.

– Подумай, – Гриффин закрыл глаза и откинулся спиной на фюзеляж. – Но попробуй и немного отдохнуть тоже.

Хавьер устал, но после разговора он понял, что ему трудно уснуть. Он гадал, что бы Оуэн сказал на это, а затем подумал, а важно ли это вообще.

Это выбор Хавьера.

Выбор места, которому *он* принадлежал.

Много часов спустя самолёт приземлился в Пекине, и Гриффин вывел их всех наружу. Необъятная серая дымка застилала горизонт во всех направлениях. Они могли быть окружены горами или находиться на острове, и Хавьер бы об этом даже не узнал.

Прежде чем они отошли далеко, к ним подъехал внедорожник класса SUV, и из него выбралась девушка. Китайка, среднего возраста, с длинными чёрными волосами. Она была одета в костюм, напоминающий нечто среднее между военным снаряжением и экипировкой олимпийских атлетов. В отличие от двух мужчин, которых они видели ранее, она выглядела именно так, как Хавьер представлял себе ассасинов.

– Гриффин? – вопросительно обратилась она к нему.

Тот кивнул и пожал ей руку:

– Рад наконец-то встретиться с тобой, Янмей.

– Взаимно, – указала она на внедорожник. – Едем?

– Позволь нам забрать наше снаряжение.

– Конечно.

Янмей помогла им перетащить во внедорожник все их сумки и ящики. Вскоре они уселись в машину, Янмей за рулём, Гриффин на переднем пассажирском, остальные сзади. Хавьер заметил, что она изучает их в зеркало заднего вида.

– Гэвин не объяснил, из-за чего весь сыр-бор, – сказала она. – Зачем вы здесь?

– Частица Эдема, – кратко ответил Гриффин.

Янмей резко повернула к нему голову, а затем медленно вернула взгляд на дорогу.

– Он должен был это упомянуть. Он что, не подумал, что мы можем заполучить Частицу сами?

– Ситуация нестандартная.

– Насколько?

Гриффин чуть повернулся:

– Наталья, здесь, видела её.

Янмей помедлила:

– В Анимусе?

– Шон достал чертежи и процессор в Мадриде, – пояснил Гриффин. – На самом деле, мы пытаемся найти три разных Частицы. Зубцы Трезубца. Эти дети и ещё трое других связаны с этим. Ты слышала об Исайе?

– Да.

– Он нашёл в них что-то, что называется Господствующее Событие, и они все шестеро – часть этого.

– Ясно.

– Исайя, вполне вероятно, на пути сюда. Было ли какое-то усиленное передвижение тамплиеров здесь?

– Нет, – ответил она. – Всё тихо.

– Странно, – Гриффин провёл рукой по бритой голове. – Это очень странно. Думаешь, они бы подняли армию...

– Гэвин сказал, что я должна доставить вас в Монголию. К Бурхан-Халдуну?

– Верно.

– Нас ожидает частный самолёт.

– Ну наконец-то! – воскликнул Дэвид.

Наталья и Хавьер расхохотались, и даже Гриффин усмехнулся.

Когда внедорожник достиг дальнего конца аэродрома, Янмей подъехала к самолёту, который, вероятно, сделает Дэвида очень счастливым. Хавьер немного знал о самолётах, но этот выглядел быстрым, с гладкими линиями, и напоминал стрелу. Они вытащили вещи из внедорожника и поднялись на борт. Внутри их ожидали мягкие кожаные

кресла с откидывающимися спинками, по две с каждой стороны, стоящие лицом друг к другу.

– Где остальная часть твоей команды? – спросил Гриффин.

– В Тибете, – ответила Янмей. – У меня не было времени вызвать их. Гэвин рассказал мне немного.

– Он и не знал всего. Все последние события стремительно развивались в течение последних тридцати шести часов.

Янмей направилась к кабине:

– Я проверю, как прошла предполётная подготовка, затем мы можем взлететь.

Хавьер сел на кресло напротив Натальи, Дэвид сел рядом с ней у иллюминатора, в который была видна взлётно–посадочная полоса. Вскоре самолёт начал движение, и Янмей вернулась из кабины. Она заняла место напротив Гриффина, через проход от Хавьера и Натальи.

– Представишь? – попросила она.

– Конечно, – Гриффин указал на Хавьера, Наталью и Дэвида, назвав их имена. Янмей улыбнулась каждому из них.

– Наталья, ты видела зубец Трезубца? – спросила она.

Наталья кивнула.

– Как он выглядел?

– Как странный кинжал, – сказал Дэвид. – Первый мы видели в Нью–Йорке.

– Первый? – нахмурилась Янмей. – Возможно, вам стоит рассказать с самого начала.

Втроём они начали свой рассказ. Говорил в основном Хавьер, но Дэвид перебивал его, когда объяснял, кто такой Монро, про симуляцию времён Бунтов Призыва и про события последних недель. Наталья рассказала про воспоминания своего монгольского предка. Янмей внимательно выслушала их и не перебивала, решив приберечь вопросы до конца рассказа.

Просидев несколько секунд неподвижно с прижатым пальцем к губам, она сказала:

– Вы не упомянули одну вещь. Знаете ли вы, где похоронен хан Мунке?

– Нет. Никто из нас не знает, – хмыкнул Гриффин. – Наталья решила не раскрывать это.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Янмей.

– Она намеренно десинхронизировалась.

– Но зачем?

– Потому что считает, что никто из вас не должен заполучить Частицу Эдема, – сказал Дэвид.

Наталья повернулась к нему лицом:

– Я могу говорить за себя сама, – затем она повернулась к Янмей. – Я лишь думаю, что если Частица будет оставаться спрятанной, то это было бы лучшим решением.

Янмей кивнула:

– Вообще–то я не могу с этим не согласиться. Но я также не думаю, что ситуация это позволяет, не так ли? Это не выбор, который нам предстоит сделать. Из того, что вы мне рассказали, вопрос не в том, будет ли найдена Частица, вопрос в том – кем.

У более старшего ассасина манеры были не в пример лучше, чем у Гриффина. Наталья выглядела так, словно действительно слушала её, раздумывая над её словами вместо того, чтобы спорить и препираться.

– Так ты знаешь, где она, – произнесла Янмей, – не так ли, Наталья?

Она помедлила:

– Не совсем.

– У меня есть идея, – подал голос Гриффин. – Я видел достаточно, прежде чем она десинхронизировалась, думаю, я смогу подвести нас достаточно близко.

Янмей кивнула, но не сводила глаз с Натальи, которая подобрала ноги под себя, обхватив колени. В таком состоянии она оставалась до конца полёта, пока они летели вдоль гор, над широким горным плато.

– Монгольские степи, – сказала Янмей. – Не знаю, что не так с этой землёй, но она порождает завоевателей. Аттила⁴⁷, Чингисхан...

– Исая, – сказал Дэвид и, к счастью, хорошенько подумал, прежде чем внести Гриффина в этот список.

⁴⁷ Аттила (умер в 453 году) – правитель гуннов с 434 по 453 года, создавший державу от Волги до Рейна. Год рождения до сих пор неизвестен. Объединил под своей властью тюркские, германские и другие племена. *Повелитель всех гуннов и правитель, единственный в мире, племён чуть ли не всей Скифии, достойный удивления по баснословной славе своей среди всех варваров.* Память о нём сохранилась на протяжении веков в германском эпосе и даже перешла в скандинавские саги.

Вёл войну с обеими Римскими империями и совершал набеги на их земли. Восточная Римская империя понесла настолько тяжёлые потери среди земель (гунны добрались аж до Греции), что даже согласилась на невыгодный для них мир. С Западной Римской империей же война была более трудной: хоть Аттиле и удалось захватить и разгромить несколько городов и даже выйти к Орлеану, всё же войскам империи удалось заставить их отступить за Дунай. Но Аттила не остановился на этом и совершил второй поход, уже на север Италии. С первым же сражением (осада Аквилеи, провинция Венетия) возникли сложности. Осада шла долго, и только по настоянию Аттилы, не желавшего отступать, город наконец пал. Затем была захвачена остальная Венетия, и Аттила двинул на запад. Были захвачены территории современного Милана и Павии. Но вскоре гуннов ударила чума, и болезнь заставила их отступить. Набег на Галлию, последовавший затем, не увенчался успехом, а в 453 году Аттила умер.

– Мы приземлимся в Менгенморьте⁴⁸ через час или около того, – продолжила Янмей. – Бурхан–Халдун примерно в восьмидесяти километрах оттуда.

– Может, нам стоит облететь гору, – предложил Гриффин. – Посмотреть сверху, что к чему.

Янмей кивнула.

– Я проинструктирую пилота, – сказала она, расстегнув ремни и пройдя в кабину пилота. Через несколько минут она вернулась. – Мы обновили план полёта, чтобы облететь цель.

Вскоре после этого степи сменились холмами, постепенно становившимися покрытыми деревьями горами, стоящими в окружении широких рек и бескрайних долин.

– Этот регион – святыня для монгольского народа, – сказала Янмей. – Со времён Чингисхана. Иностранцам даже не позволяют восходить на Бурхан–Халдун.

– Не думаю, что Исаяя станет уважать их запреты, – сказал Хавьер.

– Нет, – согласилась она. – Но для нас разумнее не привлекать к себе внимания.

Самолёт наконец приблизился к горам, и каждый занял себе место около иллюминатора, чтобы получше рассмотреть проплывающую под ними землю.

Они летели достаточно низко, зелёные пятна деревьев казались отдельными мазками на холсте из серого камня и белого снега. Горный хребет простирался во всех направлениях бесчисленными пиками, склонами, долинами и реками.

– Вот и Бурхан–Халдун, – сказала Янмей.

– Который из? – спросил Дэвид.

– Этот, вон там.

Указанный ею пик был самым высоким. Он не был Эверестом по высоте или занимаемой площади, но что-то в нём поражало Хавьера – его исключительность, внушительность и даже некоторая царственность, проявляющаяся в снежной короне ледяных шапок и зелёного трона из окружающих гору деревьев и долин.

– Ищите любые признаки лагеря тамплиеров, – сказал Гриффин.

⁴⁸ Менгенморьт – небольшой посёлок в Монголии, находится в 181 км от столицы, Улан-Батора. В 90 км от него находится Хан-Хэнтейский заповедник. В заповеднике произрастают 1229 видов растений, обитают более 50 видов млекопитающих (бурый медведь, волк, лисица, рысь, куница, соболь, лось, кабарга, изюбр, бурундук, белка, длиннохвостый суслик, даурская пищуха), 253 вида птиц и 34 вида рыб. Действует запрет на вырубку леса. На территории заповедника как раз и расположена гора Бурхан–Халдун.

Хавьер напрягся, внимательно вглядываясь в отдалённую землю, но деревья росли повсюду, и чтобы увидеть лагерь, тот должен был быть достаточно большим, чтобы они увидели его с их высоты.

– Пилот может снизиться? – спросил Дэвид.

– Может быть, – ответила Янмей. – Я спрошу...

Что-то взорвалось снаружи самолёта, и Хавьера достаточно сильно дёрнуло, чтобы удариться носом о стекло иллюминатора. Он почувствовал вкус крови, в глазах встали слёзы, но даже сквозь них он видел, как быстро приближается земля.

– Нас подбили! – закричала Янмей.

Хавьер взглянул в иллюминатор на другой стороне и увидел, что один из двигателей едва виден, из-за вырывающихся из него толстых чёрных струй дыма. Из-за резкого падения высоты Хавьер начал чувствовать, что перегрузка вжимает его в кресло, одновременно выжимая воздух из его лёгких.

Они разобьются.

Хавьер был тренирован настоящим ассасином, он вломился в полицейский склад, проник в неприступную крепость тамплиеров, и теперь он погибнет в результате авиакатастрофы.

– Я пройду вперёд! – крикнула Янмей. Она отстегнулась, вытащила себя из кресла и, широко расставив ноги, прошла в кабину.

– Держитесь! – воскликнул Гриффин. – Мы приземлимся, у нас остался ещё один двигатель.

– Если они не выстрелят в нас ещё раз, – отозвался Дэвид.

Повреждения самолёта не выглядели внезапной поломкой, да и Янмей крикнула о том, что в них попали. И это были тамплиеры. Они были внизу, их облёт горы был ошибкой, и даже если они сейчас выживут, тамплиеры будут знать, что они здесь.

Шатаясь, Янмей добралась обратно до своего кресла:

– Мы совершим аварийную посадку! Пилот нашёл ровное поле!

– Всем сгруппироваться! – закричал Гриффин. – Головы вниз!

Хавьер так и сделал, начав вслушиваться в нарастающий гул двигателя и оглушающий шум, словно каждая деталь самолёта трещала и вибрировала.

Он взглянул краем глаза в окно и увидел, что горы, над которыми они пролетали, теперь сбоку от них. Верхушки сосен стали близки настолько, что, казалось, можно учуять их запах.

Они падали.

ГЛАВА 24

Грейс не нравился план Оуэна.

Пока что они обыскивали комнату отдыха, их собственные комнаты и под конец одну из комнат с Анимусом, чтобы найти вещи, которые можно было собрать в нечто напоминающее то, что он назвал болевой гранатой.

– Но ты ведь не делаешь из этого настоящую гранату, – сказала Грейс.

Они сидели в ванной в комнате Грейс, в надежде, что это единственное место, где Абстерго не установило средства наблюдения.

– Нет, – сказал Оуэн. – Она должна всего лишь быть на неё похожей.

Он держал в руках пустую банку из-под энергетического напитка, несколько проводов и частей какой-то электрической платы, и именно на это всё это было и похоже.

– Ты всерьёз считаешь, что *это* способно кого-то обдурить?

– Она похожа, так что это сработает, – сказал он. – Давай, пошли.

Он засунул перевязанную изолентой банку в карман, и они вышли из ванной. Если кто-то где-то в Аэри видел, как она зашла с ним в ванную, то она начала размышлять о том, как могли о ней подумать. А потом внезапно поняла, что ей в общем-то наплевать.

Они вышли из её комнаты в коридор. Было поздно, немногим после полуночи, коридоры были пусты, они не встретили никого по пути в

главное здание. Они уже знали, как далеко могут забраться, если будут идти в другом направлении, но в этот раз они решили обследовать оставшиеся два здания.

Они достигли атриума по стеклянному коридору между зданий и прошли через него, чтобы выйти в коридор на другой стороне. Не было ни закрытых дверей, ни видимой охраны.

– Думаешь, после того, что случилось, они не усилили охрану? – спросила Грейс.

Оуэн обернулся к ней через плечо:

– Может, Исая забрал всех с собой в Монголию.

– Может быть. Но всё равно это странно.

Когда они достигли нового коридора, то обнаружили его открытым, без сканеров отпечатка пальца или сенсорной клавиатуры с требованием ввода пароля. Они осторожно двинулись по нему, будучи не очень уверены в том, куда он их приведёт. Деревья здесь росли ещё ближе к зданиям и коридор был наполнен их тенями, казался темнее, чем другие. Дойдя до конца, они вошли в здание, выглядевшее отличным от остальных. Было всего лишь несколько дверей и ещё меньше окон, но в них были видны большие лаборатории с компьютерами и робототехническим оборудованием.

– Похоже, в этом месте занимаются всем, – сказал Оуэн.

– Они сказали Шону, что сделают ему протезы для ног.

Оуэн помрачнел:

– Неудивительно, что Исая подцепил его. Но трудно винить его за такой способ выбора стороны.

– Почему?

– Ты всерьёз думаешь, что не хотела бы снова пойти? Своими ногами?

– Конечно, я бы хотела, но проблема не в этом.

– Тогда в чём?

– Шону нужно осознать, что он нормальный. Что его личность не определяется ногами или способностью ходить.

– Тебе Виктория рассказала об этом?

– Нет, до этого я додумалась сама.

Дальше они шли молча, через множество других комнат с лабораториями, до тех пор, пока не дошли до другого стеклянного перехода. Скорее всего, он вёл в пятое здание, но дверь в него была со сканером отпечатка пальцев и требовала код.

– Эта фейковая болевая граната откроет дверь? – спросила Грейс.

– Может, в лабораториях мы найдём что-нибудь, что поможет нам открыть её.

– Ты не найдёшь там ничего, – прозвучал женский голос позади них.

Грейс развернулась, её шея вмиг стала горячей.

Позади них, отрезав пути отступления, стоял агент тамплиеров.

– Коул, – сказал Оуэн.

Женщина целилась в них из пистолета, и, взглянув на неё, Грейс поняла, что та использует его не колеблясь.

– Я следила за вами с того момента, как вы вышли из комнаты, – сказала Коул. – Что вы здесь делаете?

– Просто осматриваемся, – сказала Грейс.

– Помнишь меня, той ночью? – спросил Оуэн.

Глаза Коул сузились:

– Ты в самом деле думаешь, что умно напоминать мне об этом прямо сейчас?

Оуэн достал фейковую болевую гранату, стараясь скрывать её ладонью:

– Как насчёт того, чтобы напомнить тебе об этом?

Коул посмотрела на гранату, и Грейс ожидала её реакции.

– Даже близко не похоже, – наконец сказала она. – Наверное, из-за того, что ты только что собрал её.

Грейс захотелось выругаться на Оуэна. Весь план был идиотской затеей с самого начала, но Грейс пошла с ним, думая, что этот почти-ассасин выучил пару трюков за последние несколько недель.

Оуэн посмотрел на гранату и бросил её на пол.

– Ну так что будем делать теперь?

– Для начала, подбери этот мусор.

– Серьёзно?

– Подбери, я сказала!

Оуэн наклонился и подобрал фейковую гранату.

– Теперь идите через эту дверь, и я отведу вас к камерам.

Не сводя с них пистолет, она подошла к двери и, приложив палец к сенсору, набрала код. Дверь открылась.

– Вперёд, – приказала она.

Оуэн пошёл первым, Грейс следом за ним. Они оказались в очередном стеклянном коридоре посреди леса, но этот шёл под наклоном к основанию горы, как и тот, что вёл в гараж с другой стороны Аэри.

– Ты собираешься запереть нас? – спросила Грейс у Коул.

– Продолжай идти.

– Будет сложно объяснить это моему отцу.

– Не моя проблема. Мы сделаем так, что твой отец будет думать то, что хотим мы. У нас полно записей того, как вы крадётесь здесь, а я могу застрелить вас обоих и сказать, что это была самооборона.

Грейс замолчала. Аэри внезапно показалось ей очень неприветливым местом, а ночь снаружи – очень холодной. Оуэн шёл рядом с ней, склонив голову, но она видела, что его разум мечется в поиске выхода. Она бы хотела думать о том, как выбраться отсюда, но проблема была в том, что она не до конца была уверена в том, что всё–таки происходило.

Что тамплиеры могут сделать на самом деле? Она знала, что они творили в прошлом, в Нью–Йорке, но она не думала, что они могут быть такими же в современности. Она уже начала доверять Виктории, и хотелось верить, что та не причинит кому бы то ни было боль.

Но о Коул Грейс не знала ничего.

Они добрались до склона горы, вход внутрь которой преграждала дверь, также закрытая на электронный замок. Коул открыла его, и они вошли в пятое здание.

Эта часть Аэри сильно отличалась от остальных. Было холоднее, окружение не впечатляло, в отличие от остальных зданий комплекса, и у Грейс сложилось мнение, что эта часть предназначалась не для всех.

– Идите по коридору, – приказала Коул.

Они прошли мимо ряда защищенных дверей, прежде чем Коул приказала им остановиться. Затем она открыла никак не промаркированную дверь своим кодом и произнесла тому, кто находился за ней:

– Пора.

Монро вышел в коридор:

– Рад видеть вас обоих.

– Монро, – Оуэн шагнул ему навстречу. – Какого...

– Хватит болтать и шагай, – сказала Коул. – Иди вперёд.

Монро кивнул, посмотрел в глаза Грейс и улыбнулся. Втроём, повинаясь приказам Коул, они двинулись вперёд, пока не оказались в большой сводчатой комнате, напоминающей склад. Стены были сделаны из камня, потолок подпирали высокие столбы, на полу стояло несколько больших морских контейнеров.

Коул направилась к одному из них.

– Всё готово? – спросил Монро.

– Да, – ответила Коул. – Этот контейнер предназначен для перевозки чувствительного оборудования, поэтому он оборудован системой климат–

контроля и кислородной системой. Я убедилась, что внутри есть вода, еда и пара фонарей. Боюсь, есть только одно ведро для... других вещей.

Грейс посмотрела на Оуэна. Что за хрень вообще творится?

– Ты уверена, что ты в безопасности? – спросил Монро.

– Да, – ответила Коул. – Системы наблюдения деактивированы, но я подстроила так, словно кто-то взломал одну из комнат Анимуса, – она повернулась к Оуэну. – Я заберу этот кусок дерьма.

Оуэн улыбнулся и достал фейковую гранату:

– Ты Ротенберг.

Она взяла у него гранату:

– Понятия не имею, о чём ты.

Теперь для Грейс стало понятно, что Коул что-то вроде двойного агента или крота, и она помогала им сбежать. Грейс не знала зачем ей это, и она не знала, кто такой Ротенберг, но в данный момент ей было плевать.

– Лучше идите внутрь, – сказала Коул. – Система наблюдения скоро запустится, а мне ещё надо занять позицию. Самой сложной частью плана будет убедить их в этом, – подняла она фейковую гранату.

– Я твой должник, – произнёс Монро.

– Квиты, – поправила его она. – Запасы в дальнем левом углу.

Монро кивнул и зашёл внутрь контейнера. Оуэн двинулся следом, и после глубокого вдоха Грейс последовала за ними. Войдя внутрь, она развернулась, наблюдая, как Коул закрывает двери.

– Располагайтесь, – сказала она им. – До Монголии двадцать четыре часа.

Затем она закрыла двери, оставив их в полной темноте. Грейс услышала лязг запирающего механизма.

Кто-то внутри контейнера двинулся в дальний левый угол и, немного покопавшись там, зажёл свет.

– Вот так, – сказал Монро, кладя фонарь на стоящий рядом ящик.

– Она и есть Ротенберг? – спросил Оуэн.

– Коул – мой старый друг. Однажды я ей помог, и она пообещала выручить меня, если что случится. Я позвонил ей несколько недель назад. Если бы она хотела, чтобы вы узнали о ней что-то ещё, то она бы сказала. Так что лучше оставь это, иначе можешь подвергнуть её опасности. Она рискует жизнью ради вас двоих.

Это заявление вновь подняло в сознании Грейс вопрос о границах допустимого для современных тамплиеров. Она оглянулась в поисках

места, куда можно присесть, и пристроилась на картонную коробку. Затем она глубоко выдохнула и наклонилась вперёд.

– Где ты был? – спросил Оуэн у Монро.

– Прятался, – сказал он. – Готовился. Судя по тому, что я видел в гараже, ты и Хавьер обрели некоторые навыки где-то.

Оуэн кивнул:

– Мы были с Гриффином. Ассасином.

– Аа, – протянул он и перевёл взгляд на Грейс: – А ты и остальные были в Аэри?

Грейс кивнула.

– Что Исаяя знает? – спросил Монро.

– Он знает о Частице Эдема в Монголии, – сказала Грейс. – И мы только что выяснили, что он думает, что ещё одна в Скандинавии.

Монро сел на ящик, свет фонаря освещал половину его лица.

– Что насчёт того, что в Нью-Йорке?

– В смысле? – произнёс Оуэн. – Я думал, она у тебя.

Грейс так тоже думала.

– У меня её нет, – сказал Монро. – Вы не нашли?

– Мы нашли место, где его спрятали, – сказал Оуэн. – Но кто-то опередил всех.

– Я надеюсь, это не значит, что появился третий игрок, – Монро освободил свои волосы из хвоста и почесал голову. – Значит, есть ещё два недостающих зубца, и они полагают, что один из них в Монголии.

– Мы ведь собираемся остановить их, верно? – сказал Оуэн.

– Попробуем это сделать. Исаяя знает о Господствующем Событии?

– Он упоминал о нём, – сказала Грейс. – Но не думаю, что тамплиеры понимают, что это такое.

Монро кивнул:

– Это хорошо.

Грейс выждала время и, поняв, что Монро тоже не собирается пояснять этот момент, сказала:

– Мы тоже не понимаем, кстати говоря.

Монро посмотрел на фонарь. В его свете морщины вокруг глаз, рта и лба выделялись резкими тенями, делая его более старым и уставшим.

– Я не уверен, что сейчас время для этого.

– Мы собираемся провести в этой штуке двадцать четыре часа, – поддержал её Оуэн. – Не думаю, что для этого можно подобрать более подходящий момент.

Монро кивнул. И продолжал кивать, словно в такт своим мыслям.

– Окей. Окей, может, вы и правы. Я бы хотел, чтобы остальные были здесь, но... Прежде всего вы должны понять, что несмотря на то, что я открыл Господствующее Событие, я по-прежнему не до конца знаю, какой эффект оно будет иметь. Исайя считает, что это огромный источник энергии. Оружие. Но я не убеждён в этом. Я считаю, что это источник мудрости. Просвещения.

– Но что это? – спросила Грейс.

– Вы уже знаете о генетической памяти. В Абстерго я занимался её изучением, расшифровывал её, разделял на части, пытаюсь убедиться, что мы узнали о ней всё, чтобы мы могли лучше использовать её. Но однажды, проводя анализы, я заметил что-то необычное. Подкод в ДНК, прямо под основным кодом. Словно фоновый сигнал в передаче.

– Что это было? – спросила Грейс.

– В то время я не знал, но, когда я стал знать, что искать, то нашёл ещё больше. Фрагменты. Обрывки там и тут. Не у каждого, но, я подозреваю, раньше оно было у всех.

– Ты выяснил, что это? – спросил Оуэн.

– Думаю, да. Я считаю, что это коллективное бессознательное человеческой расы.

– Как в психологии? – спросила Грейс.

– Именно. Карл Юнг⁴⁹ ввёл этот термин. Он считал, что человечество разделяет некоторый сборник фундаментальных изображений, символов и архитипов, которые мы приобрели со времён начала существования *Homo sapiens*, начиная с Палеолита.

– Ты веришь в это? – спросил Оуэн.

– Я считаю, что теория была воспринята чересчур буквально, – сказал Монро. – Некоторые люди видят в этом что-то мистическое. Они считают, что этим символы, какая-то магия, обладающая эзотерической силой. Но я

⁴⁹ Карл Густав Юнг (26 июля 1875 – 6 июня 1961) – швейцарский психиатр, основоположник аналитической психологии – одного из направлений глубинной психологии. Закончил медицинский факультет в Базеле, работал ассистентом с 1900 по 1906 года у известного психолога Эйгена Блейера. С 1909 по 1913 года сотрудничал с Зигмундом Фрейдом и играл ведущую роль в Международном психоаналитическом обществе, а в 1914 году вышел оттуда, отказался от термина психоаналитики в своей практике и создал собственную терапию и теорию, названную аналитической психологией. В своих трудах Юнг охватил широкий спектр философско-психологической проблематики: от традиционных для психоанализа вопросов терапии нервно-психических расстройств до глобальных проблем существования человека в обществе, которые рассматривались им сквозь призму собственных представлений об индивидуальной и коллективной психике.

С 1933 по 1939 года издавал «Журнал по психотерапии и смежным областям», который поддерживал политику национальную и внутреннюю политику нацистов по очищению расы, а выдержки из *Mein Kampf* стали обязательным прологом к любой публикации; позже Юнг объяснял это требованием времени. Некоторые историки обвиняли Юнга в сотрудничестве с нацистами, но он никогда не был осуждён официально. В 1948 году был основан институт его имени в Цюрихе, где вели обучение и на английском, и на немецком языках. Сторонники его метода создали Общество аналитической психологии в Англии и подобные общества в США, а затем и в европейских странах.

Умер в Кюснахте 6 июня 1961 года.

учёный. Мне не нужна мистика, мне нужно понимание работы механизма этой под-ДНК, суб-ДНК, если хотите. Так что я пошёл дальше и запустил с ними протосимуляцию, просто посмотреть, что произойдёт.

– Что за протосимуляция? – спросил Оуэн.

– В лаборатории мы запускали что-то... Это симуляция симуляции, используя рудиментарный искусственный интеллект как подопытного, просто чтобы посмотреть, будет ли симуляция держаться и как это будет выглядеть. И эта новая суб-ДНК... – он почесал бороду. – Кто-нибудь из вас боится пауков?

– Не особо, – сказала Грейс.

– Да, – сказал Оуэн. – А что?

– Вот так коллективное бессознательное и проявляется, – сказал Монро. – Некоторые люди рождаются с боязнью пауков. Это бессознательный страх.

– Как инстинкт? – спросила Грейс.

– В каком-то смысле, но в более обширном понятии. Вы думали о том, почему у многих из нас есть этот страх? Я думаю, что ответ где-то в нашем прошлом, в том, где мы выяснили, что пауки могут быть смертельно опасны, и мы сохранили эту память. Это как наша генетическая память, но не такая точная, как одна отдельная родословная или один конкретный предок. То есть, это так, но это пришло настолько из первобытных времён, что полный смысл потерялся. Но теперь, спустя все эти тысячелетия, у некоторых людей есть боязнь пауков, а некоторые – потеряли её.

– И как это связано с Господствующим Событием? – спросил Оуэн.

– Я как раз подхожу к нему, – Монро встал и отошёл от них на несколько шагов. – Я начал анализировать каждую спираль ДНК, имеющуюся в распоряжении Абстерго, в поисках новых фрагментов. Это походило на одержимость, признаю. Я хотел воссоздать целое бессознательное суб-ДНК. Это позволило бы нам стать свидетелями зарождения человечества. Но я совершил ошибку, рассказав Исайе об этом и после этого сделав его одержимым тоже. Но, как я и сказал, он видел в этом силу. То, что он надеялся как-то использовать, а не узнать.

– То есть у нас есть недостающая часть этой суб-ДНК? – спросила Грейс.

Монро повернулся к ней:

– У вас не просто её часть. Вы вшестером вместе имеете *полную суб-ДНК*. Вот это и есть Господствующее Событие. Пробуждение коллективного бессознательного.

Грейс посмотрела на Оуэна. Он выглядел озадаченным, судя по его сдвинутым бровям. Она тоже чувствовала себя непонимающей.

– Ладно, – протянула она. – Но всё же, что это значит для нас?

– Я бы и сам хотел это знать, – сказал Монро, превратив озадаченность Грейс в досаду. – Именно этим я и занимался во всех ваших школах. Я покинул Абстерго, но не прекратил исследования. Я пытался найти больше фрагментов суб–ДНК. Я действовал только ради науки. Но после того, как я нашёл всех вас, я понял, что ваша конкордация генетических воспоминаний выходит за рамки этого и ведёт к Частицам Эдема. Это было... неожиданно. Я всё ещё пытаюсь понять, как артефакты и суб–ДНК связаны.

– Как и Исая, – сказала Грейс.

Звук двигателя донёсся снаружи контейнера, и они замолчали.

Затем контейнер внезапно пришёл в движение, и Монро бросило на ближайший ящик, он чуть не потерял равновесие.

– Мы отправляемся, – прошептал он.

Оуэн сделал вид, что смотрит на часы на запястье:

– Двадцать четыре часа начинаются.

ГЛАВА 25

Когда самолёт ударился о землю, толчок бросил Дэвида вперёд, но пассажирский ремень удержал его на сиденье, согнув его в пояснице, однако очки отправились в полёт вдоль всего салона. Весь самолёт трясло, брюхо жутко скрежетало о землю. Через мгновение самолёт снова взмыл в воздух и тут же упал снова.

Следующие секунды показались вечностью, но они начали замедляться и вскоре остановились. Дэвид поднял голову и осмотрел салон. Его до этого гладкие и ровные линии теперь выглядели согнутыми и изломанными.

– Дети, вы в порядке? – спросил Гриффин. – Назовите имя и скажите «да».

Наталья, да. Дэвид, да. Хавьер, да.

– Я проверю пилота, – сказала Янмей. – А затем нам нужно будет поскорее убраться отсюда, – и, пошатываясь, она направилась в сторону кабины.

Дэвид моргнул, потёр голову и шею, чувствуя себя изжёванной игрушкой, с которой только что поигралась зубастая гора.

– Зачем нам нужно убраться отсюда так быстро?

– Потому что тамплиеры попробуют найти место крушения, – пояснил Гриффин. – И нам не следует здесь находиться, когда они его найдут.

– Прощай, элемент неожиданности, – добавил Хавьер.

– Если не считать неожиданность, что мы ещё живы, – ответил Дэвид.

Янмей вернулась из кабины.

– Пилот в порядке. Он уже передал сигнал бедствия.

Гриффин отстегнулся и встал с кресла:

– Идём, народ.

Дэвид проделал то же самое, что и Хавьер с Натальей, и после того, как нашёл свои неразбившиеся очки, он последовал за Гриффином в хвост самолёта. Они достали свою тёплую одежду и взяли столько оружия и снаряжения, сколько смогли унести, оставив остальное на месте крушения. Большинство предметов, находившихся в рюкзаке, было незнакомо Дэvidу, кроме фонарика, очевидно. Он одновременно хотел и не хотел выяснить это самому. После того, как они приготовились, Янмей потянула за рукоять аварийного выхода, и внизу развернулся небольшой жёлтый надувной трап. Гриффин скатился первым, потом Наталья, потом Дэвид, улюлюкавший весь путь вниз.

Внизу, на земле, Дэвид смог оценить вид широкой и длинной перепаханной самолётом борозды, которую самолёт прорезал на поле, разметав в сторону зелень и растительность, обнажив голую землю. Присмотревшись, он увидел, как далеко они проскользили. Холмы, покрытые соснами, возвышались с обеих сторон, а с правой стороны выше всех возвышалась ледяная шапка Бурхан–Халдуна.

Чуть ниже снежной линии, за хребтом, форма гор изменялась, своей формой начав походить на бычий рог. Дэвид повернулся, чтобы указать на него Наталье, но та и так смотрела на рог.

Когда она увидела, что Дэвид смотрит на неё, она быстро отвернулась, став смотреть в другом направлении. Дэвид снова посмотрел на рог и понял, что Наталья, вероятно, узнала его, увидев в своей симуляции. Может, даже она стояла на том же месте раньше. Но также она выглядела так, словно не хотела, чтобы кто–нибудь заметил её внимание, а это значит, что этот рог, вероятно, как–то связан с гробницей хана.

– Ты видела, откуда был произведён выстрел? – спросил Гриффин у Янмей.

Она указала:

– Откуда–то с запада, около этих гор, но я не могу быть уверенной.

– Что твоё чутьё говорит тебе? – спросил Гриффин.

Янмей повернулась к Наталье.

– Мне больше интересно, что ей говорит её.

Теперь все повернулись к Наталье, и Дэvidу предстояло решить, говорить ли о том, что он только что видел, или пусть Наталья расскажет об

этом, когда решит сама. Он подумал, что знает, как бы поступила Грейс. Она бы сказала об этом остальным, не захотев тратить время на секреты, выложить всё это в открытую, чтобы разбираться с этим всем вместе. Но Дэвид не был уверен, что это наилучшее решение в этой ситуации, потому что гадал: что, если Наталья права? Возможно, ассасины заслуживали доверия не больше, чем тамплиеры.

Дэвид подумал о том, кому он *мог* доверять, и прямо сейчас это были Наталья, Хавьер и, где бы она ни была, его сестра.

Наталья указала на южную сторону горы:

– Я думаю, нам туда.

Янмей кивнула.

– Звучит неплохо, как по мне.

– Хорошо, – сказал Гриффин. – Давайте постараемся двигаться тихо.

– И остерегайтесь волков, – добавила Янмей.

Она пошла вперёд по склону на запад, и вскоре они вошли в лес. Незамолкающий ветер нёс холодный, разряженный воздух, сосны вокруг отличались высотой и узостью, будто прижимали ветви к стволу. Жёсткая трава и мох покрывали землю, не оставляя места для подлеска.

Они шли молча, и, достигнув вершины хребта, Дэвид увидел, что на их пути к Бурхан–Халдуну стоят ещё несколько таких же хребтов. Под ними находилась небольшая долина с довольно большим лугом.

– Я не слышу вертолётов, – сказал Гриффин.

Янмей посмотрела на небо:

– У них могут быть дроны, которых мы не услышим. Сделаем небольшой крюк, но будем держаться за деревьями.

– Это твоя территория, – произнёс Гриффин. Поэтому они последовали за Янмей по склону хребта долины, оставаясь скрытыми куполом леса. Всю следующую милю они прошли в полном молчании, как, впрочем, и последующую за ней. Весь их путь пролегал вдоль очередных долин с молодой травой. Дэвид видел, как от них ринулась прочь лиса, а потом стал свидетелем того, как орёл упал камнем с неба прямо в колышущийся травой луг и через секунду снова взмыл вверх, держа в когтях добычу.

Наконец они дошли до последнего, как Дэвид надеялся, хребта перед Бурхан–Халдуном, и, взобравшись на него, он посмотрел вниз и окинул взглядом самую широко раскинувшуюся долину из виденных ранее: около семисот метров в поперечнике, вытянутую с севера на юг, с мерцающей полосой реки, идущей вдоль всей её длины.

– Это истоки реки Херлен, – сказала Янмей. – Согласно легендам, эта область – одно из наиболее вероятных мест захоронения Чингисхана. По одной из историй, они направили реки над русло его могилой, чтобы её никто никогда не нашёл.

– А что это внизу? – Хавьер указал на юг, где долина увеличивалась по ширине почти вдвое.

Дэвид пригляделся и увидел что-то блестящее, металл или стекло, рядом с рекой, какие-то строения и возможно машины.

– Это они! – воскликнул он и задумался о том, может ли среди них быть Грейс.

Гриффин достал бинокль и посмотрел в ту сторону.

– Это лагерь, – произнёс ассасин и передал бинокль Янмей. – Дэвид прав, это Абстерго. Они опередили нас.

Янмей повернулась к Наталье.

– Они ищут в правильном месте?

Наталья не ответила.

– Они в стороне от него, – сказал Гриффин. – Я видел достаточно в симуляции, чтобы знать наверняка. Думаю, гробница дальше на запад, со стороны другой долины, прилегающей к Бурхан–Халдуну.

Но Дэвида это больше не волновало.

– Как насчёт моей сестры, Оуэна и Шона? – спросил он. – Нам нужно вытащить их.

– Это слишком опасно, – сказал Гриффин. – Кроме того, твоя сестра и Шон разве не хотели остаться?

– Она попала в ловушку, – сказал Дэвид, чувствуя злость. – Она бы ушла с нами.

Он заметил, как нахмурилась Наталья на это, но ничего не сказала.

– Я согласна с Гриффином, – сказала Янмей. – Наша миссия – Частица Эдема. Если мы найдём её, то сможем обсудить и их спасение, – она посмотрела на запад. – Будет сложно пересечь долину. Укрытий не так много. Они могут нас заметить.

– И это всё? – не унимался Дэвид. – Мы просто притворимся, будто наши друзья не там внизу?

– Я тебя понимаю, – подал голос Хавьер. – Оуэн – мой лучший друг. Но мы даже не знаем, там ли они.

– И даже если бы знали, – продолжил Гриффин, – прежде всего – Частица Эдема. Послушайте, неужели вы, ребята, думаете, что Оуэн и Грейс не хотели бы, чтобы сначала мы остановили Исайю, прежде чем спасти их?

Дэвид знал, что он, вероятно, прав, и не мог с ним поспорить.

Хавьер повернулся к Янмей:

– Думаю, я смогу подобраться ближе незамеченным.

– Ты-то тренирован, – возразил Гриффин, – но эти двое – нет.

Дэвиду не понравилось, что он был одним из тех, кто всех удерживает, но он не обладал навыками, которые мог бы получить через Эффект Просачивания, о котором говорила Грейс. В симуляции в Нью-Йорке он был стариком, а Наталья – оперной певицей.

– Что если мы пойдём ночью? – спросил Хавьер.

– Это возможно, – сказала Янмей. – Нужно будет подождать, когда луна скроется, и тогда принять решение.

– Тогда немного отдохнём, – Гриффин осмотрелся по сторонам. – Разобьём лагерь за деревьями, будем тихо сидеть и наблюдать.

Все согласились и, немного перекусив, достали спальные мешки. Костёр решили не разжигать, поэтому укутались всем, что у них было.

Несколько часов спустя опустилось солнце, и на хребте стало холодно. Дэвид прислонился к дереву, засунул подбородок под воротник и принялся выпускать клубы морозного дыхания, из-за которого запотевали очки, а потом наблюдал, как они медленно проясняются. Он вслушивался в ветер, который не утихал, и сквозь него слышал уханье совы или какой-то другой ночной птицы.

Янмей была права, беспокоясь насчёт луны. Она заливала светом долину и отполировала реку до серебряного блеска. Южнее ярко светились огни в лагере Абстерго, и Дэвид задумался о Грейс. Там ли она или всё ещё в Аэри? Он чувствовал себя, словно надолго отпустил её куда-то, чтобы самому понять, почему Анимус так важен для неё.

Он должен найти способ вытащить её из Абстерго.

Он обещал ей это.

Что-то двинулось между деревьев неподалёку. Что-то большое, но было слишком темно в тени, чтобы понять, что это. Янмей упоминала волков.

– Замрите, – тихо прошептала Янмей. – Гриффин?

– Оглушающая граната наготове.

– Мой арбалет заряжен, – добавил Хавьер.

Дыхание Дэвида сбилось, когда это приблизилось к нему. Шаги были слишком большими и тяжёлыми для волка. В его голове пронёсся образ медведя.

– Что это? – спросила Наталья.

– Я не уверена, – пробормотала Янмей.

Вдох животного был долгим, утробное фырканье, казалось, оно всего лишь в метре от Дэвида. Он подумал, что чувствует, как оно пахнет – резкий мускусный запах. Его руки дрожали, когда он потянулся за фонарём.

– Спокойно, – произнёс Гриффин.

Но Дэвиду было далеко до спокойствия.

Когда оно сделало очередной шаг к нему, внезапная дрожь охватила его руку, и он не придумал ничего лучше, чем включить фонарь и направить его на зверя.

Это был огромный, высокий лось с почти двухметровыми рогами. Его глаза сверкнули на Дэвида.

– Выруби свет! – прошипел Гриффин.

Дэвид выключил фонарь и стал ждать. Он слышал, что лоси могут быть очень агрессивными. Было слышно, что лось сделал шаг, затем ещё один, и Дэвид понял, что тот движется от него, в сторону леса. Он вздохнул.

– Эта хрень была огромной, – сказал Хавьер.

– Свет слишком яркий, – сказал Гриффин. – Достаточно яркий, чтобы нас увидели агенты Абстерго, если смотрели в эту сторону.

Это было ошибкой Дэвида.

– Простите. Я просто не знал, что это было.

– Что сделано, то сделано, – сказала Янмей. – Надо быть потише.

Так что Дэвид и остальные постарались вести себя ещё тише, но теперь он смотрел на лагерь Абстерго, не только размышляя о Грейс, но и ожидая любых перемещений, которые бы были знаком того, что агенты направляются к ним. Ничего не происходило, правда, ночь становилась холоднее.

Когда луна скрылась за пиком Бурхан–Халдуна, долину накрыла тьма, а серебряная река словно превратилась в чернила. Остальные смотрели на запад, но Дэвид не сводил глаз с тамплиеров. Он не мог отбросить предположение, что Грейс внизу и нуждается в помощи.

– Что думаешь? – спросил Гриффин.

– Думаю, что стоит попробовать, – ответила Янмей. – Возможно, это наш лучший шанс. Лагерь Абстерго будет только расширяться, как и область их наблюдения.

– Тогда пошли, – сказал Гриффин.

Они упаковали спальные мешки и остальное снаряжение, которое вытаскивали до этого из рюкзаков, и медленно двинулись вниз, в долину, стараясь держаться ниже и использовать складки местности, чтобы не высовываться на открытое пространство. Все держали в поле зрения лагерь Абстрего в поисках признаков, что их заметили, и вскоре они сошли со склона и вступили на растущую в долине траву.

Когда они начали движение, – первой Янмей, потом Хавьер и Наталья, затем Дэвид и Гриффин замыкающим, – Дэвид заметил красный огонёк, светящийся в лагере. Затем он сменился зелёным. Потом он сменился снова и стал жёлтым.

Красный, зелёный, жёлтый.

Огонёк пропал, и Дэвид остановился. Это были цвета опознавания на его Мустанге Р-51 – самолёте, на котором летал Дэвид в воспоминаниях своего прадеда. Совпадение?

Огонёк снова появился.

Красный, зелёный, жёлтый.

Затем снова исчез.

Дэвид помнил, как рассказывал Грейс о этих цветах, и он подумал: а что, если это какое-то скрытое послание для него от неё? Несмотря на то, что она заставила его огорчаться из-за того, что он так наслаждался симуляцией полёта, может, она хочет привлечь именно его внимание, даже после всего, что было? И, может быть, она видела свет от фонаря Дэвида раньше и послала ему сообщение?

– Дэвид, что такое? – прошептал Гриффин позади него.

– Я думаю, это Грейс, – ответил он.

– В смысле?

– Огни в лагере. Красный, зелёный, жёлтый. Они из моей симуляции в Аэри.

Гриффин посмотрел в сторону лагеря.

– Их сейчас нет, – сказал Дэвид. – Но я видел их. Это Грейс. Должна быть она.

– Мы не можем быть в этом уверены, – сказал Гриффин. – И наша миссия остаётся прежней. Сначала Частица Эдема.

– Но...

– Мне жаль, – Гриффин прошёл мимо Дэвида. – Пойдём.

Ассасин брёл всё дальше по полю, идя позади остальных, но Дэвид остался на месте. Он не мог перестать думать о том, что было или перестать обращать внимание на тот факт, что эти огни могли быть от Грейс.

Она нуждалась в нём. Он знал это. Он уже оставил её однажды и не хотел делать это снова, даже если это означало, что ему придётся идти своим путём.

Он развернулся и побежал обратно к деревьям. Ему нужно было подобраться к лагерю Абстерго незамеченным так близко, как это возможно, а шагая по долине, он укрыться не сможет.

Когда Дэвид побежал, он ожидал, что Гриффин догонит его или выстрелит в него дротиком со снотворным, но ничего не произошло. Он даже не был уверен, что они заметили, как он ушёл, но в любой момент это могло случиться. Позволят ли ему уйти, или они продолжают свою миссию? Он не оборачивался, чтобы выяснить это.

Добравшись до подножия холма, он взобрался вверх, к деревьям, и остановился осмотреться, тяжело дыша. С ушедшей за гору луной в лесу сгустились тени, и он несколько раз споткнулся о незаметные в темноте корни и камни. Но он продолжал идти.

Ему казалось, что часы начали тикать, начав отсчёт до чего-то. Чего-то, что случится с Грейс. Отсчёт до того, как одна из групп найдёт Частицу Эдема. Отсчёт до того момента, когда Дэвид уже ничего не сможет сделать.

По пути он не сводил глаз с леса по левую сторону, глубоко в который он боялся заходить. Лось напугал его, и он вновь вспомнил об упомянутых Янмей волках. Холод не беспокоил его, пока он двигался, но из-за дыхания по-прежнему запотевали очки, и он по-прежнему спотыкался.

В конце концов он подошёл достаточно близко, чтобы лучше разглядеть лагерь.

Пять очень больших палаток, скорее, даже шатров, похожих на карикатурные дома из мультфильмов с прямыми стенами и остроконечными крышами. Дэвид также заметил несколько больших морских грузовых контейнеров и множество внедорожников. Также стояли два вертолётa: один поменьше, а второй, с двумя винтами спереди и сзади, для тяжёлых грузов.

Яркие прожекторы освещали весь лагерь, периметр патрулировали несколько агентов тамплиеров. Дэвид высматривал Грейс, но безуспешно.

Однако он увидел место, с которого подавались сигналы. Скорее всего, она в одной из палаток. У некоторых из них были окна. Но в какой?

Он не знал, как будет это выяснять, учитывая заливающий всё вокруг свет и снующих повсюду агентов. Но он должен был попробовать: лучшего шанса, чем этой ночью, не представится.

Он глубоко вздохнул и начал красться вниз с холма.

А затем он услышал шаги позади себя и развернулся, испугавшись, что это может быть зверь.

– Замри! – агент в форме и спецназовском снаряжении целился в Дэвида. – Передайте Исايе, что план девчонки сработал, – произнёс он в рацию. – Её брат пришёл.

ГЛАВА 26

Конечным этапом поездки в Монголию стал звук вертолётных лопастей над головой и шум порывов ветра, качавший грузовой контейнер из стороны в сторону. Оуэна стало укачивать, подкатывала тошнота. Но прежде, чем его вырвало, вертолёт опустил контейнер на землю и появилось ощущение земли под ногами.

– Нам нужно спрятаться, – прошептала Грейс.

Они все переместились в дальний угол, отойдя за ящики. Монро выключил фонарь, и они стали ждать.

Через пару минут загревели защёлки, и двери контейнера широко раскрылись с металлическим скрипом, залив всё внутри ослепляющим светом. Оуэн зажмурился, и его глазам понадобилось больше времени, чем обычно, чтобы они приспособились к свету.

– Достаньте георадар⁵⁰ первым, – произнёс кто-то. – Исайя хочет, чтобы его запустили до заката.

– Да, сэр.

⁵⁰ Георадар – сложный GeoScanner–радиолокатор, для которого исследуемой средой может быть земля, грунт (отсюда наиболее распространенное название), пресная вода, горы. Предназначен для нахождения различных объектов, в том числе неметаллических.

Оуэн слышал звуки поднимаемых ящиков, множество шагов, редкие вырывающиеся вздохи, будто кто-то ухватил что-то тяжёлое. Разгрузка продолжалась несколько минут, но никто не прошёл вглубь контейнера так далеко, чтобы увидеть, как они втроём прячутся, и вскоре всё затихло, только голоса и звуки транспорта раздавались снаружи контейнера.

Оуэн рискнул приподняться над ближайшим ящиком. Яркий свет исходил от прожекторов, подключенных к переносным генераторам, так же, как и на стройке при работе ночью. Он взглянул на угол большой палатки, мимо которой периодически проходили тамплиеры.

– Похоже, мы прямо посреди их лагеря, – сказал Оуэн. – Может, стоит попробовать прорваться?

– Может, лучше посидим здесь и подождём, пока все вокруг не успокоятся? – предложила Грейс.

– А если они не успокоятся? – спросил Оуэн. – Что, если они придут за оставшимися ящиками?

– Нам нужно попробовать выбраться отсюда, – сказал Монро. – Но осторожно. А не как в случае с Билли Кидом⁵¹ и Регуляторами⁵².

– С кем? – не понял Оуэн.

Монро покачал головой:

– Как-нибудь покажу в моём Анимусе, – он вылез из-за ящика. – А сейчас идём.

⁵¹ Билли Кид, он же Уильям Генри Маккарти, также известен под псевдонимами Генри Антрим и Уильям Гаррисон Бонни) (23 ноября 1859 – 14 июля 1881) – американский преступник. Родился в Нью-Йорке. Известно, что первого человека убил в 18 лет. Вступил в банду, которая угоняла скот, но неохотно, ибо любил действовать в одиночку. Затем оказался втянут в гражданскую войну в графстве Линкольн, которая являлась междоусобицей между компанией «Мерфи и Долан» и английским предпринимателем Джоном Танстеллом за экономическое влияние в штате Нью-Мехико, на стороне последнего оказался и Билли Кид, вышедший из банды. Компании удалось ликвидировать Танстелла, но Билли Кид на его похоронах пообещал похоронить каждого, кто ответственен за это, что породило продолжившуюся кровавую бойню не без участия недавно созданных Регуляторов...

⁵² Регуляторы – банда, созданная адвокатом Танстелла Александром Максвеном и несколькими другими бандитами, включая Билли Кида, целью которой была месть за убийство Танстелла. Несмотря на неудачи, они не собирались сдаваться, и вместо того, чтобы передавать врагов в руки правосудия, они решили их убивать на месте, так как знали, что через минуту те будут на свободе. В итоге было убито достаточно человек, включая Брэди, шерифа Линкольна.

Наконец, Максвен и ещё 50 бандитов появились в Линкольне 14 июля 1878 года, чтобы окончательно разобраться с Доланом. К тому времени новым шерифом стал Джордж Пеппин, но Максвен почему-то не торопился посетить его, как и расквитаться с Доланом, что оказалось роковой ошибкой, потому что они оба в сопровождении своих людей осадили дом, где находились члены банды, и подтянули даже войска. В результате спасся практически один Билли Кид и ещё несколько человек, а остальные либо покинули дом той же ночью, когда началась осада, либо погибли (включая Максвена). Вдова Максвена Сьюзен наняла адвоката Хьюстона Чэпмена, но спустя полгода и он был убит. Долана обвинили в убийстве, но с помощью влиятельных друзей уголовное дело было прекращено. Так закончилась самая кровавая война на Диком Западе, ибо многие граждане также были в неё вовлечены.

Что касается Билли Кида, то 23 декабря 1880 года он был пойман Петом Герретом, но во время процесса смог сбежать, убив двух депутатов. Однако 14 июля 1881 года Геррет смог отследить Билли и расстрелять его в спину.

Они направились к дверям грузового контейнера, стараясь не попадаться никому на глаза. Добравшись до входа, Оуэн осмотрелся. Лагерь оказался больше, чем он предполагал.

Три или, может, четыре и даже больше палатки, много техники и транспорта. В поле зрения попадалось не так много агентов, и Оуэн подумал, что у них есть шанс выбраться.

– Сюда, – показал Монро направо, где земля за линией прожекторов начинала подъём, и стал виден лес, – к деревьям.

– Звучит неплохо, – сказала Грейс. – Я готова.

Оуэн кивнул.

– Я тоже. Мы...

Но затем они увидели, как Исайя вышел из тента. Директор направлялся прямо к грузовому контейнеру, в окружении дюжины агентов в полной экипировке. Ещё два отряда поменьше шли по обе стороны от него.

– Думаю, мы упустили свой шанс, – зашептал Монро. – Назад, назад.

Они отступили обратно за ящики вглубь контейнера. Оуэн закрыл глаза и прислушался к ощущениям. Он почувствовал, что Грейс рядом с ним делает то же самое, и память словно положила невесомую руку на плечо, показав воспоминание о Вариусе и Элизе снаружи дома Твида. Он замер на мгновение, а затем ощущения исчезли.

– Вы можете выходить, – раздался голос Исайи. Его голос эхом отдавался внутри металлического контейнера. – Нет смысла откладывать неизбежное, не так ли?

Монро посмотрел на Оуэна и Грейс, покачал головой и кивнул. Оуэн поднялся на ноги, а затем и Грейс с Монро.

– Виктория связалась со мной пару часов назад, – сказал Исайя. – Она на пути сюда. – Он окинул взглядом внутренности контейнера. – Очень изобретательно. Разумеется, я ожидал, что вы попытаетесь сбежать, но не ожидал, что таким способом...

– Есть много вещей, которых ты не ожидал, – сказал Монро.

Исайя кивнул:

– Это правда, – и повернулся к агентам, стоящим рядом с ним. – Привести их.

Исайя ушёл в сопровождении группы агентов. Всех троих вывели из контейнера, и они не сопротивлялись. Под прицелами винтовок они шли за директором в сторону большой палатки.

Оуэн понял, что они находятся в долине, окруженной горами.

– Сэр!

Исайя развернулся, и один из агентов указал на север.

Оуэн посмотрел в том направлении и увидел свет, осветивший деревья на склоне холма. Грейс тоже увидела и перевела взгляд на Оуэна, но её мысли, казалось, метались. Через секунду свет погас.

– А вот это я ожидал, – сказал Исайя. – Мы знали, что они выжили.

– Кто выжил? – спросил Монро.

– Ассасины выжили после падения самолёта. Мы сбили их чуть ранее днём, – Исайя указал на место, где только что был свет. – Подготовиться к запуску по позиции.

– Да, сэр.

Подошёл агент с переносной ракетной установкой. Оуэн никогда не видел такую, она выглядела не настоящей, словно игрушкой. Но, судя по всему, она была тяжёлой, и потребовалось ещё два агента, чтобы зарядить её и подготовить к стрельбе. Стрелок приник к большому прицелу, и Оуэн понял, что сейчас произойдёт. Оуэн не знал, кто там был на самом деле, но, если это были ассасины, там мог быть и Гриффин. А с ним, возможно, и Хавьер.

– Цель захвачена, – произнёс стрелок. – Готов стрелять.

– НЕТ! – закричала Грейс, прежде чем Оуэн сделал тоже самое.

Исайя поднял руку, и стрелок оторвал глаз от прицела.

– Почему?

– Мой брат может быть там, – сказала она.

– Что? – нахмурился Исайя. – Я бы никогда не взял детей в Монголию.

Очень сильно сомневаюсь, что и ассасины не стали бы этого делать тоже.

– Я знаю своего брата, – сказала Грейс. – Если этот ассасин здесь, Дэвид не остался бы в стороне. Пожалуйста, ведь есть шанс, что он там...

– Хорошо, – произнёс Исайя. – Тогда мы пошлём группу захвата.

– Нет, – сказала Грейс. – Если Дэвид там, я думаю, что я смогу привести его. Прямо сюда.

– Я слушаю, – сказал Исайя.

Оуэн гадал, что же Грейс делает, но надеялся, что это какой-то план.

– Вы не знаете, что там, – сказала Грейс. – Если Дэвид будет здесь, он послушает меня. Он сможет сказать нам, что делают ассасины. Что они знают. Может быть, Наталья рассказала им о местоположении гробницы.

Исайя смотрел на неё секунду, немного недовольно, и показал стрелку, чтобы тот опустил оружие.

– У тебя час. Потом я посылаю группу.

– Спасибо, – сказала Грейс.

– Как ты собираешься подать ему сигнал? – спросил Исайя.

Грейс смотрела в землю пару мгновений и сделала несколько шагов, насколько ей позволяло кольцо агентов, окружающих их.

Затем она подняла голову:

– Мне нужно три фонаря. Красный, зелёный и жёлтый.

Исайя вначале не понял, но затем улыбнулся:

– Лётчики Таскиги.

Оуэн понятия не имел, что это значит, но через несколько минут один из агентов принёс большую сумку с фотопринадлежностями, в которой были разные вспышки, линзы и фильтры. Грейс вытащила из неё три разных фильтра и попросила фонарик, который направила на ту точку, где был свет.

Один за другим она меняла фильтры, включая и выключая фонарь.

Красный, зелёный, жёлтый.

Потом она сделала это ещё раз.

– Надеюсь, это сработает, – сказал Монро.

– На самом деле, я тоже, – вставил Исайя. – Гораздо меньше жертв, чем если посылать ударную группу. – затем он указал одному из агентов: – Проведи их внутрь.

Ствол упёрся в спину Оуэна, и он снова пошёл вперёд. Когда они достигли первой палатки, агент подтолкнул его к ней, и, войдя внутрь, Оуэн понял, что это какой-то командный центр. Компьютеры и несколько мониторов стояли рядом с большим столом с голографической картой. Агенты подтолкнули Грейс, Оуэна и Монро к стоящему в углу отдельному конференц-столу.

– Сядьте, – приказали им.

Оуэн сел за стол, как и Грейс с Монро.

– Думаешь, Дэвид придёт? – спросил Оуэн.

Грейс кивнула, смотря на агентов, наблюдающих за ними.

– Ты уверена? – спросил Монро.

Она снова кивнула.

– Масире рассчитывал на своего брата, а я рассчитываю на своего.

Оуэн снова не имел ни малейшего понятия, что это значит, но ему показалось не самой хорошей идеей просить разъяснений перед агентами тамплиеров. Так что они просто стали молча сидеть и ждать. По мере того,

как шло время, Оуэн чувствовал всё больше беспокойства, а вот Грейс, напротив оставалась спокойной, сидя на кресле и положив руки на колени.

Исайя вошёл в палатку и подошёл к их столу:

– Я разместил группы с обеих сторон лагеря. Они поймут его, если он придёт.

– Он придёт, – сказала Грейс.

Прошло ещё какое-то время, и уже Монро начал выказывать признаки нетерпения, ёрзая и блуждая взглядом по палатке. Но Грейс держала лицо непроницаемым, тело напряжённым, а взгляд твёрдым. Оуэн чувствовал, что выглядит так же, как и Монро.

Вскоре в палатку вошёл агент:

– Сэр, он у нас.

Оуэн чувствовал как удивление, так и облегчение. Если Дэвид был здесь, то, скорее всего, и Хавьер тоже. После того, что он увидел в воспоминаниях своего отца, ему захотелось увести Хавьера подальше от Братства.

– Отлично, – сказал Исайя. – Приведите Дэвида сюда.

Агент кивнул и вышел.

– Я говорила вам, – сказала Грейс. – Я знала, что могу рассчитывать на него.

– Да, это так, – согласился Исайя. – Давай посмотрим насчёт остального.

Через несколько секунд два агента привели Дэвида. На нём была тёплая куртка и большой рюкзак за спиной.

– Отпустите меня! – кричал он.

Грейс взлетела с кресла и бросилась к нему:

– Дэвид!

Но не успела она приблизиться к нему, как один из агентов обхватил её за шею и вернул на стул.

– С этим как-нибудь потом, – сказал Исайя. – А сейчас у меня есть несколько вопросов к вам, молодой человек.

Агенты подвели Дэвида к столу, и он попытался отпихнуть их.

– Отпустите меня, – воскликнул он. – Грейс, я...

– Говорить буду я, – перебил его Исайя. – Но для начала упомяну кое-что. Твоя сестра сказала, что ты будешь говорить правду, и я надеюсь, что ты не разочаруешь её.

– Всё в порядке, – сказала Грейс. – Я так и сказала.

Дэвид глядел на неё секунду и кивнул.

– Что вы хотите узнать?

– Сколько ассасинов там? – спросил Исайя.

– Двое, – ответил Дэвид. – Хавьер с Натальей тоже там.

Предположение Оуэна оказалось верным, его друг был здесь. Теперь ему нужно было придумать способ передать сообщение Хавьеру, как Грейс придумала для Дэвида.

– Если Наталья с ними, – сказал Исайя, – то они знают, где Частица Эдема?

– Да, – сказал Дэвид.

– Тогда почему они просто не отправились за ней, а смотрят за лагерем?

Дэвид сердито посмотрел на него, его губы сжались.

– Дэвид, – раздался голос Грейс. – Пожалуйста, скажи ему.

– Отлично, – Дэвид сложил руки на груди. – Лагерь просто на пути.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Исайя.

– Я имею в виду, что гробница к югу отсюда. Гриффин прикидывал, как обойти ваш лагерь, чтобы вы не заметили.

Исайя наклонился вперёд. Его зрачки расширились больше, чем когда-либо видел Оуэн.

– Ты знаешь, где зубец?

Дэвид не ответил.

Голос Исайя упал почти до шёпота:

– Ты знаешь.

Дэвид покачал головой:

– Наталья единственная, кто видел его. Но... она сказала, что гробница рядом с большой скалой, похожей на черепаху. В нескольких милях от неё. Это всё, что я знаю.

Исайя вздохнул.

– Этого достаточно, – он отвернулся от стола и подошёл к карте. – Мы не будем ждать рассвета! Я хочу, чтобы все команды с георадаром и оборудованием для раскопок были наготове! Мы выдвигаемся на юг через пятнадцать минут!

Оуэн был удивлён, что Дэвид рассказал всё так легко, особенно после того, как он выступил против тамплиеров, покинув Аэри. Но после приказов Исайи всё вокруг пришло в движение, агенты бегали туда-сюда,

снаружи раздавались звуки техники. Через пятнадцать минут Исайя вернулся к их столу, теперь экипированный для боя, в военной форме, но с красным крестом на груди, и сказал двум агентам, стоявшим рядом:

– Охраняйте их.

– Да, сэр.

Затем он ушёл под звуки пришедших в движение вертолётных лопастей и гудения двигателей. Некоторое время гул нарастал и, достигнув пика, стал пропадать, удаляясь от лагеря.

Вскоре он исчез, и в палатке стало очень тихо.

– Зачем ты это сделал? – прошептал Монро Дэвиду.

– Лучше это, чем если её получат ассасины, – сказал Оуэн. Его гнев на них начал медленно оборачиваться ненавистью. Они разрушили его жизнь, жизнь его матери, а жизнь отца вообще забрали.

– Почему ты говоришь так? – спросил Монро.

– После того, что они сделали с моим отцом.

– И что же?

– У меня появился образец ДНК. Исайя показал мне то воспоминание. Я увидел ограбление банка.

Монро сел:

– И?

– Ассасины втянули его в это. С его помощью они попали в банк Абстерго. Мой отец не убивал охранника, и у него особо не было выбора.

Монро бросил взгляд на охранников.

– Исайя показал тебе это, не так ли?

– Да.

Монро прижал руки к подбородку. Он выглядел разочарованным или, скорее, расстроенным, и это была не та реакция, которую Оуэн ожидал увидеть.

– Что? – спросил он.

– Я работал над симуляциями годами, – сказал Монро тихо и ровно. – Абстерго может с лёгкостью манипулировать ими. Исайя может показать тебе что угодно в прямом смысле.

Оуэну не понравилось ни то, куда вёл Монро, ни то, как внизу живота стало холодно.

– Но это не так. Он показал мне правду.

– Её ли? Или то, что ты хотел увидеть?

Оуэн вспыхнул и грохнул кулаком по столу:

– Тебя там не было! Именно за этим я пришёл в первый раз к тебе, но ты не помог мне, помнишь?

– Я помню, что не смог помочь тебе.

– А Исайя смог. Не говорю, что я готов присоединиться к тамплиерам, но я собираюсь восстановить справедливость относительно моего отца и ассасинов. Как угодно.

Этот печальный взгляд, полный разочарования, остался в глазах Монро.

– Я предупредил тебя, – сказал он.

– Мне нужно в туалет, – подал голос Дэвид.

Один из агентов хмуро ответил:

– Терпи или сходи в штаны.

– Да ладно вам, – сказал Дэвид. – У вас же есть переносные туалеты где-то здесь.

Агент проигнорировал его.

– Вы серьёзно хотите, чтобы я сделал это прямо тут? – Дэвид встал и потянулся за ширинкой на штанах. – Убирать ведь вы будете?

Агент поморщил нос.

– Ладно, – он повернулся ко второму охраннику. – Отведёшь его?

Тот покачал головой.

– У меня нет предпочтений, – сказал Дэвид.

Первый закатил глаза:

– Сюда.

Он повёл Дэвида вдоль стола, мимо командного центра и вывел из палатки. Оуэн посмотрел на Грейс, а она посмотрела на него. Решительное выражение её лица всколыхнуло память других воспоминаний. Элиза приготовилась к удару.

Он почувствовал, как разум Вариуса заполняет его сознание, почти так же, как в Анимусе, но без тяжести. Оуэн снова поймал взгляд Грейс, и она кивнула, почти незаметно. Так что Оуэн поднялся на ноги и отдался разуму Вариуса, так же, как и при синхронизации в Анимусе.

– Сядь на место, – сказал агент.

– Дай размяться, – пожаловался Оуэн. – Я был заперт в грузовом контейнере двадцать четыре часа.

Грейс тоже поднялась на ноги.

– Сядьте, оба!

Когда Оуэн начал атаку, удары и защитные движения происходили словно сами по себе, но в эти моменты он больше был Вариусом, чем собой, точно так же, как Грейс была больше Элизой.

Уже через несколько секунд безоружный охранник без сознания свалился на землю.

– Идём, – сказал Оуэн.

– Что за чертовщина сейчас произошла? – спросил Монро.

– Эффект Просачивания, – сказала Грейс. – Я чувствую его более сильно, когда Оуэн рядом.

– Я тоже.

Прихватив с собой оружие охранника, они покинули палатку, отправившись на поиски Дэвида.

По пути они встретили ещё несколько агентов, но справились с ними без использования оружия. Вскоре они нашли переносной туалет, у которого стоял охранник Дэвида. Он удивился, увидев их.

Его тоже быстро нейтрализовали.

– Это вы, ребят? – раздался изнутри голос Дэвида.

– Да, – ответила Грейс.

Дэвид вышел из кабинки, пружинная дверь захлопнулась за его спиной.

– Вы долго. Здесь воняет.

Монро переводил взгляд с одного на другого:

– Кто-нибудь, пожалуйста, может объяснить мне, что происходит?

– Объясним по пути, – сказала Грейс. – Прямо сейчас нам нужны лопаты.

– По пути куда? – спросил Монро.

Дэвид поправил очки, всем видом показывая, что ответ очевиден:

– К настоящему местоположению Частицы Эдема.

ГЛАВА 27

Наталья не хотела оставлять Дэвида. Хавьер тоже. Но Гриффин и Янмей решили, что привлекут слишком много внимания, если соберутся поймать его, а если поймают, то будут тратить много времени и усилий, удерживая его от побега. Также они боялись, что его поймают тамплиеры, поставив миссию под угрозу, поэтому вместо этого решили ускориться.

Наталья по-прежнему не могла решить, что она может и что должна сделать с Частицей. Гриффин видел достаточно в её симуляции, чтобы приблизиться к гробнице, но не всё. Скоро они обратятся к Наталье, чтобы она показала точное местоположение, а в её планах было добраться сюда самой и не позволить найти Частицу кому бы то ни было.

– Ты в порядке? – прошептал ей Хавьер.

– Нет, – ответила она.

– Почему ты не хочешь помогать?

Она хотела спросить у него, почему *он* помогает им.

– Я боюсь отдавать источник абсолютной власти в руки каких-то служителей идеологии. Думаю, Монро был прав. Ни ассасины, ни тамплиеры не должны заполучить её.

Хавьер ничего не ответил на это.

Вскоре они достигли реки, которая была глубокой и, вероятно, замерзала, так как поток был не быстрым. Янмей повернула на север, в поисках брода. Примерно через пятьсот метров они достигли места, где вода огибала скалистый выступ, после которого разливалась широко и мелко. Они перешли реку по шаткому каменистому дну, вода едва доходила Наталье до колен.

Теперь скалистое образование в форме рога было прямо на юг от них, и Гриффин повёл всех к нему. Вскоре они пересекли вторую половину долины и оказались на противоположном склоне.

Когда они достигли верхнего западного края долины, издалека раздался звук двигателей, и они обернулись на лагерь тамплиеров. Многочисленные фары транспорта сновали по нему, вскоре выстроившись в ряд, да и без них царила необычная активность. Большой вертолёт поднялся, его прожектора зашарили по земле.

– Думаешь, это как-то связано с Дэвидом? – спросила Наталья.

– Скорее всего, – сказал Гриффин.

– Они приближаются к нам? – спросил Хавьер.

Гриффин достал бинокль.

– Они двигаются, но не прямо на нас, – он передал бинокль Янмей. – Они направляются дальше на юг. В спешке.

– Куда они? – спросила Наталья.

– Ты нам скажи, – сказал Гриффин. – Они знают местонахождение Частицы Эдема?

– Откуда я об этом знаю? – спросила Наталья.

Хавьер повернулся к ней и немного раздражённо спросил:

– Он хочет знать, направляются ли они в верном направлении.

Наталья поколебалась, но в итоге покачала головой.

– Ну, что-то всё же заставило их выдвигаться, – сказала Янмей. – Я думаю о том, чтобы это могло быть.

– Это не важно, – ответил Гриффин. – Пока они не идут этим путём, используем их отвлечение как преимущество.

Поэтому они продолжили путь, но Наталья иногда оборачивалась через плечо, наблюдая, как конвой Абстерго едет по долине рядом мерцающих огней. Казалось подозрительным, что они так активизировались посреди ночи, особенно после того, как Дэвид убежал. Он обратил внимание на то, как пристально Наталья смотрела на скальный рог, что могло дать ему подсказку, где хан Мунке может быть похоронен. Она подумала, что если

он направил тамплиеров в неверном направлении, то это даст ей и ассасинам время. Но время для чего?

Ей нужно было как-то избавиться от Гриффина и Янмей, чтобы самостоятельно найти Частицу Эдема. Но это не представлялось ей возможным. По крайней мере это будет непросто. Она хотела бы, чтобы Хавьер был на её стороне, но, похоже, он нашёл что-то в Братстве, так же, как Грейс и Шон нашли что-то в Ордене.

Склон поднимался вверх неравномерно, хватало и впадин, и небольших пригорков вымытой породы. Скальный рог был всё ещё над ними, но с каждой минутой они приближались к нему. Они почти достигли того места, где Наталья десинхронизировалась, и Гриффин остановился.

– Я провёл вас так близко, как мог, – сказал он, повернувшись к Наталье. – Я восхищён твоей волей, но я почти потерял терпение. Тебе нужно решать.

Наталья выпрямилась, чувствуя, как изменилось настроение вокруг неё.

– Наталья, пожалуйста, – сказал Хавьер. – Или тамплиеры, или ассасины. Либо те, либо другие.

– В самом деле? – спросила Наталья.

– Да, – сказал он. – И я думаю, ты за свободу воли.

– Мои дедушка и бабушка жили при коммунизме. Конечно я за свободу воли. И именно поэтому, у меня нет причин для слепой верности ассасинам.

– Ты права, – сказала Янмей. – Но наше Кредо не приказывает нам быть свободными. Оно говорит нам быть благоразумными.

– Что это значит? – спросила Наталья.

Гриффин покачал головой:

– Янмей, у нас нет времени на Иронию.

– Что за Ирония? – снова спросила Наталья.

Янмей мягко улыбнулась.

– Они были написаны одним из самых мудрых и великих ассасинов в истории, Альтаиром ибн Ла-Ахадом. Наше Братство стремится к миру, но мы совершаем убийства. Мы хотим освободить разум людей от слепого подчинения, но требуем абсолютной преданности Кредо. Мы предупреждаем об опасности слепой веры, но сами практикуем её. Это и есть Ирония.

– И как вы примиряетесь с ними? – спросила Наталья.

– Остаюсь мудрой, – Янмей положила ладонь ей на грудь. – Я жертвую частью своей свободы воли, чтобы нести её в мир. Как ассасин, я выделяюсь этим.

Наталья понимала это, но не была готова пожертвовать сколь-либо своей свободой воли, и она не думала, что кто-нибудь попросит её об этом. Хавьер, стоявший рядом с ней, затих. Он смотрел на Янмей и Гриффина и, казалось, размышлял над тем, что сказала Янмей. Наталья подумала, а что, если Хавьер согласится со сказанным ею.

Она надеялась, что нет.

– Тамплиеры не должны заполучить зубец, – произнесла Янмей. – Пожалуйста. Помогите нам.

Наталья знала, что ей нужно сделать выбор. Больше откладывать нельзя.

Но Хавьер неправ. Это не выбор между тамплиерами и ассасинами. В самом начале Монро сказал, что есть третья сторона.

– Сюда, – сказала Наталья и повернула на юг, в сторону от рога.

Она показала на отдалённый холм земли, возле одного из деревьев.

– Это гробница? – спросил Гриффин.

Наталья кивнула, но дышать стало тяжелее, и она прикладывала все силы, чтобы сохранять спокойствие. Её план требовал от неё большего, чем ложь.

Хавьер подошёл к ней.

– Спасибо.

Она взглянула ему в глаза:

– Ты действительно хочешь пожертвовать свою свободную волю ассасинам? Это правда то, чего ты хочешь?

– Я... я не знаю, – проговорил он. – Но я не могу думать об этом сейчас. Сначала зубец.

Она кивнула, и они продолжили путь к холму.

Когда они достигли его, Гриффин бросил свой рюкзак на землю и достал узкую складную лопатку. Он раскрыл её и осмотрел холм.

– Откуда мне начать?

– Я не уверена, – указала Наталья на пятно у подножия холма. – Думаю, что вход где-то здесь или рядом.

Гриффин кивнул и опустился на колени, спиной к Наталье, и Янмей встала рядом с ним. Ритмичный звук разрывающей землю лопаты разорвал ночь, и она позволила Гриффину повозиться пару минут.

– Это займёт какое-то время, – сказала Наталья Хавьеру. – Что, если Абстерго найдут нас?

– Я буду готов, – сказал он.

– С чем?

Он достал свой пистолетный арбалет:

– С этим. Дротики со снотворным уложат их через секунду.

– Можно посмотреть?

Хавьер передал ей оружие, оказавшееся тяжелее, чем она ожидала. Весомый, с рукояткой, тёплой от рук Хавьера.

– Как она работает? – спросила она.

– Натягиваешь здесь, – показал он на пружинный механизм. – Нажимаешь на спуск. Перезаряжаешь с помощью этого рычага и по новой.

– А это дротики со снотворным?

– Да.

Наталья отвела назад пружинный механизм, зарядила пистолет и выстрелила Янмей в спину. Пока Наталья перезаряжала пистолет, звук лопаты оборвался, и она успела выстрелить в грудь Гриффина, прежде чем тот достиг её. Хавьер так и простоял всё это время, слишком ошеломлённый, чтобы двигаться.

Оба ассасина лежали на земле без сознания.

Она протянула Хавьеру пистолет.

– Не хочу в тебя стрелять.

Его рот открылся.

– Почему...

– Пошли, у нас не так много времени.

Она подняла лопату Гриффина и побежала обратно к рогу, к тому месту, на котором они остановились до этого.

Хавьер догнал её, почти рыча:

– Наталья! Что за херня сейчас была?!

– Третий путь! – крикнула она в ответ. – Думаю, Дэвид выиграл нам немного времени, и я не собираюсь тратить его попусту.

Гора росла по мере их приближения, и достигнув её, Наталья не могла сказать, что она по-прежнему такая же острая. Но это было то же место, что и видел Байан. Она знала это, как и знала, что гробница поблизости. Ночная темнота прошла, до рассвета оставалось несколько часов.

– Окей, – сказал Хавьер. – Предположим, ты найдёшь её, а что дальше? Как ты собираешься самостоятельно спрятать её? Что, если Абстерго поймает тебя?

– Будем разбираться с проблемами по мере их поступления, – сказала она и прошла по краю скального образования, в том месте, где камень встречался с землёй, периодически оглядываясь на юг в надежде, что остальные придут. Но это будет зависеть от Дэвида.

– Как насчёт этого? – спросил Хавьер в нескольких метрах от неё.

Наталья развернулась к нему и увидела, что он нашёл. Маленький тамплиерский крест, вырезанный на камне, достаточно маленький для того, чтобы не быть заметным, если не искать специально.

– Вот оно, – она бросилась на землю и стала рыть лопатой прямо под символом, отбрасывая в сторону холодный торф и землю. Хавьер сел рядом с ней, помогая ей копать руками. Они углубились примерно на полметра, когда Хавьер подскочил на месте.

– Кто-то идёт, – в его руках уже был арбалет.

Наталья обернулась, надеясь, что это те, кого она ждала.

Четыре смутных фигуры приблизились, и Наталья улыбнулась:

– Это они.

– Кто? – спросил Хавьер.

Но ответ пришёл буквально через секунду, когда они подошли.

Оуэн, Грейс, Дэвид и Монро. Без Шона.

– Я так и знал! – воскликнул Дэвид.

Грейс рассмеялась.

– Мой брат клялся, что знает местоположение гробницы.

– Он был прав, – сказала Наталья.

– Он был прав насчёт многих вещей, – Грейс улыбнулась брату так, как Наталья никогда раньше не замечала. В её улыбке читались гордость и уважение.

Наталья вернулась к яме.

– Вход в гробницу здесь. Мы только что нашли её. Я уложила Гриффина спать, но он очнётся через пару часов.

– Тогда нам лучше поскорее начать, – сказал Монро.

Они вернулись к раскопкам, поочерёдно копая и меняясь по мере уставания. Пока они копали, они думали о том, что произошло с ними. Наталья была разочарована и опечалена из-за того, что Шон остался в Аэри, а вот Грейс и Дэвид, казалось, стали лучше понимать друг друга. Что-то произошло в симуляции Грейс, с её предком Массире и его братом.

Подал голос Оуэн и рассказал о своём отце и ассасинах, обращаясь больше к Хавьеру.

– Я согласен с Монро, – сказал Хавьер после того, как Оуэн закончил.
– Думаю, Исайя тебя наебал.

– Что? – Оуэн даже отступил от своего друга. – Ты понимаешь, что говоришь? Если Исайя подделал воспоминания...

– Это всё ещё не значит, что твой отец сделал это.

– Это значит, что он по-прежнему *мог* это сделать. Об этом ты думаешь?

Хавьер нахмурился:

– Конечно нет. Как ты мог такое подумать? Как ты думаешь, зачем я вломился на полицейский склад?

– У меня что-то есть, – произнёс Монро.

– Что? – спросила Наталья.

– Каменная плита. Это может быть дверь.

– Давайте обкопаем её, – предложил Оуэн.

Они все столпились вокруг открытия, стараясь помочь, стараясь взглянуть. Рассвет был ещё ближе, его бледный свет делал всё вокруг синим. Наталья внезапно почувствовала волнение. Несмотря на всё, несмотря на все препятствия, они собрались здесь.

Но затем раздался низкий гул, и Наталья отпрянула от отверстия, взглянув в небо.

– Тамплиеры, – вымолвила она.

Остальные подняли головы.

– Бегите, – сказал Монро.

– Куда? – спросил Оуэн.

Через секунду вертолёт вылетел из-за холма, осветив их прожекторами, ослепив и придавив их к склону. Одетые в чёрное фигуры с оружием спускались по тросам из вертолёта. Оуэн, Грейс и Хавьер вступили с ними в бой, но они превосходили их числом, а вскоре пулемёт взрыхлил землю рядом с ними.

– Прекратите сопротивление! – из громкоговорителя вертолёта раздался голос Исайи. – Это бессмысленно и может привести к вашей нежелательной смерти!

Вторая волна агентов штурмовала холм с земли, и выходов из ситуации больше не было. Они не могли бежать, не могли прятаться, не могли сражаться. Наталья взглянула вверх, посмотрев в ослепляющий светом прожектор, ощущая беспомощность.

– Все поднимите руки, – скомандовал подросткам Монро. – Я хочу, чтобы вы вышли из этого живыми.

Агенты уже скрутили Хавьера, Оуэна и Грейс. Наталья держала руки поднятыми вместе с Дэвидом и Монро, и вскоре они были полностью окружены.

Исайя по тросу спустился из вертолѐта. Вертолѐт ушѐл в сторону, подняв напоследок винтами небольшую бурю, но вскоре стало очень тихо. Директор подошѐл к Дэвиду, сложив руки за спиной.

— Очень умный способ избавиться от нас, — сказал он. — Но, разумеется, я знал, что вы так поступите. Более эффективным способом было бы предоставить вам свободу, чтобы вы привели меня к истинному месту, что вы и сделали, избавив меня от недель, если не месяцев раскопок.

— Исайя, не причиняй им вреда, — попросил Монро.

Исайя повернулся к нему:

— С чего бы мне это делать? Они всё ещё нужны мне, так же, как и ты. — затем он подошѐл к Хавьеру. — Где ассасины?

— Без понятия, — сказал Хавьер. — Мы оставили их позади.

— Похоже на то, — сказал Исайя и повернулся к одному из агентов. — За работу! Я хочу, чтобы вы отрыли эту гробницу! И оставайтесь начеку!

— Да, сэр.

Тамплиеры принялись за работу, раскапывая и очищая завал, а Наталья могла только наблюдать, как дыра, которую она начала копать, становилась всё шире и глубже, а каменная плита всё больше очищалась.

Для неё это всё казалось нереальным.

Еѐ план провалился, они в беде, и сейчас она осознала, что Хавьер был прав всё это время.

Возможно, в самом деле был только один вариант — выбор между ассасинами и тамплиерами, и в поисках лучшего пути она выбрала самый худший.

ГЛАВА 28

Два агента скрутили Хавьера, как и Оуэна с Грейс, пока Исая спокойно вышагивал к гробнице. Но не успел он дойти до неё, как кто-то закричал, и раздались выстрелы. Хавьер повернулся на звук и увидел, как Гриффин и Янмей вступили в бой, капюшоны покрывали их головы, электрические клинки трещали разрядами.

Хавьер использовал отвлекающий манёвр и сбросил с себя охранников. Затем он вытащил дымовую гранату и бросил её на землю, выигрывая им время. Он обернулся и увидел, что Оуэн и Грейс сделали то же самое.

Агенты тамплиеров перегруппировались рядом с двумя ассасинами, но Хавьер начал стрелять дротиками до тех пор, пока они не кончились. Он отбросил пистолет в сторону и потянулся к метательным ножам. При появлении ассасинов Исая ускорил шаг по направлению к гробнице и практически вошёл внутрь. Хавьер бросился за ним.

– Оуэн!

– Вижу!

Они оба бросились вперёд. Хавьер делал всё что мог на пути к гробнице, кидая ножи и гранаты и помогая Гриффин с Янмей. Грейс высвободилась и стояла рядом со своим братом, защищая его.

Исайя добрался до дверного проёма первым, Хавьер нырнул вслед за ним прямо в низкий туннель. Оуэн бежал прямо за ним, и они слышали шаги Исайи в темноте, его фонарь высвечивал тени вокруг его силуэта. Оуэн и Хавьер бросились за ним. Туннель, казалось, был сделан из кирпича и земли, пахло глиной.

Прямо перед ними открылась взору комната, которую Исайя уже достиг, и когда они вошли в неё, Оуэн с Хавьером держали ножи наготове, готовые к броску. Исайя нагнулся над саркофагом, склоняясь под низким потолком. Рядом с ним на земле лежала груда артефактов и потускневшие остатки доспехов и одежды, а в руке Исайя держал кинжал. Хавьер сразу опознал его. Однажды он уже держал похожий, когда переживал воспоминания Каджела Кормака.

Теперь у Исайи была Частица Эдема.

Хавьер приготовился бросить нож, но не успел он это сделать, как Исайя посмотрел ему в глаза, и волна сломила его сознание. Он ощущал это лишь один раз, в присутствии Кортеса во время его первого опыта в Анимусе.

Позади этой волны пришёл непреодолимый поток мыслей. Хавьер представил своих родителей, словно они были прямо перед ним. Его мама всхлипывала и говорила, что она не хотела бы, чтобы он вообще родился. Его отец сказал, что было бы лучше, если бы Хавьер убил кого-то. Затем появился его брат, крича на него и называя пидорасом, и начал избивать его.

Хавьер свалился на землю от ударов, плача от боли, лишь смутно осознавая, что он всё ещё в гробнице. Оуэн скрючился рядом, держась за голову. Позади родителей и брата Хавьера он видел Исайю, спокойно выходящего из гробницы.

После того, как он ушёл, брат Хавьера и их родители медленно отступили в тени гробницы, как и их глаза, полные ненависти, всё ещё были сосредоточены на нём, пока их фигуры полностью не исчезли. Хавьер, задыхаясь, вытер глаза, прежде чем поднялся на ноги в темноте.

– Что это за херня? – спросил Хавьер.

– Думаю, это был зубец страха, – пролепетал Оуэн. – Я... не мог противиться этому.

– Надо попытаться, – сказал Хавьер и пошёл вперед, сжимая нож, к выходу из гробницы через узкий проход, видя рассвет через вход.

Снаружи Исайя триумфально возвышался на каменном склоне. Все вокруг него стояли на коленях или лежали на земле, одержимые их самыми худшими страхами, запертые в своём персональном аду. Исайя наблюдал за ними с выражением полного удовлетворения, его губы сложились в жестокой улыбке.

Хавьер снова поднял нож, готовясь его метнуть, но опять появились его родители, встав между ножом и целью. Они шли к Хавьеру, крича, крутя пальцами и выплёвывая настолько жестокие оскорбления, что Хавьер закрыл уши.

Но сквозь это Хавьер слышал крик и поднял голову, увидев бросившуюся на Исайю Янмей. Слезы катились из её глаз, но клинок был наготове. Однако Хавьер видел, что атака была отчаянной.

Ей не хватало контроля.

Исайя просто отступил и вонзил кинжал, Частицу Эдема, прямо ей в живот. Она снова вскрикнула, и он отбросил её в сторону.

– СЛУШАЙТЕ МЕНЯ! – проревел Исайя. – Я БОЛЬШЕ НЕ ТАМПИЕР! ТЕПЕРЬ Я СМЕРТЬ, РАЗРУШИТЕЛЬ МИРОВ! ВСЕ ТЕ, КТО КОГДА-ТО СЛУЖИЛИ ОРДЕНУ, ТЕПЕРЬ СЛУЖАТ МНЕ, А ОСТАЛЬНЫЕ ПОГИБНУТ! ЗА МНОЙ!⁵³

Он повернулся и зашагал вниз с холма, и после того, как он прошёл несколько метров, агенты тампиеров как по команде поднялись и последовали за ним. Хавьеру удалось подняться и подбежать к Янмей. Она дрожала и зажимала рану на животе, из которой текла кровь.

Много крови.

Очень много.

Хавьер прижал руки к ране, пока Гриффин, шатаясь, шёл к ним.

– Янмей, – пробормотал ассасин.

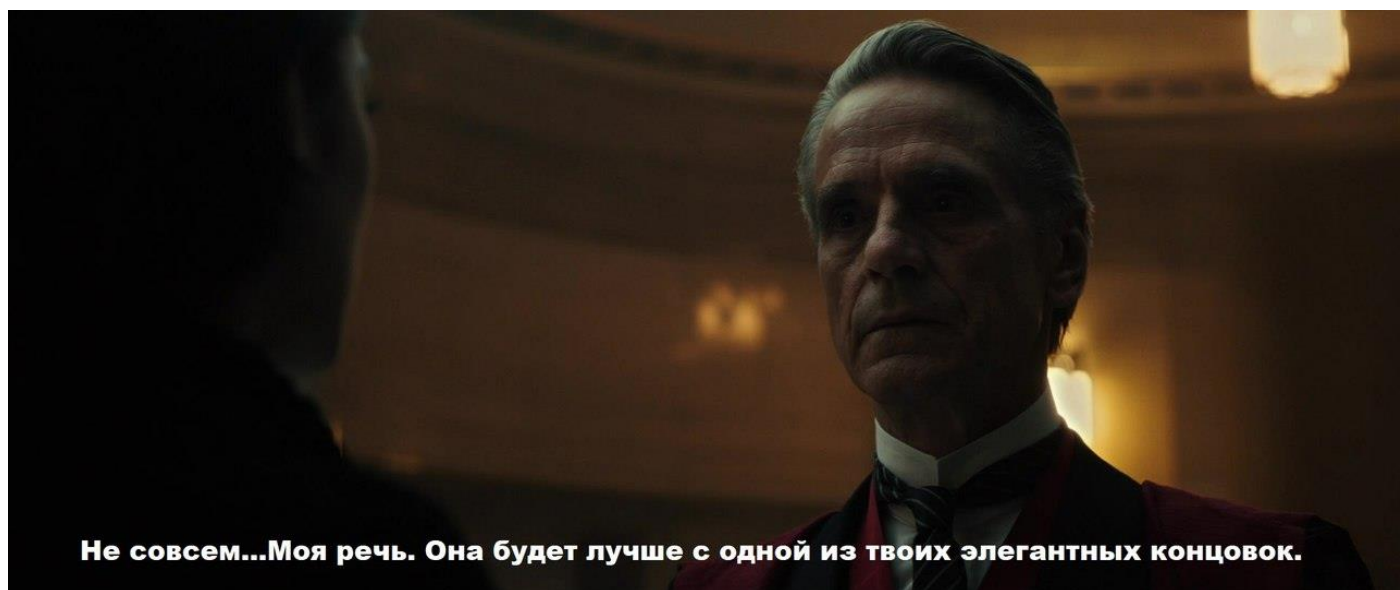
Она взглянула на него.

– Он показал мне то, что я похоронила давным-давно.

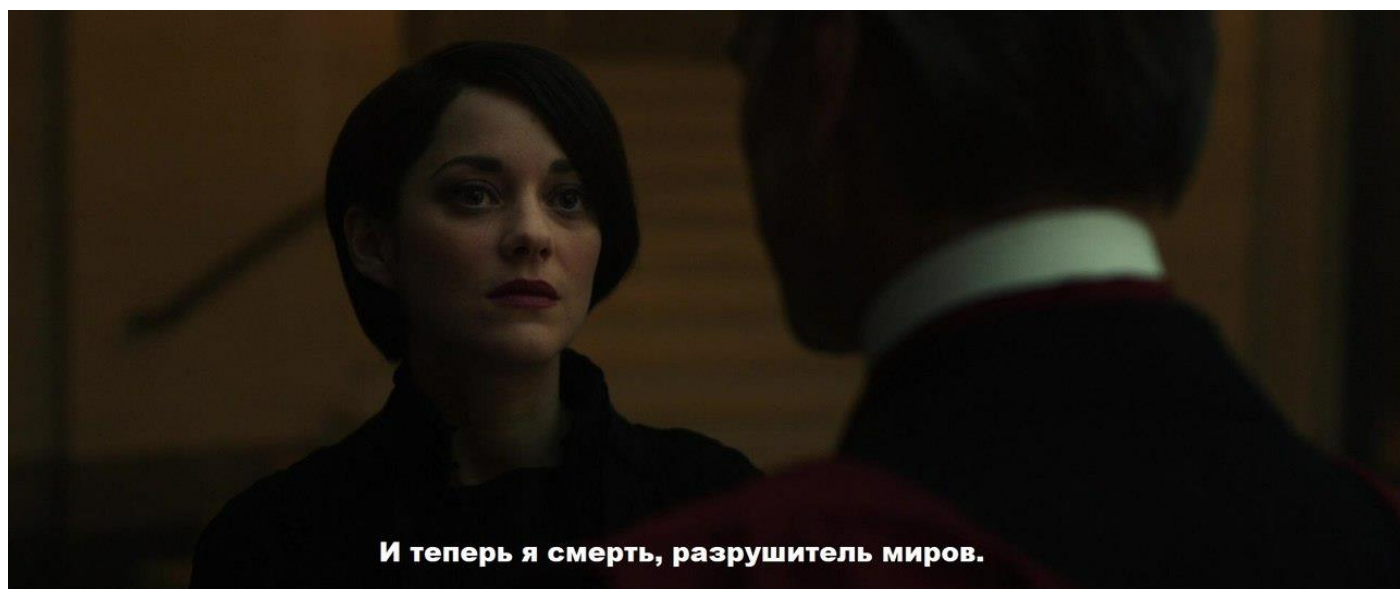
– Ты единственная, кто подобралась к нему близко.

⁵³ Эти слова принадлежали Роберту Оппенгеймеру, американскому физику-ядерщику, научному главе программы "Манхэттен", глава исследований по разработке ядерной бомбы. Он сказал эти слова в 1965 году в документальном фильме ("Решение взорвать бомбу"). Изначально он сказал оригинал фразы на санскрите (так как эта фраза из Махабхараты, древнеиндийской книги, философско – религиозного трактата), а потом перевёл на английский: "I am become Death, the destroyer of Worlds." – "Я – смерть. Разрушитель миров." При этом на Оппенгеймер изменил перевод, поставив "смерть" вместо "время".

Но вы должны помнить эти слова по другой причине и из другого фильма. См. следующую страницу.

Не совсем...Моя речь. Она будет лучше с одной из твоих элегантных концовок.

И теперь я смерть, разрушитель миров.

Она кашлянула.

– Недостаточно близко.

Остальные подошли поближе, встав вокруг ассасинов, и Хавьер видел, как они все переживают шок после собственных страхов, так же, как и он, даже если они все переживали за Янмей. Лицо Монро вообще стало бесцветным.

– Что мы можем сделать? – спросила Грейс.

– Нужно увести её отсюда, – ответил Гриффин.

– Как? – спросил Дэвид.

– Один из вертолётчиков. Помогите мне поднять её.

Гриффин взялся за плечи Янмей, а остальные взяли её за руки и за ноги, пока Хавьер продолжал держать руки на её ране. Они подняли её вместе и, пошатываясь, начали спускаться с горы.

Солнце вышло из-за гор, бросая свет на лагерь Абстерго, и Хавьер увидел, как конвой уходит. Исая со своей армией. Но Хавьер испытал настоящее отчаяние, когда увидел, как оба вертолётчика также улетали с агентами.

– Будь с нами, – сказал Гриффин, взглянув на неё. – Янмей, не отключайся.

Но её глаза практически закрылись, а веки дёргались.

– Положите на землю, – скомандовал ассасин. – Положите и продолжайте давить на рану.

Они аккуратно уложили на землю, и Хавьер склонился к ней, пока Гриффин мягко тряс её за плечи:

– Янмей, не отключайся. Давай, нужно сражаться.

Но Хавьер мог чувствовать, что под его кровавыми руками что-то изменилось.

Её грудь больше не вздымалась.

Она больше не дрожала или двигалась.

Даже кровотечение замедлилось, пока полностью не остановилось.

Она умерла.

– Блять! – воскликнул Гриффин, закрыв глаза и вдавив кулаки в землю.

Наталья зарыдала, и Хавьер почувствовал, как слезы подступали к его глазам. Оуэн, Грейс и Монро не знали Янмей, но стояли рядом, угрюмые, печальные, и молчали всё это время.

Спустя некоторое время Гриффин поднялся на ноги и поднял её тело, прижав её к себе. Он продолжил идти вниз с холма, и Хавьер с остальными последовали за ним, но теперь гораздо медленнее. Когда они спустились в долину, они направились к уже опустевшему лагерю тамплиеров. Гриффин снова опустил тело Янмей и огляделся.

– Нужно найти способ связаться с Гэвином. Или, по крайней мере, с остальной командой Янмей.

– Это моя вина, – всхлипнула Наталья. – Если бы я просто сказала, где Частица Эдема...

– Прекрати, – перебил её Гриффин. – Это война, а война забирает жизни. Я знал, что Янмей уважала тебя за твои принципы. Она бы винила не тебя, а Исайю, как и я. Нельзя забывать, кто настоящий враг.

– Согласен с Гриффином, – сказал Монро. – Это не твоя вина.

– Что он имел в виду? – спросил Хавьер. – Исайя заявил, что он больше не тамплиер.

– Не знаю, – ответил Гриффин. – По одной проблеме за раз.

Он направился к одной из палаток, просунул голову туда, затем подошёл к другой и проделал то же самое; скорее всего, он искал радио или какой-либо другой способ связаться с внешним миром.

Хавьер отвёл Оуэна в сторонку.

– Ты в порядке?

Оуэн кивнул, но кивок был неубедительным, и Хавьер в точности знал, что кинжал показал его другу.

– Это так же реально, как и фейковая симуляция Исайи, – продолжил он. – Выброси это из головы. Сосредоточься на поисках правды.

Оуэн кивнул.

– А ты что видел?

– Моих родителей, – сказал Хавьер. – Они...

Но он не закончил фразу. Оуэн положил руку ему на плечо.

– Неважно. Как ты и сказал, это неправда.

Хавьер посмотрел на остальных. Грейс и Дэвид прижались друг к другу, а Наталья стояла рядом с Монро.

– Интересно, что же они видели.

– Наверное, лучше не спрашивать.

Хавьер подумал, что, вероятно, так и есть.

Он с Оуэном направился обратно к ним, но в этот момент до них донёлся шум приближающегося вертолѐта. Они все посмотрели на Гриффина, выскочившего из одной из палаток.

– В укрытие! – воскликнул он.

Они бросились врассыпную. Хавьер укрылся в одном из морских контейнеров с Оуэном и Монро, а Грейс с Дэвидом бросились в ту же палатку, где были Гриффин с Натальей. Они стали ждать, и Хавьеру подумалось, а что, если Исайя вернулся за ними. Он считал, что Исайя имел это в виду, когда говорил, что они нужны ему живыми, но это не значило, что он намеревался оставлять их на свободе.

Когда вертолѐт показался, заревев над головой, он сделал круг над лагерем, прежде чем сесть в поле рядом с рекой. Лопасты замедлились до полной остановки, в то время как боковая дверь открылась, и из неё выпрыгнула женщина в сопровождении нескольких агентов Абстерго.

– Виктория, – произнёс Оуэн.

– Кто? – спросил Хавьер.

– Это Виктория. Она была в Аэри. Исайя сказал, что она на пути сюда.

Женщина была одета в такую же униформу, как Исайя и, осмотрев лагерь, подошла ближе. Её лицо было встревоженным и выражало недоумение, а поза выражала готовность защищаться.

– Похоже, она не знает, что произошло, – сказал Монро.

– Неа, – согласился Хавьер.

– Виктория! – позвала её Грейс, выйдя из палатки и размахивая руками.

– Что она делает? – спросил Оуэн. Хавьер думал о том же.

Виктория обернулась, махнула рукой в ответ и бросилась к Грейс в середину лагеря. Дэвид и Наталья вышли следом, а затем Монро взглянул на Оуэна и Хавьера и пожал плечами:

– Нет смысла прятаться.

Так что они тоже вышли из контейнера и пересекли лагерь, присоединившись к остальным. Хавьер настороженно смотрел на агентов, готовый применить оружие, если это понадобится. Лопасты вертолѐта окончательно остановились.

– Где он? – спросила Виктория. – Где Исайя?

– Ушёл, – ответила Грейс. – С Частицей Эдема.

– А остальные где?

– Забрал их с собой, – ответил Монро. – Он предал вас.

Виктория прикрыла глаза, будто подтвердилось то, чего она опасалась.

– Он кое-что прислал мне, – она подняла свой телефон. – Что-то вроде... манифеста.

– Что в нём говорится? – спросила Грейс.

– Я полностью его ещё не прочла. Но ясно то, что он порвал с Орденом. А также он утверждает, что у него два зубца.

– Два? – переспросил Оуэн.

Виктория кивнула.

– Он нашёл тот, что был на горе МакГрегор, прежде чем вы добрались туда.

– То есть для Трезубца ему не хватает одного, – сказал Хавьер. – Мир в одном шаге от нового Александра Макендоского.

– Или хуже, –插ставила Наталья.

– Я всё ещё пытаюсь это осознать, – произнесла Виктория. – Но многое становится ясно. Мы с ним во многом были не согласны насчёт всех вас, и теперь я знаю: это потому что он работал в своих собственных интересах. Не в интересах тамплиеров.

– Нужно остановить его, прежде чем он найдет третий зубец, – сказал Хавьер. – Его практически невозможно было остановить с зубцом страха. А если он соберёт Трезубец, то будет непобедимым.

Виктория впервые заметила его и повернула к нему голову.

– Ты Хавьер.

– Да.

– Значит, ассасины были здесь?

– Они *и сейчас* здесь, – поправила Грейс.

С этими словами тамплиеры заняли оборонительную позицию, подняв оружие и сканируя местность.

– Серьёзно? – недоумённо спросила Наталья. – После того, что случилось, вы всё ещё готовы драться? Нам нужно работать сообща. Исайя стал сильнее, чем Орден тамплиеров или Братство ассасинов, и я думаю, что он хочет уничтожить вас обоих.

Виктория, прищурившись, долго смотрела на неё. Затем она повернулась к агентам.

– Опустите оружие на землю.

Они поколебались, и она повторила приказ. После того, как они повиновались, она отошла от них с широко раскинутыми в стороны руками.

– Я доктор Виктория Бюбо! Я знаю, что вы меня слышите! Как вы видите, мои агенты сложили оружие!

Прошла минута. Хавьер гадал, что предпримет Гриффин.

– Я предлагаю перемирие! Выйдите, пожалуйста, и мы поговорим!

Прошла ещё минута, и наконец Гриффин вышел из палатки. Его капюшон был поднят, скрывая половину лица в тени. Он шагал к ним уверенно, даже агрессивно, но его клинок был скрыт.

– Я Гриффин, – сказал он. – А вы, доктор Бюбо, пожалуй, единственный тамплиер, которому я бы доверился.

– Эти времена прошли. Теперь я тамплиер, не обманывайтесь в своих ожиданиях. Но правда в том, что я, возможно, единственный тамплиер, который согласится говорить с тобой. Или работать с тобой, чтобы победить Исайю.

Видимо, в истории Виктории было то, о чём никто не знал. Гриффин, казалось, *слышал* о ней как минимум, и очевидно, она не всегда была верна тамплиерам. Но Хавьер отложил эти вопросы, надеясь, что Гриффин не будет обострять ситуацию, как и Виктория.

– Полагаю, это беспрецедентная ситуация, – заявил ассасин. – Тамплиер, просящий ассасина о помощи.

– Мне без разницы, кто из нас просит друг друга о помощи, да и мне как-то всё равно, если это тешит вашу гордыню. Для меня важно остановить Исайю.

– Довольно искренне. Перемирие продолжится до тех пор, пока третий зубец не будет найден и Исайя не будет остановлен.

– Может, конец света всё же не наступит, – вставил Монро.

– Есть идеи, где искать? – спросил Хавьер.

– Скандинавия, – ответила Виктория. – У нас есть твёрдая уверенность, что третий зубец в Скандинавии.

ГЛАВА 29

Штирбьорн снова стоял на носу своего *драккара* с Гирид, но в этот раз за его спиной было двести кораблей. Они набегали на датское побережье месяцам, и Йомсвикинги доказали свою репутацию на все сто. Ни одна деревня или город им не сопротивлялись, и каждый флот, посланный остановить их, ныне покоился на дне морском.

Палнаторк стоял сбоку от Штирбьорна в качестве его помощника.

– Жду не дождусь стереть гнилую улыбку с лица Харальда, когда вы заберёте его королевство.

– Я не хочу его королевство, – ответил Штирбьорн. – Я хочу его армию.

– Я хочу его королевство, – сказала Гирид.

Штирбьорн повернулся к ней:

– Уверена в этом?

– Уверена. У тебя будет Швеция, у меня – Дания.

Штирбьорн кивнул и снова перевёл своё внимание на гавань, в которую заходил его флот. Течения океана и порывы ветра проносились сквозь сознание Шона, он чувствовал запах соли и слышал крик чаек над ним.

Свобода.

– *Ты в порядке, Шон?* – спросила Аная.

– Да, – ответил он. Виктория хотела забрать его с собой после того, как Грейс и Оуэн сбежали с Монро, но он отказался. Как он мог оставить это? Это было местом, которому он принадлежал. – У меня всё отлично.

Драккар подошёл к главному причалу, и Штирбьорн увидел ожидающую его делегацию, готовую преподнести ему дары и заверения о дружбе, чтобы предотвратить разграбление города. Среди них Штирбьорн увидел Харальда Синезубого, который стоял вместе с сыновьями и дочерьми. Король Дании не улыбался, но выглядел смиренным, одетый в толстые меха с украшенным поясом, на котором висел своеобразный кинжал.

Шон немного вышел за разум Штирбьорна, чтобы присмотреться к оружию и испытать почти ошеломляющее волнение, осознав, что это. Он не хотел отрывать свой взгляд от оружия, боясь, что оно исчезнет.

– Аная, я нашёл её! Я нашёл Частицу Эдема!

Его встретила тишина.

– Аная!

Опять тишина.

Это уже было странно.

– Аная?

– *Здравствуй, Шон,* – раздался голос Исайи.

– Исайя! Вы вернулись?

– Да.

– Я нашёл её, – сказал он, осознав, что дыхание даётся ему с трудом. – Частица Эдема. Мой предок только что видел её.

– *Потрясающе. Я собираюсь вытащить тебя, чтобы это обсудить, хорошо?*

– Окей, – ответил Шон, готовясь к извлечению.

Затем он пережил дискомфорт перехода в Коридор памяти и извлечения Теменного Супрессора. С нетерпением он снял шлем и потряс головой, чувствуя небольшое головокружение, но ликуя в душе.

Исайя стоял рядом с кольцом Анимуса, улыбаясь.

– Отличная работа.

– Мне просто нужно остаться с этим предком. Штирбьорн покажет нам, что случилось с Частицей Эдема.

– Замечательно, – он повернулся к девушке из службы безопасности, стоящей рядом с ним. У неё были белокурые волосы, а на груди висел бейджик с именем «Коул». – Вытащи процессор из Анимуса Шона.

– Вытащить? – повторил Шон. – Вы снова уезжаете?

– Да, – ответил Исайя. – Но на этот раз ты отправишься со мной.